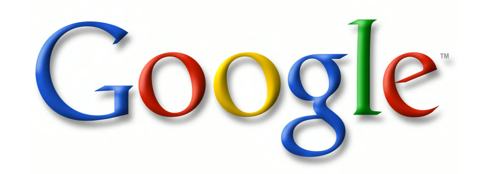
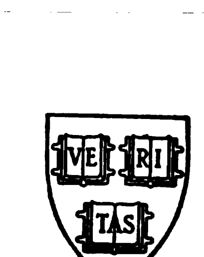
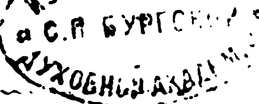

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVII, вып. 1.

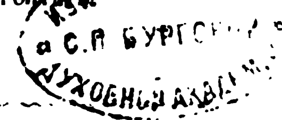
СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета
1901.

Вышелъ 25 января

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVII, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета
1901.

Вышелъ 25 января

ИЗДАНІЯ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

---

1) Черемисы, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1889. 212 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

2) Вотяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 352 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 25 коп.

3) Пермяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1891. 289 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 75 коп.

4) Мордва, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1895. 296 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.

5) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. И. Веске. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

6) Спасскій монастырь въ г. Казани, историческое описаніе. Е. М. Лебедева. 1895 215 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

7) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани: томъ I и II (1884 и 1891) по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891) — цѣна 2 руб. Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877 Цѣна 1 рубль.

8) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882. Часть I, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.

9) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8° Цѣна 75 коп.

10) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стран. 12° Цѣна 10 коп.

11) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.

12) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваши, Н. П. Золотницкаго. 1884. 56 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

13) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

14) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 20 коп.

15) Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка. А. И. Соколова. 1892. Цѣна 2 коп.

16) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стран. Цѣна 5 коп.

17) О древнемъ поселеніи около г. Спасска. А. Обрѣзкова. 1893. Цѣна 3 коп.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Членъ Совѣта *Н. Петровскій.*

Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края.

III. Мелодіи астраханскихъ и оренбургскихъ ногайцевъ и киргизъ [1]).

Предлагаемыя при семъ вниманію читателей „Мелодіи астраханскихъ и оренбургскихъ ногайцевъ и киргизъ" составляютъ III главу, а въ отдѣльномъ видѣ III выпускъ собранныхъ дѣйствительнымъ членомъ Общества В. А. Мошковымъ и хранящихся въ редакціонномъ портфелѣ Общества „Матеріаловъ для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края". Мелодіи подъ №№ 1—12 значатся въ рукописи В. А. Мошкова подъ этими-же №№-ми, № 13—подъ № 14, № 14—подъ № 15, № 15—подъ № 16, № 16—подъ № 17, № 17—подъ № 18, № 18—подъ № 19, № 19—подъ № 20, № 20—подъ № 21, № 21—подъ № 22, № 22—подъ № 23, № 23—подъ № 24, № 24—подъ № 25, № 25—подъ № 26, № 26—подъ № 27, № 27—подъ № 28, № 28—подъ № 37, № 29—подъ № 38, № 30—подъ № 40, № 31—подъ № 42, № 32—подъ № 44, № 33—подъ № 46, № 34—подъ № 47 и № 35—подъ № 49. Недостающія въ

---

[1]) Введеніе къ этой статьѣ напечатано въ XII т. «Извѣстій» стр. 1—67, первая глава (I выпускъ)—въ XI т. «Извѣстій» стр. 31—64, 167—182, 261—276 и 369—376 и вторая глава (II выпускъ)—въ XIV т. «Извѣстій» стр. 265—291.

этой главѣ мелодіи напечатаны раньше, на стр. 265—291 тома XIV „Извѣстій“ [1]).

Выпуская въ свѣтъ эту главу, редакція считаетъ нужнымъ оговориться, что въ рукописи В. А. Мошкова она не сдѣлала никакихъ поправокъ и передѣлокъ, ни въ мелодіяхъ, ни въ текстахъ, такъ какъ въ Казани на примѣтѣ у Общества не имѣется ни одного лица, которое бы настолько основательно знало пѣніе и языкъ астраханскихъ и оренбургскихъ ногайцевъ, чтобы вполнѣ смѣло могло взять на себя поправки и передѣлки въ чужихъ записяхъ.

Сравнивая записи В. А. Мошкова съ записями академика, дѣйствительнаго члена Общества, В. В. Радлова, т. е. съ текстами крымскихъ ногайцевъ, напечатанными недавно Академіей Наукъ въ С.-Петербургѣ, между тѣми и другими въ одинаковыхъ словахъ находимъ значительную разницу; такъ, напр., В. А. Мошковъ транскрибируетъ: саны—*тебя* (№ 1), кашып—*твои брови* (ibid.), зеl мыштыр—*порвалась* (ibid.), бо jал—*сей годъ* (№ 4), каланем—*города* (№ 5), браjване—*въ одинъ дворецъ, домъ* (№ 6), сізгі—*вамъ* (№ 8), аузен—*твой ротъ* (№ 9), коjла толhан—*наполнившіе пазуху* (№ 10), кны џӧк—*дня нѣтъ* (№ 15), каjтараптан—*съ какой стороны* (№ 17), аjтысеңгез—*если скажете* „говори“ (ibid.), шеhамыз—*выходимъ* (ibid.), атӓнсын сіhанып—*вспомнивши отца и мать* (№ 19), жіlдыз—*звѣзда* (№ 23), шік та каре—*выйди да погляди* (ibid.), моhет кабардым—*отправился я на море* (№ 24), жіткезыф—*давши возможность догнать* (ibid.), ікӧф—*двое* (№ 27), гзыңка—*длинная мелодія* (№ 29), кулар—*руки* (№ 32), гадатын жӓры—*обычай твой годится* (№ 35). Эти слова по В. В. Радлову транскрибируются такъ: сӓні, kашың, ӱзӱlміштір, бу јыл, kаланың, бір аіванӓ, сізгӓ, аузың, kоінуна толҕан, кӱнӱ џоk, kаі тараптан, аіт дӓсӓңіз, шыҕамыз, ат’ ӓнӓсін саҕынып, џулдуз, шык-та kара, моhітkа бардым, џеткізіп, ікӓӱ, озон (узун) кӱі, kуллар, ҕадатың џарый.

---

[1]) т. е. во II выпускѣ (второй главѣ «Извѣстій»).

Было бы крайне желательно, чтобы со временемъ тексты и мелодіи В. А. Мошкова кѣмъ нибудь на мѣстѣ были тщательно провѣрены и изданы вполнѣ научно, съ соблюденіемъ всѣхъ фонетическихъ и музыкальныхъ тонкостей, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ астраханскіе и оренбургскіе тексты и мелодіи въ печати почти никогда не появлялись; кромѣ сборника В. В. Радлова изданы лишь: „пѣсни астраханскихъ татаръ" на стр. 308 и 311, „нагайскія пѣсни" на стр. 314 сочиненія С. Г. Рыбакова „Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ. СПБ. 1897", затѣмъ сборникъ текстовъ нагайскаго нарѣчія, изданный Османовымъ по опредѣленію Восточнаго Факультета въ 1883 году, но не научно,—и только; кромѣ того можно упомянуть, что варіантъ четверостишія, помѣщеннаго у В. А. Мошкова подъ № 5-мъ и риѳмующаго на „олур", имѣется у венгерскаго ученаго И. Куноша въ его сборникѣ „Oszmán—török népmesék és népdalok. Budapest. 1889" на стр. 203, подъ № 129-мъ, и у проф. В. Д. Смирнова въ его книгѣ „Очеркъ исторіи турецкой литературы. С.-Петерб., 1891" на стр. 16-ой.

Несмотря на рѣзкую, повидимому, разницу въ транскрибированіяхъ В. В. Радлова и В. А. Мошкова, редакція „Извѣстій" и въ записяхъ г. Мошкова находитъ довольно много интересныхъ фактовъ:

1) Риѳмованіе 1-го, 2-го и 4-го стиховъ, столь распространенное въ Турціи, Персіи, Средней Азіи и въ среднемъ Поволжьѣ, оказывается въ употребленіи и въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской;

2) Начальный „у", соотвѣтствующій „о" восточныхъ и западныхъ тюркскихъ нарѣчій, и начальный „о" (ɵ), сотвѣтствующій „у", также „ў"=„ŏ" и „ŏ" (ɵ̆)=„ў", господствующіе въ среднемъ Поволжьѣ, оказываются таковыми и въ низовьяхъ Волги и въ Оренбургской губерніи;

3) Выпущеніе конечнаго гласнаго передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова, столь обычное въ восточныхъ губерніяхъ, имѣется также въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской;

1*

4) Окончаніе множ. числа на „нар" вм. „лар", употребляющееся послѣ „м", „ң" и „н" у казанскихъ и уфимскихъ татаръ, имѣется и у ногайцевъ;

5) Переходъ „н" въ „ң" передъ гортанными звуками (k—ɣ, к—г), замѣченный тюркологами въ губерніяхъ Казанской и Уфимской,—обыченъ и у ногайцевъ.

Эти крайне любопытныя въ лингвистическомъ отношеніи явленія, проходящія черезъ всѣ ногайскіе тексты г. Мошкова, вполнѣ ясно доказываютъ близость языка астраханскихъ и оренбургскихъ ногайцевъ къ языку тюрковъ средняго Поволжья и сходство съ языками киргизъ и крымскихъ ногайцевъ, какъ можно судить по записямъ В. В. Радлова. За вѣрность записей прочихъ частей текстовъ редакція не ручается и отвѣтственность за нее возлагаетъ всецѣло на самого автора.
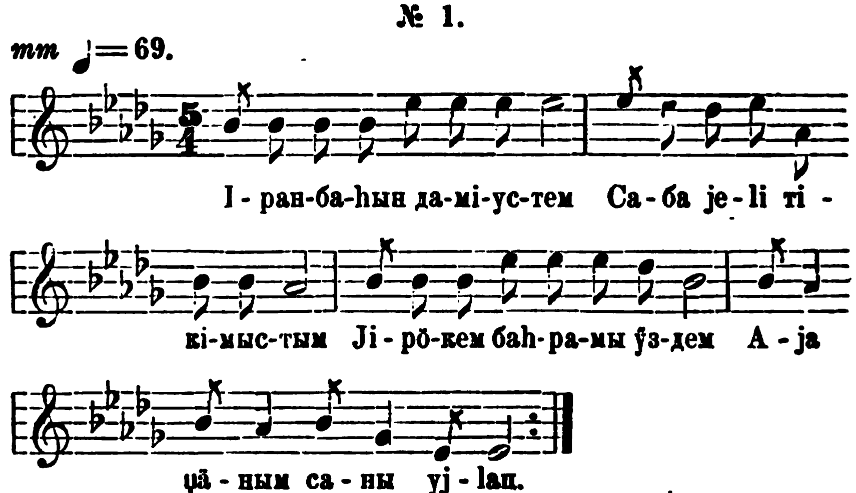
Редакція.

Пѣсни Астраханскихъ ногайцевъ.

А) Мѣщанъ города Астрахани.

№ 1.
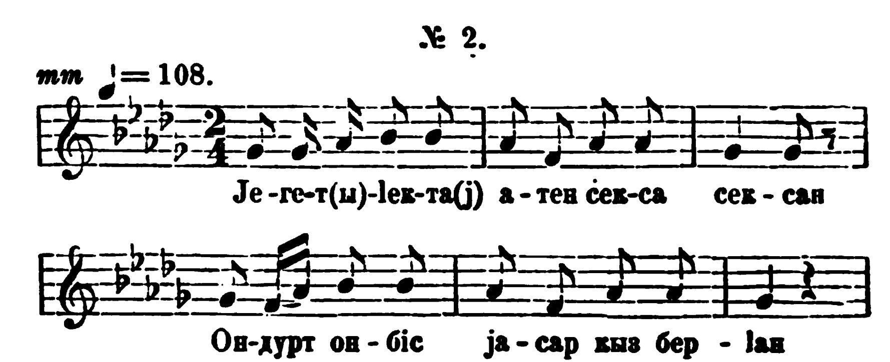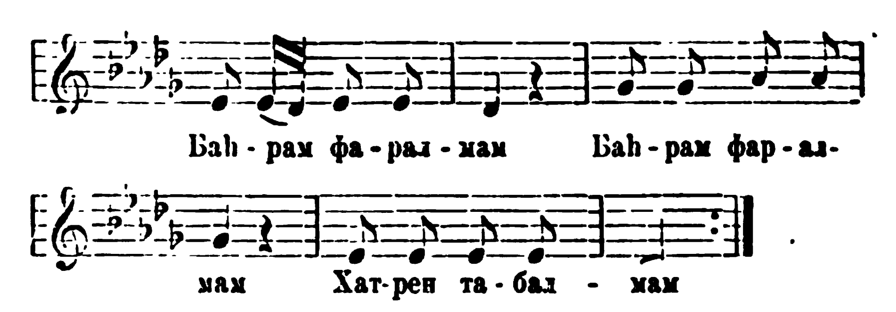

Іранбаһын даміустем	. . . . } По пер-
Сабаjеli тікімыстым	. . . . } сидски.
Jiрӧкем баһрамы ӯздем	Оторвалъ печень отъ сердца своего,
Аjа џäным саны уjlап	Думавши о тебѣ, о милая!
—	—
Кашын кара карамыштыр	Брови твои черныя чернѣются
Дішік інжӯ дезеlмыштыр	Зубы твои подобно жемчугу нанизанному!

Jiрöк баhрым зеl мыштыр	Печень моя отрывается отъ сердца,
Аја цäным саны уjlап	Думавши о тебѣ, о милая!
—	—
Аја цäным кызыл алмам	О милая, подобная красному яблочку
Кälерсын-му маңа цäны	Придешь ли, душа моя, ко мнѣ?
Куземні алмысен бäндін	Хотѣлось бы мнѣ вдоволь насмотрѣться на тебя
Аја цäным саны уjлап	Думавши о тебѣ, о милая!
—	—
Куземні алмысен бäндін	Ты не сводишь глазъ съ меня
Куземні алмымем сäндін	Я не свожу глазъ съ тебя!
Чекајазды цäным тандім.	Чуть не вышла душа моя изъ тѣла,
Аја цäным саны уjlап.	Думавши о тебѣ, о милая!
—	—
Аја цäным саны уjлап	Когда думалъ о тебѣ, о милая!
Бабышен-кабышек кijiп	Надѣвши свои башмаки
Jурісея цäнышен дijiп	Ты разхаживаешь, свѣтикъ мой, душа моя!
Аја цäным саны уjlап	Думавши о тебѣ, моя милая.
—	—

Б) Мѣщанъ г. Царева Астраханской губ.
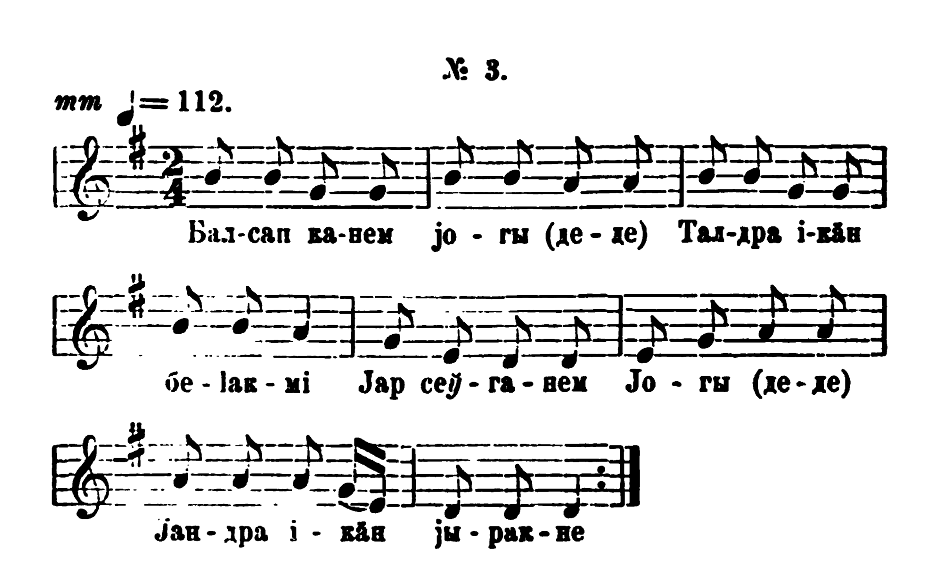
№ 2.

Јегетlекта аттен секса сексан	Бывши молодымъ парнемъ, я на лошадя заигрывалъ
Он дурт ун біс јасар кыз берlан	Съ дѣвушкой четырнадцати-пятнадцати лѣтъ.
Баhрам фаралмам (:)	Я надрывалъ свое сердце (:)
Хатрен табалмам	Но расположенія ея не нашелъ.
—	—
Езlадемдаj таптым џāны	Искалъ и нашелъ свою милую,
Гыllар шāшāк оккан баксадын	Подобную цвѣтку розы, распустившемуся въ саду,
Баhрам фаралмам (:)	Я надрывалъ свое сердце (:)
Хатрен табалмам	Но расположенія ея не нашелъ
—	—

№ 3.

Балсап—капсм јогыты
Талдара ікäн бсlавмі
Јар сеуганем јогыты
Јандрај ікäн јыравне.
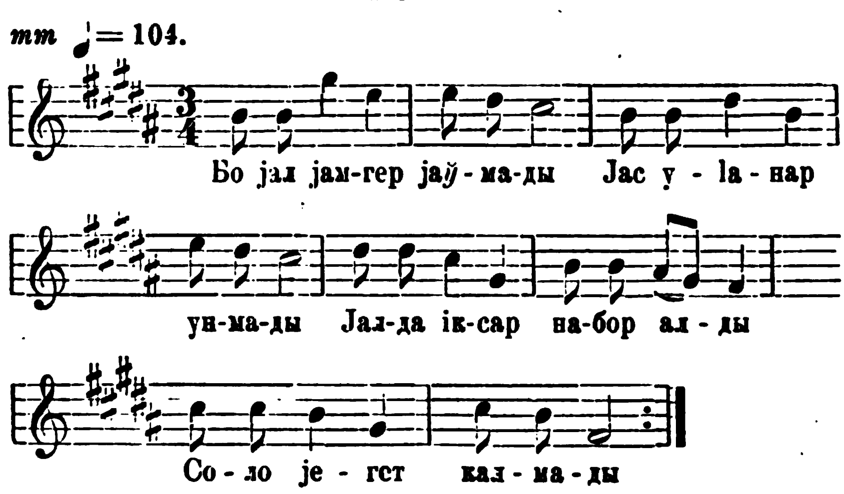
Не было того, кого бы я могла полюбить;
Того, кто бы подержалъ меня за руки до усталости!
Не приходилось мнѣ любить друга,
Который бы разжигалъ мое сердце.

—

№ 4.

(Напѣвъ русской пѣсни новѣйшаго происхожденія).

Рекрутская.
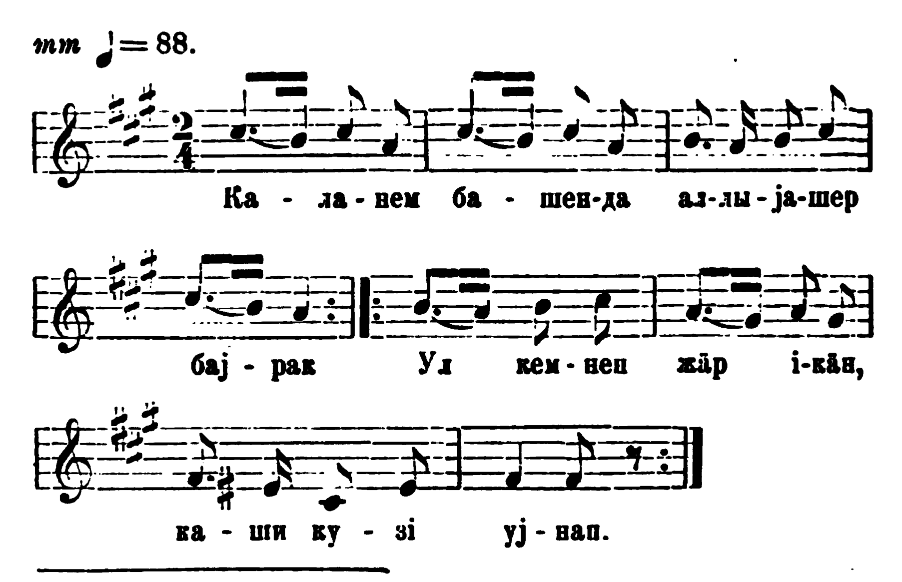

Бо јал јамгер јаумады
Јас уlанар унмады
Јалда ісар набор алды
Соло јегет калмады

Въ этомъ году не шелъ дождикъ
И молодыя травы не уродились.
Въ году два раза набирали рекрутовъ
И красиваго парня ни одного не осталось.

—

№ 5 *).

*) Надо думать, что напѣвъ этой пѣсни—персидскій. По всей вѣроятности онъ былъ, а, можетъ быть, остается и по настоящее время очень популярнымъ. Кромѣ того, что напѣвъ этотъ вошелъ цѣликомъ въ извѣстный «Персидскій маршъ» и М. И. Глинка взялъ его для своего «Персидскаго хора», онъ широко распространился между съ сосѣдними съ Персіей тюркскими народами. Такъ въ журн. Этногр. Обозрѣніе 1889 кн. III варіантъ этого же напѣва есть въ числѣ киргизскихъ и сартскихъ напѣвовъ, собранныхъ Р. А. Пфенигомъ (№ 10).

Кромѣ того, вѣроятно, чрезъ посредство Турціи напѣвъ этотъ дошелъ даже до самой западной отрасли тюркскаго племени, гагаузовъ. Въ доказательство этого позволю себѣ здѣсь привести мелодію четверостишія (*мані*), записанную мною отъ дѣвушки изъ с. Бешалма Комрадской вол. Бендерскаго уѣзда Бессарабской области:

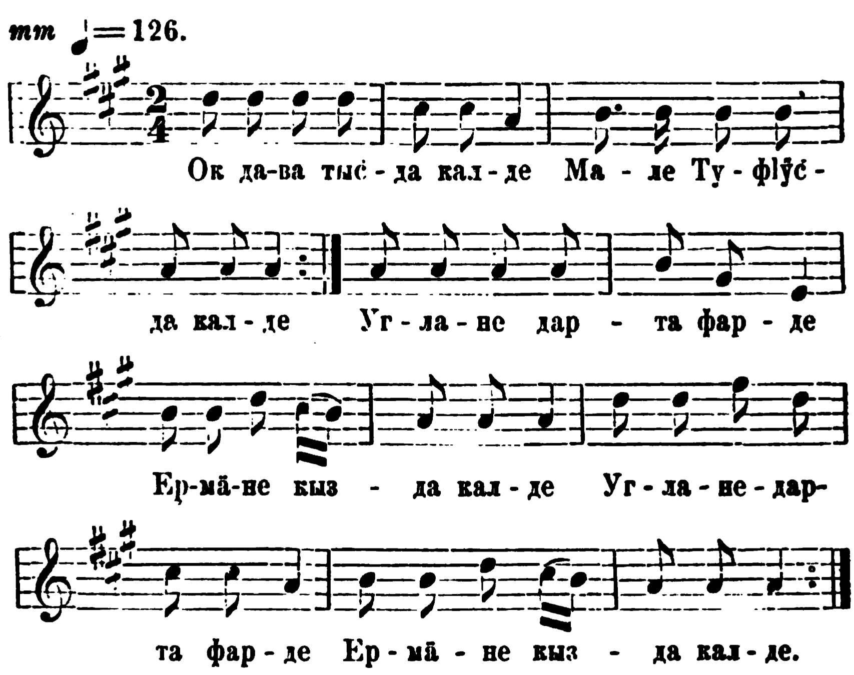

Каlа артында саз олур	За крѣпостью камышъ
Саз ачілыр јаз олур	Камышъ развѣтетъ, лѣто настаетъ.
Бäн јарімä гÿl демäм	Я розой милую не назову,
Гÿlÿн јомÿрÿ аз олур.	У розы жизни мало.

Каланем башенда аллыјашер бајрак	На верху города развѣваются разные флаги!
Ул кемнен жäр ікäн, кашi кузi уjнап	У кого есть милая, у которой глаза и брови играли бы (подобно этимъ флагамъ)?
Атамi баhладем параhашiна	Отцу обѣщалъ я большой выкупъ
Душманнар шат ула дар арашина.	Но враги радуются, желая помѣшать!
—	—

№ 6.
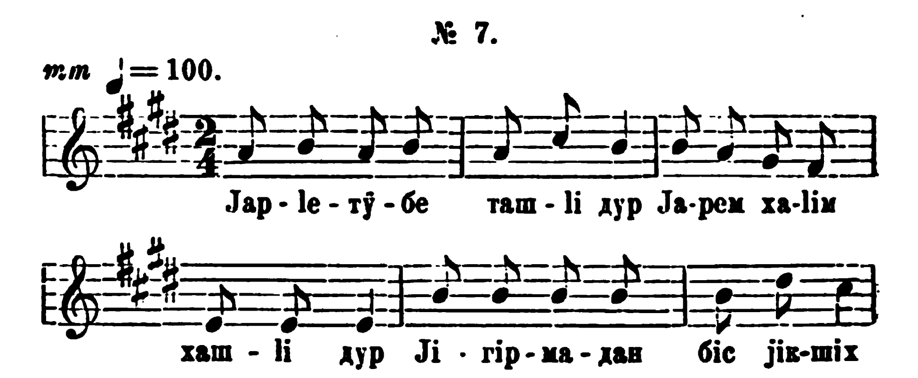

Пѣсни, заимствованныя ногайцами отъ персидскихъ татаръ крючниковъ.
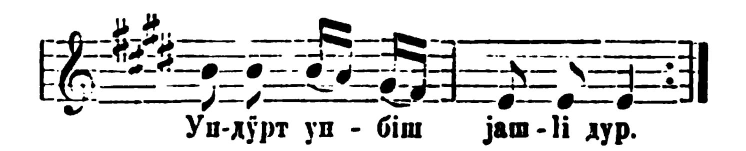
Ок дава тыс́да калде	Остался въ полѣ бѣлый верблюдъ

Мале Туфіўсда калде	Товаръ, бывшій на немъ, остался въ Тифлисѣ.
Угланe дарта фарде	Парень грустилъ (черезъ дѣвушку),
Эрмäне кызда калде.	Такъ какъ сердце его осталось у дѣвушки.
—	—
Ок дававі сўктере	Остановии бѣлаго верблюда,
Мален іра тўктере	Товаръ, находящійся на немъ, сложи на землю!
Кыче кызан біlмарам	Полюбивши младшую дочь (хозяина товара),
Уlle кызе уптерер.	(Парень) цѣлуетъ старшую его дочь.
—	—
Ајнапај насханем	О моя Айнана, граціозная красавица!
Брајване кісханем	Пойдемъ въ какой-нибудь дворецъ!
Ыјена кунак кіланда	Сдѣлавши тебя своею гостью,
Кодере набат асханым	Угощу тебя сладкимъ леденцомъ.
—	—

B) **Пѣсни ногайцевъ Кундровскихъ (Краснoярск. уѣзда).**
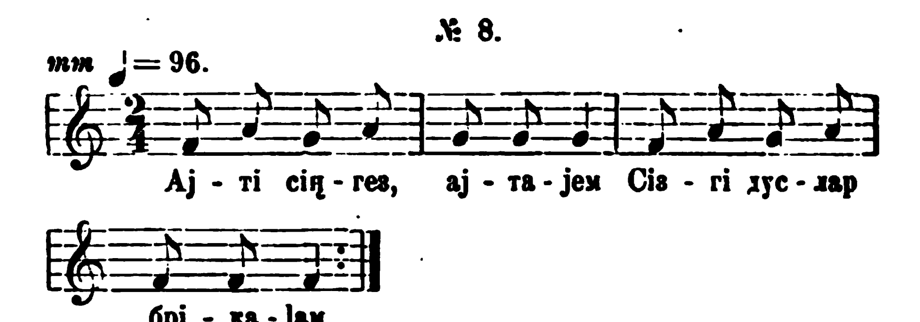
№ 7.

Jарlе-тӳбе ташlі дур	Ярлетюбе (селеніе)—каменное
Jарсм хаlім хашlі дур	Половина селенія побывала въ Меккѣ!
Jігірмадан біс jікшіх	Есть въ немъ у меня на пять менѣе двадцати,
Ун-дӳрт, ун-біш jашlі дур.	Четырнадцати, пятнадцати лѣтняя!
—	—
Хала буlі хыдырдым	Мимо города я шелъ,
Кызлар бырlан ујнадем	И съ дѣвушками игралъ!
Біlгіс—Хіпнын тамаhы	Въ устьи Бильгисъ - Хіннъ (рѣки)
Шоупулдај дур шабаhы	Прыгаетъ мелкая рыба!
—	—
Аракы балдан татlі дур	Слаще водки и меда
Цäн кызларпың буhагы	Милыхъ дѣвушекъ шея!
Аj алмаші алмаші	Ой измѣнись, измѣнись
Шäl jаулука салмасі	Шальнаго платка не носи.
—	—
Бізным jарнеп хујнында	У нашей милой за пазухой
Краснојарнын алмасі	Красноярскія яблоки!
Казак фітның тылкусі	Въ Киргизской сторонѣ лисица
Крау сухса шал булар	Когда снѣгъ выпадетъ, сѣдѣетъ
Jіткан hызны імшаhі	Груди взрослой дѣвушки
Шікер шірын бал булар.	Слаще сахару и меду.
—	—

№ 8.

Ajтісіңгез ajтаjeм	Если просите разсказать, разскажу,
Сізгі дусlар брі каlам	Съ вами, пріятели, одинъ остаюсь,
Куп кузінlар шіндä	Много огорченія внутри.
Jук саудыкен кыlпадäн	И нѣтъ здоровья снаружи
Харендасlар курсаңгыз	Если увидите родственниковъ.
Ajthajсіз біздын салам	Скажите отъ насъ поклонъ.
Каулыjмаjша jургаle	Суетимся, бѣгая рысью,
Ун-ік aj булды таман	И прошло уже двѣнадцать мѣсяцевъ!
Lajмішіп мажмын ітык	Ляймишинъ (имя женщины) все равно, что плохой сапогъ!
Кіткін ахлым oj аман	Какъ придетъ она на умъ, становится дурно
Дajырнен дўріс ітык	Дайырнынъ (имя женск.) все равно, что правильный сапогъ!
Салдыңгус́ jiз мін hармäн	Какъ придетъ она на умъ, какъ будто положилъ я 100 тысячъ въ карманъ
Hayel Ісуп Заliха	Мы все равно что Юсуфъ и Залиха
Ашеклых аннан калhан	Остаемся недовольные любовью.
Даур нішік ут кіргін	Время прошло, какъ сгорѣлъ огонь!
Амременен Заjетхан	По милости Зайтханъ

Біз лалардај булырмыз	Мы награждены любовью.
Шадан бул сапырман	Съ помощью Божьею, починивши сапоги,
Куl худашäм быр коі	Сталъ я свататься однажды.
Діді ҫеңгім кулаксан	Сказала сноха *), говоря: „послушай!“
Ул кіші сізгі барып	Въ этотъ вечеръ къ вамъ приду,
Муллулап ајтхан нехаl	Съ муллой говорила я уже!
Шімра хышlар білмасен	Конечно многіе не знаютъ объ этомъ.
Хіl јаздрып кагыс ал	Приди и вели написать бумагу.
Ул быр багда сін білбіl	Она (твоя возлюбленная) въ саду, а ты будь подобенъ соловью,
Ашелhан куl гіміс ал	И возьми цвѣтокъ, распустившійся (въ саду)!
Бірбір сујlезäн ҫеңгім	Кто-то угощалъ сноху, говоря:
Бу хар зсіпых халдырмај	„Не оставляй безъ вниманія этого сироту!“
Тік быр каудым јіріңыр	Только одинъ остался я ходить,
Талып јіргі жähылмај	Усталъ ходить, будучи взволнованъ!
Кара кузем хан басыј	Черные глаза заливаются кровью
Іш адамта тапыјамај	Такъ что ни одного человѣка не узнаю!
Каhі ултырhан јіремнен	Разбитый я сѣлъ на землю,
Харhа ітеп тролмај	Проклялъ жизнь, не будучи въ состояніи даже стоять.
Ајдада ујнап кеlуп	Пойдемъ, поиграемъ, посмѣемся,

*) Черезъ сноху или родственницу дѣвушки, замѣняющую сноху парень устраиваетъ тайное свиданіе съ любимой дѣвушкой.

Рахім ніра білдерман

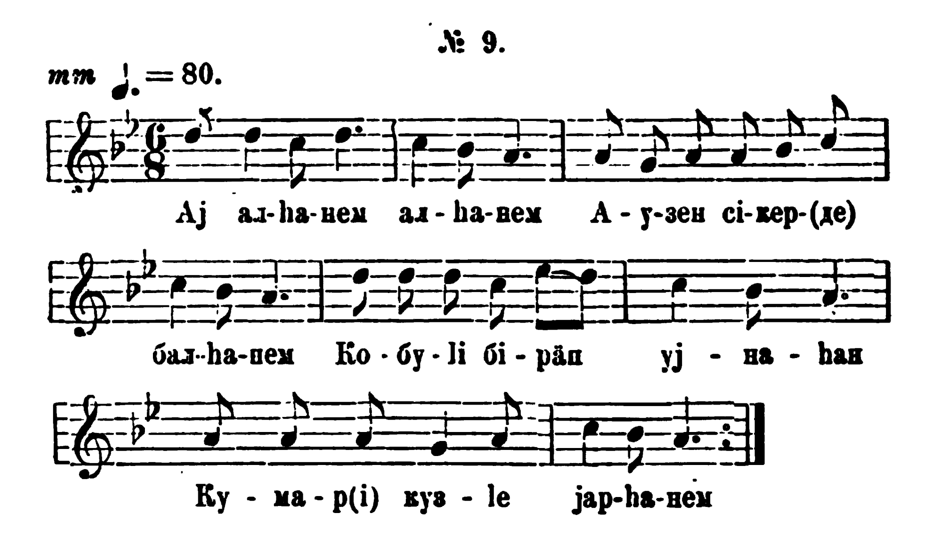
Сабір улсын бу хајлем
Јух мажäl јырлаhандај.

Не давая никому знать объ (нашемъ) наслажденіи!
Чтобы терпѣть, нужно умѣніе,
Безъ умѣнія и пѣсни не спѣть.

—

№ 9.

mm ♩. = 80.

Aj алhанем, алhанем
Аузен сікер балhанем

Кабулі бірäп уjнаhан
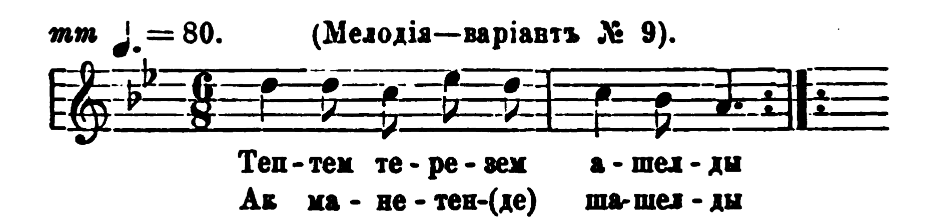
Кумар кузlе јарhанем
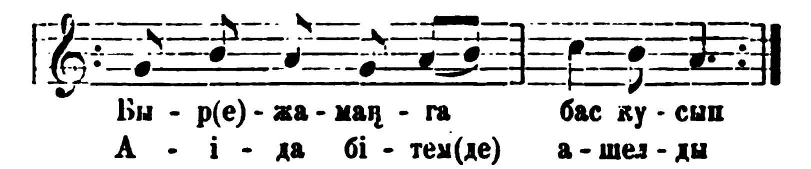
Ой суженая моя, суженая!
Губы твои подобны сахару и меду.
Если надѣвши нарядъ, станешь играть,
Плѣнишь ты мои глаза.

—

№ 10.

mm ♩. = 80. (Мелодія—варіантъ № 9).

Тептем терезем, ашелды
Ак манетем шашелды
Быр жамаңга бас кусып
Аіда бітем ашелды.

Постучалъ я въ окно и окно отворилось,
Затѣмъ посыпались серебряные мои рубли
Но голову свою она наклонила къ одному негодяю
И тогда только открылось мое лице, (т. е. я понялъ въ чемъ дѣло).

—

Шеlебе кilер жӧл манан
Којна толһан козбыһан
Соһоснан бірмеċе ajыр
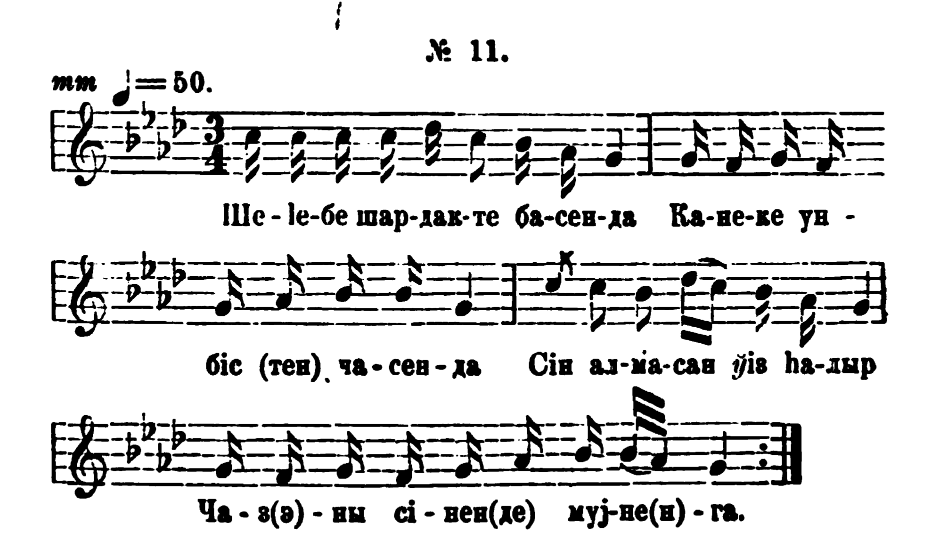
Музыкантъ идетъ по дорогѣ,
Наполнивши пазуху орѣхами!
Этихъ орѣховъ онъ не даетъ (намъ)

Шебык кол һалып
Куволармыз жӧл манан.

Палку въ руку взявши,
Погонимъ его по дорогѣ.
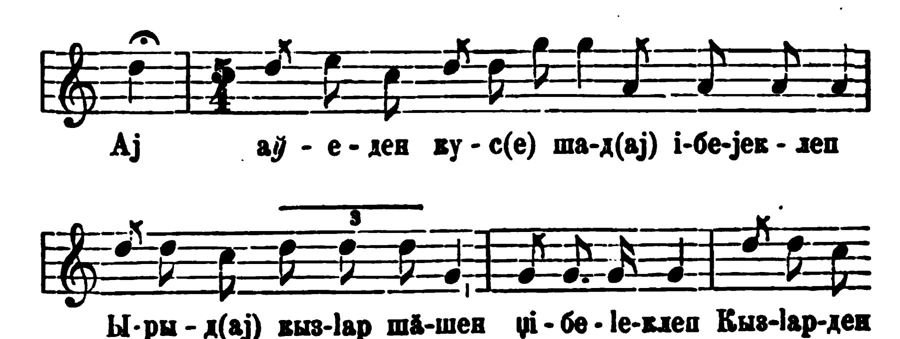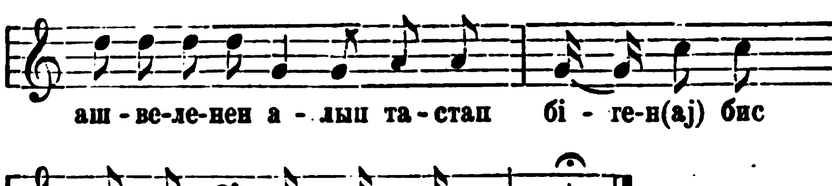
—

№ 11.

Шеlебе шардакте басенда	Музыкантъ сидитъ на краю крыши
Канеке унбис часенда	Канеке имѣетъ уже пятнадцать лѣтъ
Сiн алмасан, уiз hалыр	Если ты не возьмешь ея, другой возьметъ
Чäзhы сiнен мујнега.	И грѣхъ будетъ на твоей шеѣ.
—	—
Ауедын iшхан тыlÿhан	Въ воздухѣ паритъ коршунъ
Кајгадан тыhме тыјдурhан	Вторично повѣсилъ парень серебряное ожерелье
Шаl џäулыhан кутерып	Поднялъ шаль съ земли
Ак боhактен сыјдурhан.	И удостоился поцѣловать бѣлую шейку.
—	—
Быз ыстенде џäтајем	Полежу-ка я на льду
Брылып којан атајем	И, поворачиваясь, пострѣляю-ка зайцевъ.
Бырма шäшлы кыз hурсäм	Если увижу дѣвушку съ завитыми волосами.
Џihыт џäным сатајем.	Продамъ я, парень, свою ду-душу (за нее).
—	—

№ 12.
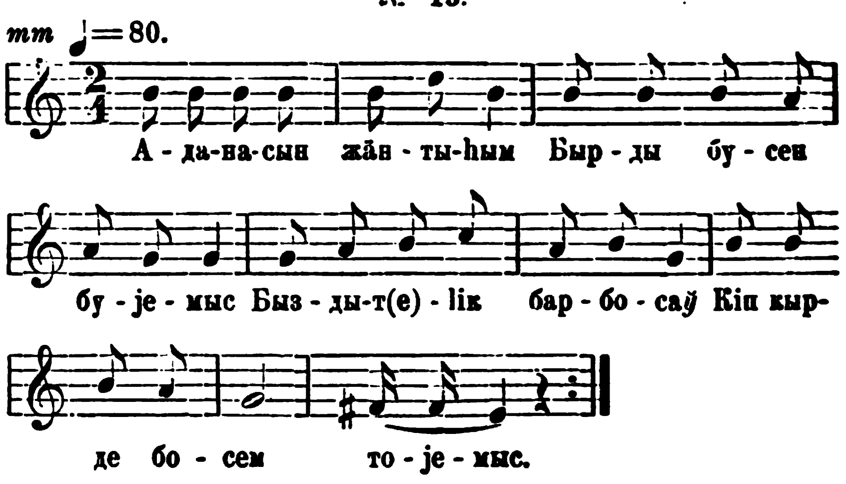

Ауеден кус шаде іbеlекlеп	Какъ по воздуху летитъ птица и крыльями машетъ,
Ырыде кызlар шäшен џібеlекlеп	Такъ ходятъ дѣвушки съ волосами заплетенными
Кызlарден ашвеlенен алып тастап	Подойду къ дѣвушкамъ возьму, да расплету (ихъ волосы),
Бітене біскаlан тырбыр кырдыген.	Потомъ наберу въ ротъ духовъ гвоздики и стану прыскать (на волосы дѣвушки).
—	—
Басенан кара теве карај џåттым	Легъ я на вершинѣ чернаго бугра и сталъ глядѣть
Беlене канжіреннын туһум тартым	Подложилъ подъ себя темно-красный потникъ
Кырвым дел кырдасем деп сåһан ајтым	Говорилъ я тебѣ какъ товарищу и родственнику своему
Былкылда кумы кејем сін кымг ајтым.	Болтая попусту, нёбо себѣ высушилъ.
—	—
Астыма ата мыңгем каск атымды	Не сяду верхомъ на лысую свою лошадь,
Міңгнејмен каск атымды басх атымды	Не сяду на лысую, сяду на другую.
Кудајден бірһіннаһан быр мезі	Богъ далъ мнѣ одну привычку
Сыјомен кыз анартык џåс хатындын.	Любить лучше дѣвушку, чѣмъ молодицу.
—	—
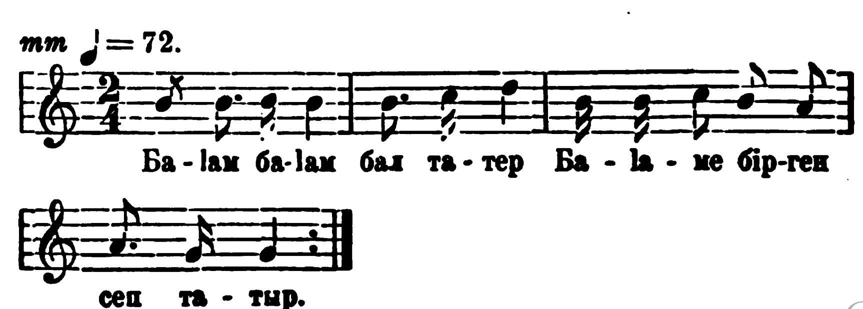

Аданасын жäнтыһын	Я однихъ лѣтъ со своею возлюбленной
Бырды бусен бујемыс	И совершенно одинаковаго съ нею роста.
БыздытІік барбоса	Если представится возможность
Кіп кырде босем тојемыс	Настанетъ время и будетъ наша свадьба.

— —

№ 14.

Колыбельная.
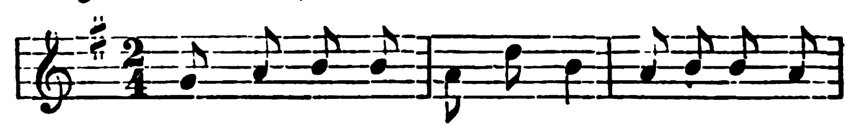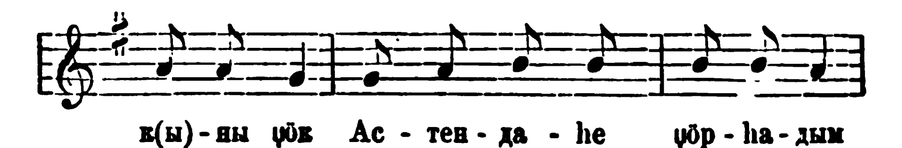

Баlам, баlам бал татер	Дитятко мое дитя, сладкое какъ медъ.
Баlаме бірген сет татыр	Молоко, которое дала дитяткѣ,—сладкое.
Баlаме імшікі бірhенде Баlам чіваныц калды.	Я давала дитяткѣ грудь, Но дитятко не перестало плакать.
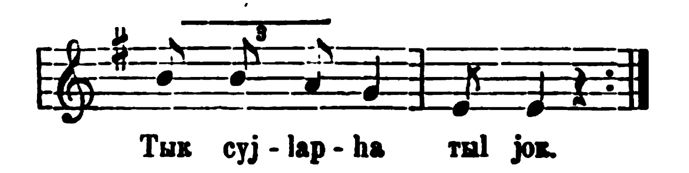
— —

№ 15.

Бырнындаhа алкамнын Аj уварда кны џӧк	Въ ноздрѣ у меня серьга. Подобна она мѣсяцу, но не существуетъ (сама) и дня.
Астендаhе џӧрhадым Тык сyjlарhа тыlе jок.	Подо мною рысистая лошадь, Сказала бы она (сама объ этомъ), да языка у нея нѣтъ.

— —

№ 16.

mm ♩ = 70.

Ал - друп за - бор шін-ды - je џім - не каl-кне

ті - де-lар Ар кы-мы ыз-бак-ты-сы ван-ке-дін

ал - дыр-ды-lар Ку-тор а-jак џі - гіт-lар

біl - гы - ды бў - lўп коj - те - lар
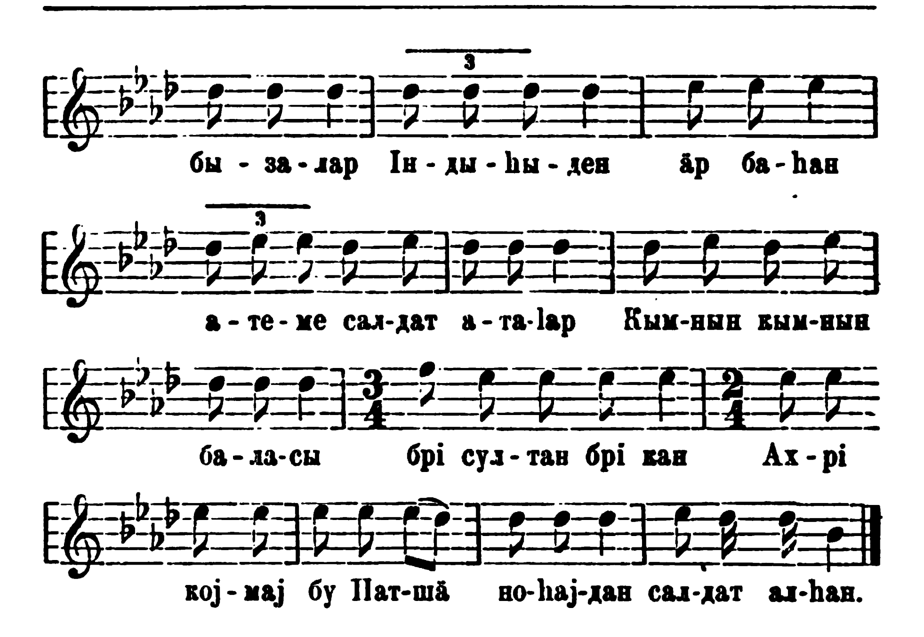
Ша-хер-ты џі-ма-сен-hу-кен прі-joм-hа ал-

дыр - ды - lар Ур - hа hун - hан кар - hа - даj

Аз руш - ка - ыр шол кны біз - ны быр-быр

кар - де - lар На-шен-нын кап-ка - сын-даj

біз - ны кур - hен а - дам - на џі-лап кунг - li

Алдруп забор шінды џімне kal-кне тідеlap	Взяли уже наборъ, собрались всѣ люди,
Ăр кымынын ыз бактысы ван-кедін алдырдыlap	И каждаго заставили взять изъ банки жребій.
Кутор аjак џігітlap бilrele бÿ-lÿп коjтelap	Парней, у которыхъ короста на ногахъ, поставили отдѣльно
Шахерты џімасен hукен прі-jом hалдырдыlap	Вызывали на субботу и пріемъ сдѣлали.
Урhа hунhан карhадаj прijом hалдыlap	Подобно сидящему на обрывѣ ворону они сдѣлали пріемъ
Аз рушкаыр шол кны бізны бырбыр кардеlap	Мало взяли русскихъ въ этотъ день и изъ насъ кое-кого забрили
Нашенын капкасындаj бізны курhен адамна	У воротъ мы видѣли начальника и людей
Бізны курhен адамна џілап куңrli бызалар	Мы видѣли людей, которые плакали и надрывались
Індыhыден ăр баhан атеме сал-дат аталар	Отнынѣ навсегда буду зваться я солдатомъ,

Кымнын кымнын баласы брі султан брі кан	Чей бы ни былъ я сынъ султана или хана.
Ахрі којмај бу Патшӑ nohaj-дан салдат аlhан.	Должно быть не назначилъ этотъ Царь изъ погайцевъ брать солдатъ.

—

№ 17.

На мотивъ № 8.

Ајтысеңгез ајтајем	Если просите разсказать, разскажу.
Јар ајдај мікен ајдај	О друзья впередъ что-ли впередъ
Јајдајем ајдајем	Буду говорить я впередъ
Јоралар ултыртыңгај	Мужчины садитесь-ка
Ајтысеңгез, ајтајем	Если просите разсказать, разскажу.
Шеhамыз сајранетыф	Выходимъ мы на прогулку
Быр кабыда јушкузӳl	Съ нимъ, бывшимъ въ Меккѣ, молодцомъ.
Душар булды каплыстан	Встрѣтились съ нимъ нечаянно люди
Быр бырнев сурајде	И стали спрашивать другъ друга:
Бу јашлар кајтараптан	„Эти молодцы откуда?“
Бырымызды сурасан	Если спросите объ одномъ изъ насъ,
Іраhел Аштарханнан	Онъ изъ города Астрахани.
Бӑнде бырымызды сурасан	Если спросите о другомъ изъ насъ
Јалтіјек атраунан.	Онъ изъ Царевской стороны.

—

№ 18.

Кіlемыз шатк урамнан
Дудасев (или дуданем) шім hајнај
Алдемнан ік јушекте
Бітlері оттык жäјнај
Кулларенда кірівансаз
Барамаhы беlвем ојнај

Идемъ перекресткомъ улицъ,
Внутри насъ какъ-будто кипитъ.
Впереди идутъ двѣ дѣвушки,
Лица у нихъ какъ огонь горятъ.
А въ рукахъ у нихъ гармоника *),
Которую перебираютъ пальцами.

—

№ 19.

Навыр шаңкај тўменнен
Шактамыс кавынып
Кеы ајеңган ајтпајмен
Сышартнан жäңгелып
Уlмејдікін адам-зат
Атäнсын сіhанып
Барhанда курымдып
Дыртыу јатыр алтенда
Топрäкте јавыныф
Биlмедем ні діремде
Сасханымнан жäңгелып
Ішхенем аспулмајда

Наборъ миновалъ насъ милостиво,
И мы вышли, радуясь.
Не скажемъ объ этомъ людямъ,
Чтобы сдержать свою радость,
Не умретъ сынъ человѣческій
Соскучившись даже объ отцѣ и матери.
Схожу я, повидаюсь (на кладбищѣ)
Съ четырьмя лежащими тамъ.
Они уже засыпаны землей.
Хотѣлъ я что-то сказать,
Но забылъ и спутался.
Выпитое мною въ горло не идетъ,

*) На этомъ инструментѣ у Астраханскихъ ногайцевъ играютъ только дѣвушки.

Ашајнаhаным тўleй	Разжеванное мною не проглатывается.
Білмедем ні діремде	Хотѣлось бы мнѣ что-нибудь сказать,
Сасханымнан жäңгелып	Да я забылъ и спутался.
—	—

№ 20.

Салса быр шајhа јарасар	Положилъ бы я въ чай соли, чтобы былъ повкуснѣе,
Шапша шідын тызнан	Да орѣхъ гораздо слаще этого.
Азhанаhун зау кыттем	Погулялъ бы немножко, чтобы успокоиться,
Аулдас іјдын кызымнан.	Да землякъ дома—съ дѣвками.
—	—

№ 21.
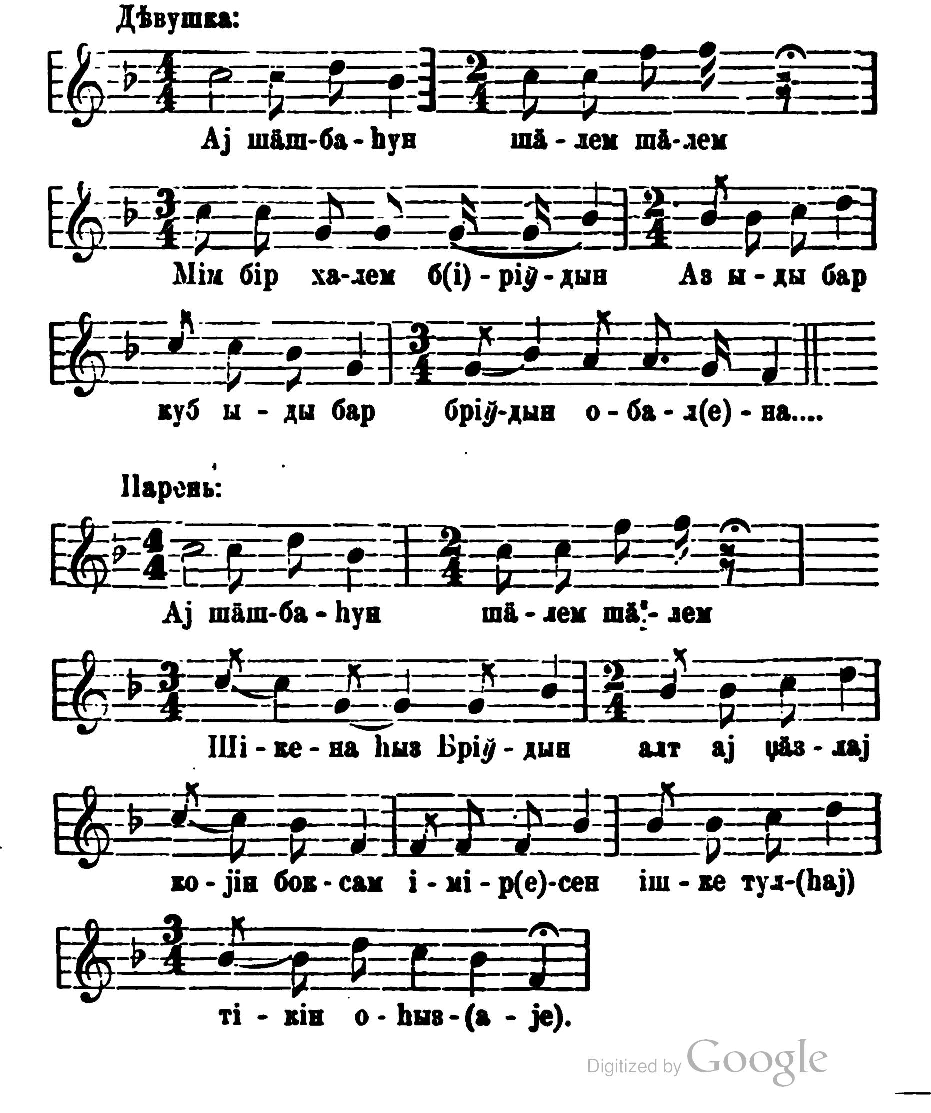
Ајтысеңгез, ајмајем	Если просите разсказать, разскажу.
Аhалар олтыртыңгај	Братцы, садитесь-ка.
Џірлајым јырна кајдан	Съ чего бы мнѣ начать пѣсню?
Јуткеп бытен кітеп ураза	Прошелъ весь постъ,
Јыдышіп кілде бајрам	Подошелъ и праздникъ
Ік аулден арасы	Между двумя аулами
Нажіјып кіңг быр мајдан	Хорошая, широкая площадь,
Артык тыр äр сарајдан	Которая лучше всякаго дворца
Кыз быр јыhыт сејіде	Раскланиваются другъ другу на этомъ мѣстѣ дѣвицы и парни
Шоl јырде тајlішар мајlе тајдан	Въ этомъ мѣстѣ всѣ собрались.

Зіlфы (или зӱlте) мардеп зарlejмен	Спою я про свою грусть.
Індытыlік Кудаjдан.	Теперь все—отъ Всевышняго Бога.

—

№ 22.

По-киргизски.

Дѣвушка:

Шäшбаhун шäлем, шäлем — Носила, носила я въ косѣ украшеніе,
Мім бір халем бріўдын — Оставленная однимъ человѣкомъ.
Аз-ыды бар, куб-ыды бар, бріўдын — Мало-ли, много-ли, все отъ одного.
Обална калма џäным — Не принимай на себя грѣха,— душа моя!

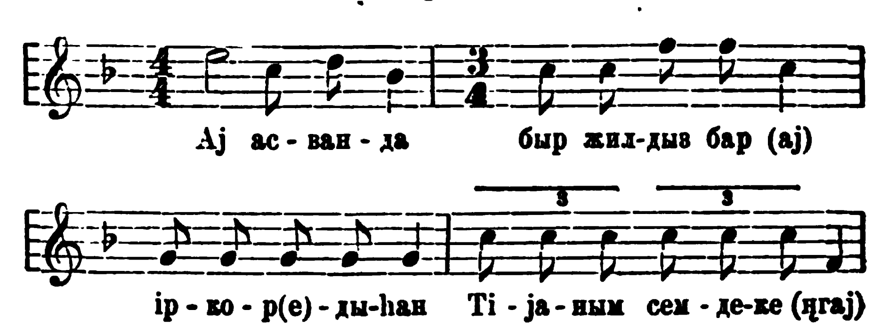
Парень:
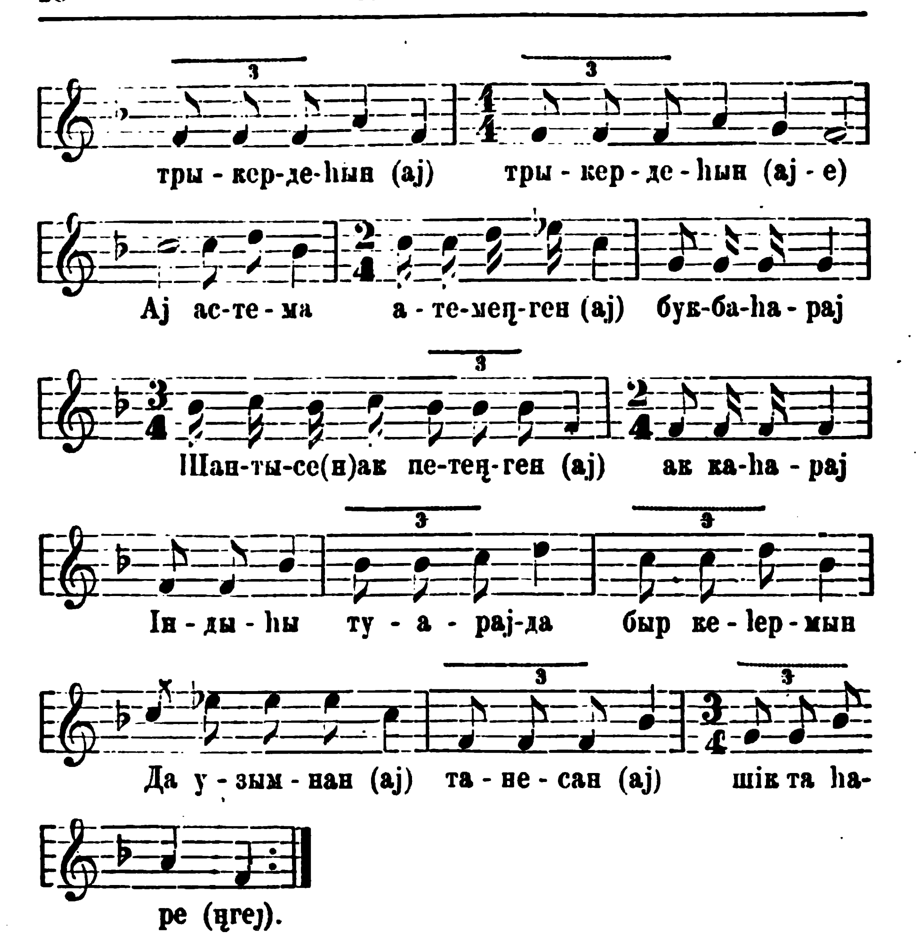
Шäшбаhун шäлем, шäлем шікена hыз — Украшеніе въ косѣ таскала, таскала бойкая дѣвушка
Токпактаj ік емшіhын мікен-оhыз — Подобны колотушкѣ двѣ груди этой дѣвушки
Бріўдын алт аj џäзлаj којін боксам — Шесть мѣсяцевъ, лѣтнихъ мѣсяцевъ пасъ барановъ
Імірсен ішке тул тікін-оhыз — Но не воспользовался ею какъ козою-козелъ.

— —

№ 23.

По-киргизски.

Aj асванда бар жiлдыз бар iркордыһан	На небѣ луна, рядомъ съ нею сверкаетъ одна звѣздочка.
Тiјаным семдеке трыкердеһын	Верблюда моего красивѣйшаго привяжи,
Астема ате мењген букбаһара	Садись со мною на карюю лошадь и на вѣтеръ не гляди,
Шантысе ак петеңге ак каһара	Ударитъ пыль въ бѣлое твое лицо.
Індыһы туараjда быр кеlермын	Завтра я приду еще разъ.
Даўзымнан танесан шік та һаре.	Какъ узнаешь голосъ мой, приходи и гляди.
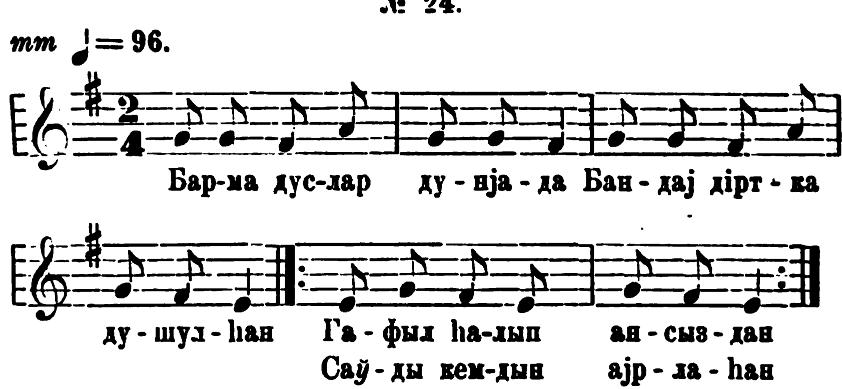
— —

Астема ате меңген кylahасха	Садись со мною на коня буланаго.
Кудука шаhым сокатым кylaмасха	Колодецъ я обнесъ плетнемъ, чтобы не развалился
Аўлын пырhо утрып кушшівасха	Съ ауломъ твоимъ вмѣстѣ кочевать
Тастап кіт сäкыјнанды саhынмахса.	Подари ка кольцо на память (объ этомъ).

—

Г) Пѣсни ногайцевъ Юртовскихъ.

№ 24.

mm = 96.

Барма дусlар дунiјада	Нѣтъ пріятелей на свѣтѣ,
Бандај дiрт кадуш улhан	У меня четверо сряду умерло!
Гафыл hалып ансыздан	Оставшись теперь безпомощнымъ,
Саўды кемдын ајрлаhан	Я незнаю кого бы полюбить
Iшiм шербiт мажаlен	Испивши чашу судьбы,
Кырсем курге бiреп жäн	Не лучше ли и мнѣ умереть?
Болмас-iде арманым	Не было бы у меня никакихъ желаній,
Жäн саўдыкiм гуl жihан	Если бы найти мнѣ розу и полюбить ее отъ души.
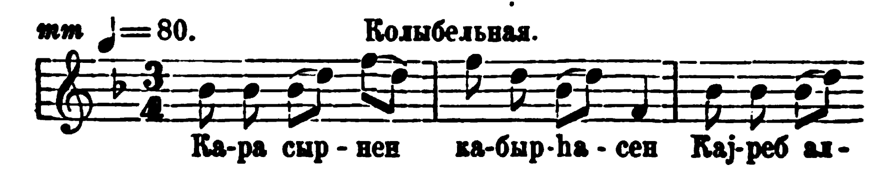
Гуl жіhан сäныӊг жӱлындан	Роза приличествуетъ болѣе всего тебѣ.
Аl хајдар жäпар кыјуф	Люди отступаютъ, если души горюютъ,
Џäнмас-ідым манышамен	Но я не отступлю и буду искать.
Кыз жірäнен дан ӱртенӱф	Сгораетъ по дѣвушкѣ и тѣло,
Бу ашіклык кајен зат	Но что это за любовь?
Асіры кеlді етыф	Бывши въ плѣну любви,
Ікі јел зар шікаман	Я съ трудомъ освободился черезъ два года.
Куземнен канара кöф	Изъ моихъ глазъ течетъ много крови,
Јакіс атлык іш туhыл	Какъ-будто и дѣла нѣтъ,
Ујзыӊг дебіl yјlанеф	Когда думаю только о тебѣ.
Јакіс allijан Lанкаран	Проведемъ время въ Ленкорани,
Астрабад кашт етыф	Я направился въ Астрабадъ
Alla быр кын тутонван	Пробывши тамъ одинъ день,
Мохст кабгрдым жетыф,	Я пустился обратно черезъ Каспій.
Гуlџі ханныӊ даhерефын,	Но поискавши нѣжную свою красавицу,
Ај талмадым жіткезыф.	Ай не нашелъ я ея нигдѣ.
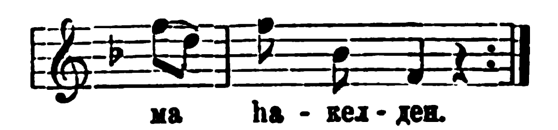
— —

Д) Пѣсни ногайцевъ Царевскаго уѣзда.

Пришибинской волости, села Бахтіаръ.

№ 25.
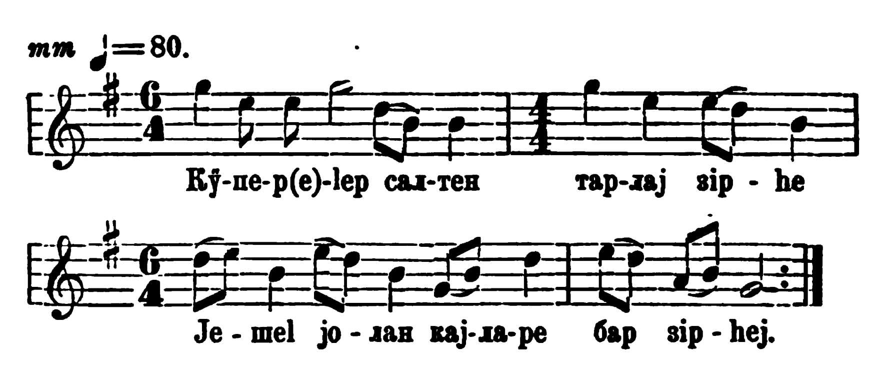

Кара сырнен кабырһасен	Ребра черной коровы
Кајреб алма һакелдем	Не точи противъ людей, о мое умное!
Аңкäсенен быр бäбäсен	Матушкино дитятко
Ојренеб алма һакелдем.	Не учись (худому), о мое умное!

— —

№ 26.
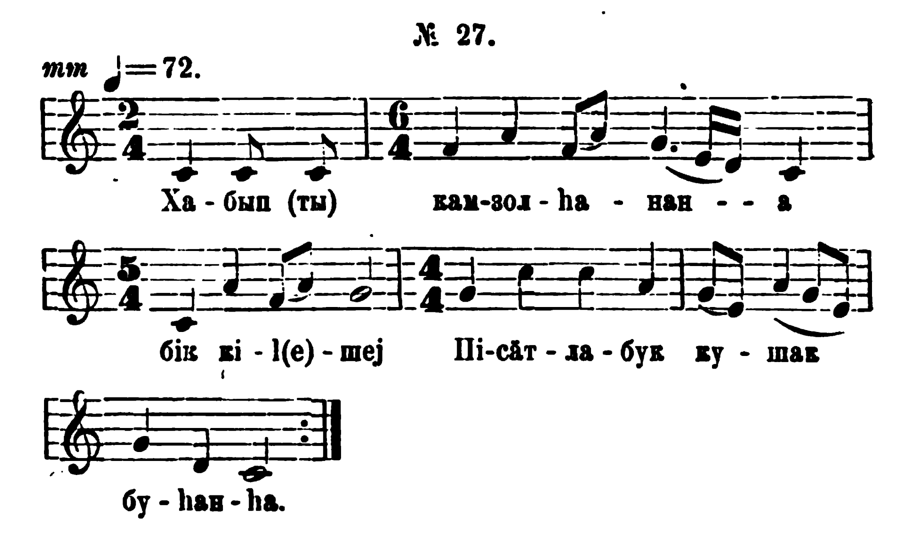

Кўперlер салтен тарлај зірһе	Мосты изъ плотовъ разошлись въ стороны
Јешеl јолан кајларе бар зірһе	А нѣкоторыя зеленыя дороги раздвоились
Канатым булса очар-ідем	Если бы были у меня крылья, я полетѣлъ бы,
Атіјем анiјем бар зірһе	Въ ту сторону, гдѣ мой отецъ съ матерью.
Іш быр хасрäт кенајем јук-кäбык	Много печалей, облегченія какъ-будто нѣтъ,
Јіреkем јана јалкын ут-кäбык	Сердце мое горитъ пламенемъ подобно огню.

Барагнајыде јоллар белен	Пошелъ бы я по дорогамъ,
Јол кајlарем кітте кўl бујlап	Дорогой напѣвалъ бы и пошелъ бы вдоль озера.
Акылсыз јегет теhел ідел	У безумнаго парня нѣтъ радости,
Аккыларем бытылај кўп нујlап	Умъ мой кончился послѣ многихъ думъ.
Кыкылар кашкыра ік' аршенда	Кукушки кукуютъ въ двухъ аршинахъ отъ меня,
Кашкырсäда хасрäтlарі бајнем башенда.	Но шумящія въ головѣ моей печали заглушаютъ ихъ.

—

№ 27.
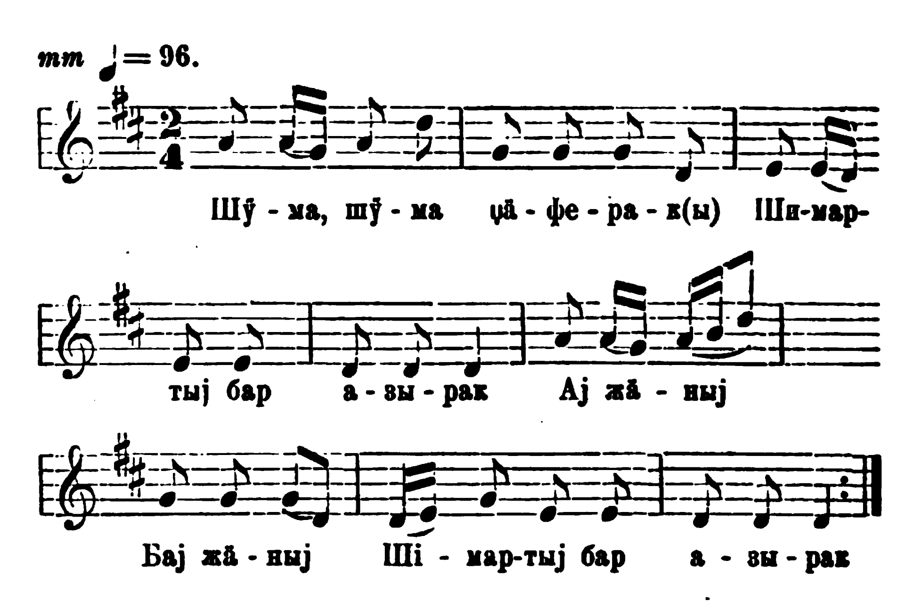

Хабып камзолhана бік кіlше	Застегнувши камзолъ поприличнѣе
Пісäтлабук кушак буhанhа	Я подпоясался расписнымъ кушакомъ
Былбыл кышlара кäбык сајра	Какъ поютъ птицы соловьи
Шербыс ікöф бір дўшäкта кунhанда.	Такъ и мы вдвоемъ, ночуя на одномъ тюфякѣ, станемъ ворковать.

—

Е) Пѣсни Оренбургскихъ ногайцевъ.

№ 28.

Шўма, шўма џäферак	Гладкій, гладкій листь черемухи,
Шімарты бар азырак	Но ягодъ на ней немного.
Сызның кубек јаш џігітта	Ты такой молодой парень,
Жімышўм бар азырак.	Но дѣла у тебя—немного.
Припѣвъ Ај жäныј, бај жäныј.	Ай любезный, ай любезный.
—	—
Ікі матур суга бара	Двѣ красавицы за водой идутъ,
Жем, жем кара шiлагы.	Блестятъ, блестятъ у нихъ черныя ведра.
Шўлші аўлда бар бір матур	Въ этой деревнѣ есть одна красавица,
Пышкан курај жiлагы.	Спѣлая какъ ягода малины.
—	—
Іј артында кар тiрäн	За домомъ выпалъ глубокій снѣгъ,

Ітагына кар туhäн
Анакасендын суралhаштын
Сіганена бір діган.

Напäдалъ снѣгъ и намочилъ.
У матушки просила (дѣвушка):
„Отдай меня за любезнаго“, говорила она.

—

Апп-ак, апп-ак аккышäрлык
Сазда булыр іjаса
Рäхäты жўк, міхнаты куп
Утка жäксын дынжäсы.

Бѣлый, пребѣлый лебедь
На болотѣ гнѣздо вьетъ.
Спокою нѣтъ, а трудовъ много,
Пусть сгоритъ въ огнѣ этотъ свѣтъ.

—

Ікі матур суhа бара
Аjагенда катасы
Су жўленда сўрып ўпсäң
Рахмет укыр атасы.

Двѣ красавицы за водой идутъ,
На ногахъ у нихъ башмаки.
Если на дорогѣ за водой прижмешь ихъ и поцѣлуешь,
То спасибо скажетъ ихъ отецъ.

—

Урамашä сікырып тыштым
Ыстä кајhан алашä
Жäрны саўсең јаштын сäў
Јаш жäр куңгеіны ашä.

Улицу перебѣгая, я подпрыгнулъ и опустился,
Будучи сверху одѣтъ пестро.
Если будешь брать невѣсту, возьми изъ молодыхъ,—
У молодой невѣсты сердце играетъ.

—

Урман аўзы талhына
Кызlар аўзы балhына
Кызlар аўзын сўрып ўпсäң
Аўру башың саў була

На опушкѣ лѣса—талина,
А у дѣвушекъ медовый ротъ.
Если дѣвушекъ въ губы чмокнешь и поцѣлуешь,
Больная твоя голова выздоровѣетъ.

—

Быдра, быдра, быдра таl

Кудрява, кудрява, кудрява талина,

Башың кіс та суhа саl
Іста хаjlаlар тапмасаң
Башың дуанага саl.

Верхушку срѣжь и брось въ воду.
Если въ умѣ у себя хитрости не находишь;
То брось бѣшеную голову свою.

—

Арhыj жäкта нілар бар?
Жітын шäшкан жірlар бар.
Жітын шäшäк ата-ікäн
Жäныкаj нішік жäта-ікан?

По ту сторону что есть?
Жито сѣять есть мѣста.
Когда хлѣбъ зацвѣтетъ,
Когда будетъ спать одна любезная?
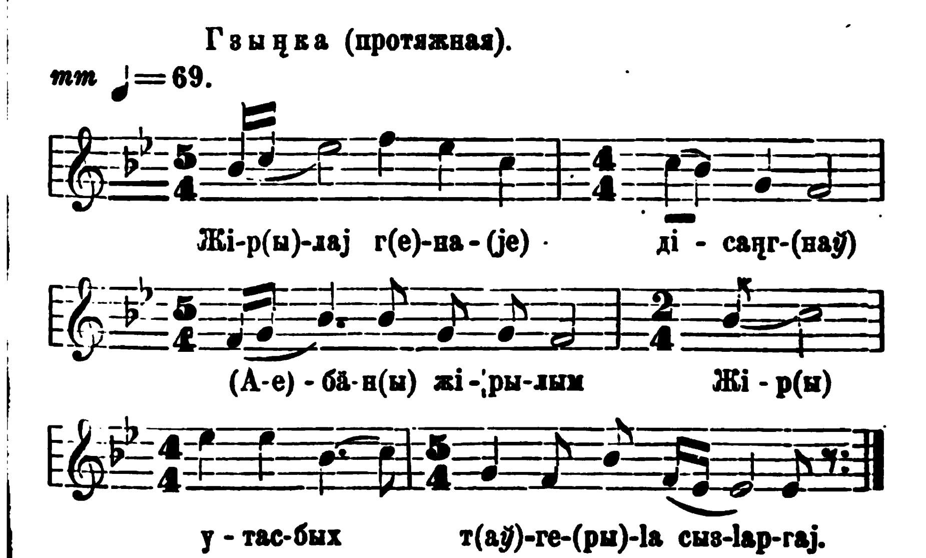
—

Бакшä ішыкларын ашік куj
Агырмак кырып жўшäшін
Кіl уjнык, дустым, кіl аjык
Тулhан ішäрыбыз бушасын.

Отопри двери сада,
Аргамакъ войдетъ и постоитъ.
Выйди поиграемъ дружокъ, выйди посмѣемся,
Разсѣемъ горечь нашей жизни.

—

№ 29.

Гзыңка (протяжная).

Жірлајhна дісаң, бăн жірлым
Жір утасбых тугеl сызlарга.

Если просишь пѣть, то я спою,
Но пѣсня не будетъ вамъ лекарствомъ.

—

Ат јакші каје ала-ајак
Акшăhна бірып алајык
Бугынгна данжă таңгда хејрат
Ујнынкна кылып кал ајык.

Лошадь хороша бѣлоногая,
Деньги дадите и возьмите ее.
Сегодня сей міръ, завтра тотъ свѣтъ,
Будемте играть и смѣяться.

—

Шăкыјhна шăкыј кырlар жўа
Ник талмасын туның быlагiузы?
Сiганың жăтка кiтса
Нiк жăтмасын шўның жiрагы?

Полощетъ, полощетъ, моетъ бѣлье,
Какъ же не устанутъ ея руки?
Возлюбленный къ чужимъ уйдетъ,
Какъ же не горѣть ея сердцу?

—

Карама дуhа, јiз kolca
Шiltрај бiт кајрып жiкăндă
Јассыј жăўрын нышкă бilен
Сулкултај бiт саўрып ўпкăндă.

Вазовая дуга, мѣдное кольцо
Звенитъ вѣдь, когда перекидываешь при запряжкѣ.
Широкія плечи, тонкая талья
Дрожжитъ вѣдь, когда чмокнешь и поцѣлуешь.

—

Шiltрынhна шiltыр сулаhа
Шiбăрhна кызlар су ала
Матурhна кызlар бар чагында
Тыл-хатынlарны кым ала.

Струится мелкими волнами вода,
Красивыя дѣвушки воду берутъ.
Если есть красивыя дѣвушки,
Кто же возьметъ замужъ вдовъ?

—

Карамалар катыј шăбарhа
Кыјhан баллар татлы ышăрhа

Вязовыя деревья трудно рубить,
Цѣженый медъ сладко пить.

Канатlарым жўк біт
Ішăрhă жăр куштан кајнык-шăрhа.

Нѣтъ у меня крыльевъ,
Чтобы полетѣть и милую обнять.

—

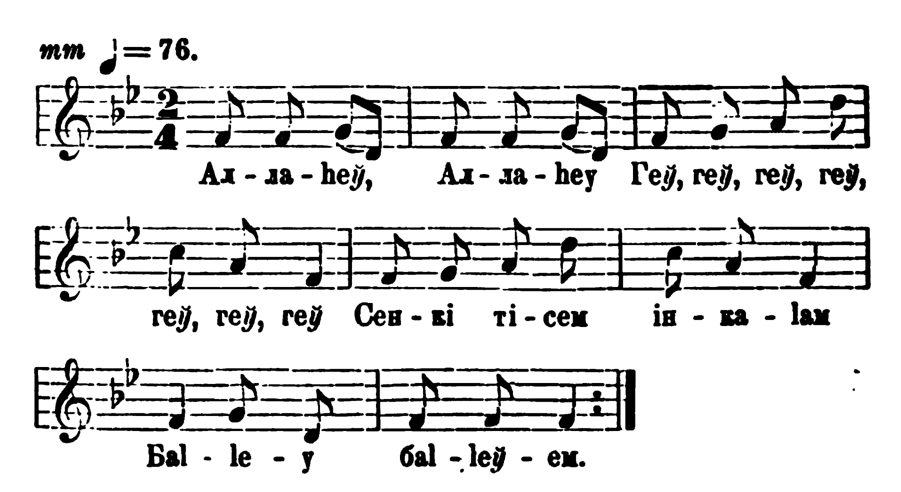
Жăлаңгна жірдă жăңгыл кајын
Сулап кајук кујhан ук кубек
Жăна біт жірăгым іккабына біт
Дырlап кајук жăңган ут кубек.

На голой полянѣ одинокая береза
Стоитъ лишенная коры.
Горитъ вѣдь и жжетъ мое сердце,
Подобно быстро - горящему огню.

—

№ 30.

Колыбельная.

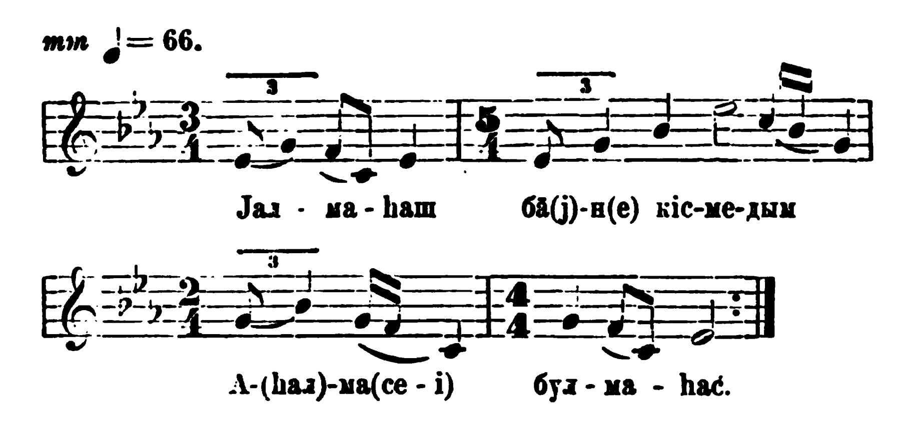

Аллаheў, Аллаheў
Геў, геў, геў, геў, геў, геў, геў
Сенкі тисем інкаlам
Balleў, balleўем.

Ой Боже мой, Боже
Бай, бай, бай, бай.
Спи-ка крѣпко
Дитя мое, дитя.
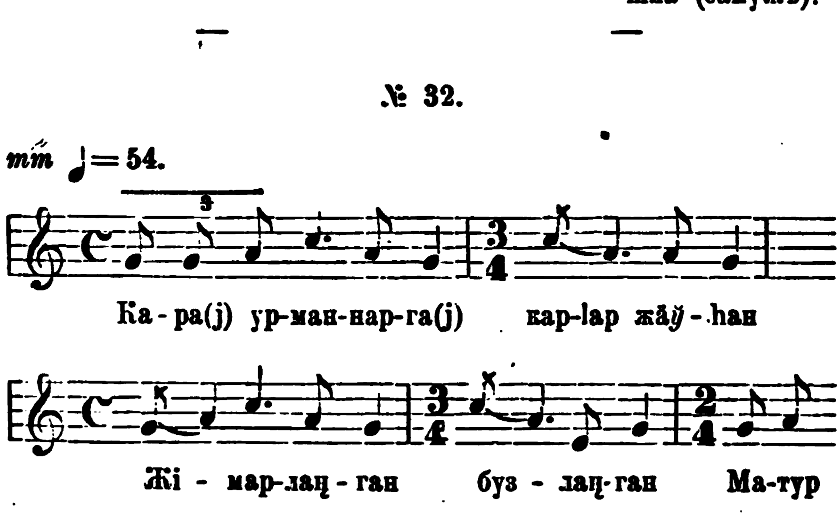
—

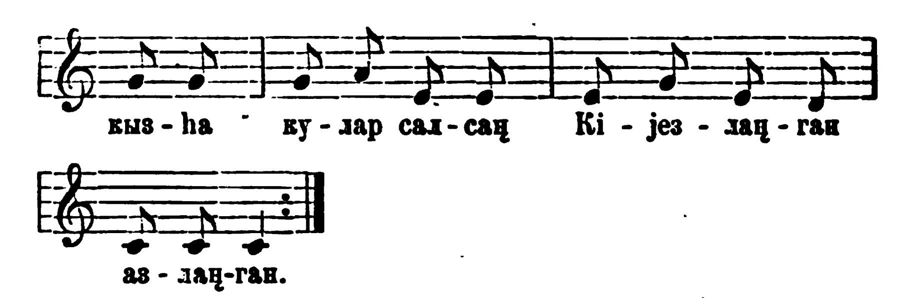
№ 31.

Алмаhаш бäн кісмедым	Яблоню я не срѣзывалъ,—
Алма булмаhас	Потому что на ней яблокъ нѣтъ.
Шул жäны-каjны мін саўмадым	Эту возлюбленную я не взялъ замужъ
Ак калпаhын кіjет шікмаhас́.	Бѣлый калпакъ (женск. голов. уборъ) надѣвши, она не вышла (замужъ).

№ 32.

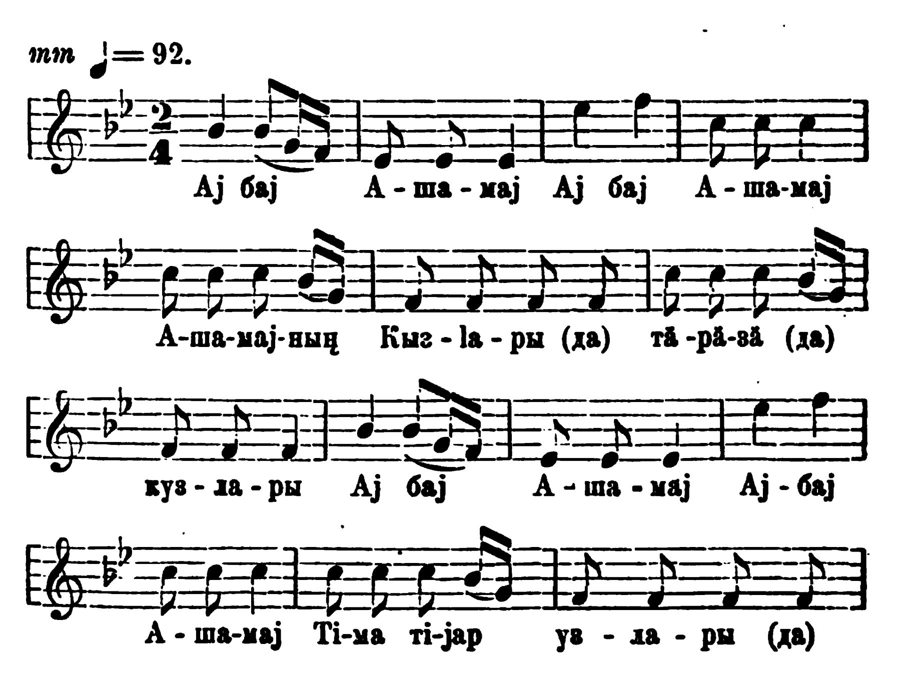

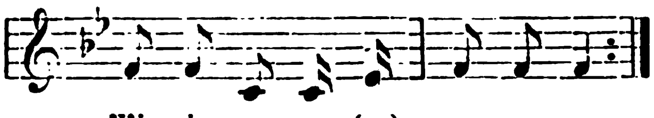
Кара урманнарга карlар жäӳhан	На темные лѣса снѣга пали,
Кімарлаңган бузлаңган	Разсыпаются снѣга и замерзаютъ,
Матур кызhа кулар салсаң	Если приложишь руки къ красивой дѣвушкѣ,
Кіјезлаңган азлаңган.	Она свернется и съежится.

—

№ 33.

mm ♩= 92.
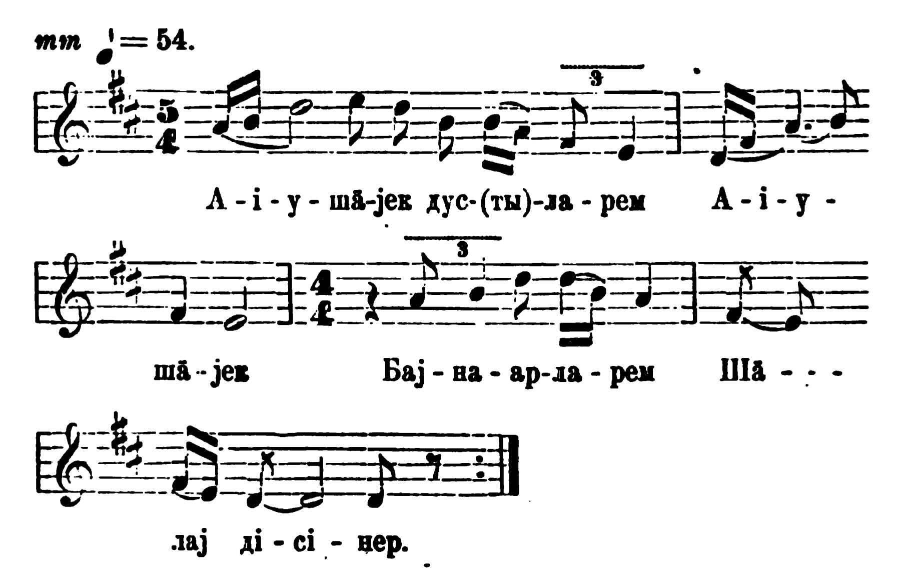

Жі - гіт - ла - ры (да) куз - ла - ры.

Ај бај Ашамај (:)
Ашамајның кызlары
Тäрäзä кузлары
Тіма тіјар узlары
Жігітlар кузлары.

Вотъ какой Ашамай!
Дочери Ашамая
Смотрятъ въ окно,
Выставили онѣ сами
Глаза на парней.

—

№ 34.
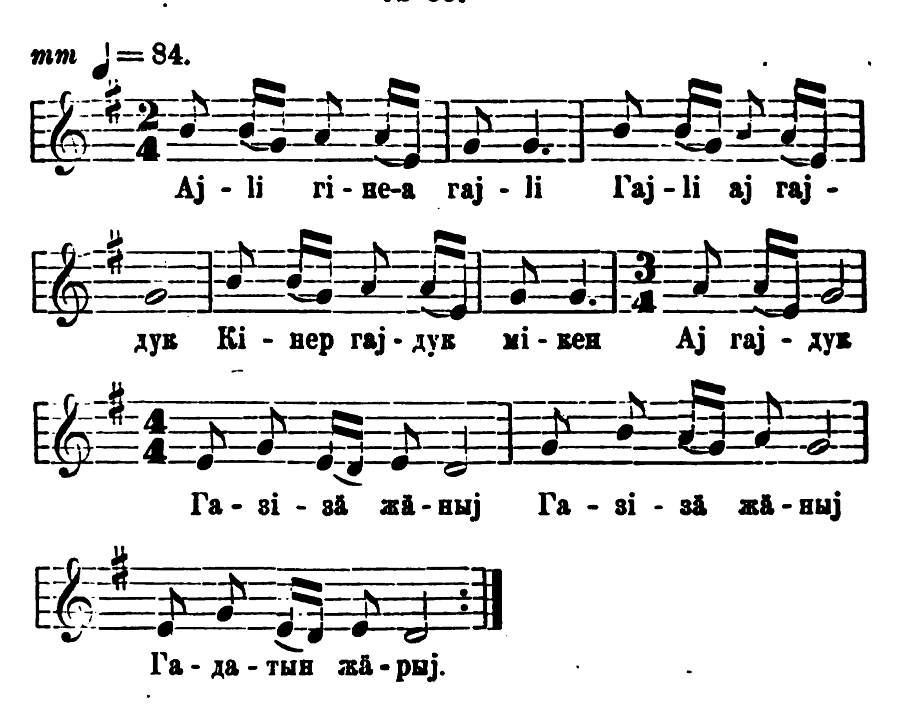

Ај ышäјек дусларым
Ај ышäјек бајпарларым.
Шäлај дісінер!
Тамнығна татлыј
Сілајек бнр тугана.
Ікап дісінер!

Эй друзья мои, будемте пить,
Эй сверстники, будемте пить,
Пусть толкуютъ такъ!
Каждая капля сладка,
Будемте наслаждаться ими!
Пусть толкуютъ по своему!

—

№ 35. *)

Газізă жăны
Гадатын жăры

Газиза, душа,
Привычки у тебя хороши!

В. Мошковъ.

---

*) Сравн. съ № 70 въ моемъ собраніи «чувашскихъ мелодій» въ Изв. Общ. Арх. Ист. и Эти. при Имп. Каз. Унив. за 1893 г.

О СТАРИННОМЪ ЛАТИНСКО-РУССКОМЪ СЛОВАРѢ.

Въ каталогѣ рукописей библіотеки францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ [1]) подъ № 187 читаемъ:

„Dictionarium latino-ruthenicum (il ruteno con caratteri cirilliani)".

Столь кратко упомянутая рукопись заслуживаетъ, однако, на нашъ взглядъ, большаго вниманія, почему и считаемъ нелишнимъ сообщить краткое описаніе ея и нѣсколько выдержекъ.

По современному счету эта рукопись носитъ № 302 и заключаетъ въ себѣ на 640 ненумерованныхъ листахъ in 4° латинско-русскій словарь, послѣ котораго находимъ еще четыре листа съ крайне неразборчиво писаннымъ „Сказаніемъ о седми свободныхъ художествахъ" (лексика, грамматика, реторика, логика, ораторія, поэтика, мнемоника). Въ этой статьѣ между прочимъ есть сноска, гдѣ приводится

[1]) Biblioteca di fra Innocenzo Ciulich nella libreria de' rr. pp. francescani di Ragusa. Zara 1860.

выдержка изъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, касающаяся „иройскихъ стіховъ“, т. е. гекзаметра. Въ названной книгѣ, дѣйствительно, находимъ воспроизведенное здѣсь двустишіе:

Сарма́тски новора́стныя мѹ́сы степѡ̀ пе́рвѹ,

Тщащѹ́ся парнѧ́съ въ ѡ҆би́тель вѣ́чнѹ за́йти [1]).

На переплетѣ, среди различныхъ пробъ пера, можно разобрать:

что за москвою рѣкою. У сини.....

Папа римъс....го Что замово....

Словарь писанъ различными почерками XVII—XVIII вв.

Для образца расположенія матеріала приводимъ первую страницу цѣликомъ, строка въ строку:

DICTIONA
RIUM
LATINORUTENICUM

A. ab. ѿ.

Abacion. тавлі́а игра́лнаѧ числи́тельнаѧ.

Abaces. хѹ́дыѧ сосѹ́ды в ниxже честнѣ́йшаѧ вещи сохра́нѧютцѧ·

Abactores. скотокрадцы, скотозаиматели.

Abacus, et abactus. за́йма́нный.

Abacus. i. сто́лъ пова́рскъ.

Abaculus. сто́ликъ.

Abaculi. ка́мыки числи́тельныѧ.

---

[1]) Въ первомъ изданіи (1619 г.) на листѣ Ы Г об., въ изданіи 1648 г. л. ТМА, въ изданіи 1721 г. л. СМЗ об. У насъ текстъ перепечатанъ по изданію 1648 г.

Abagio [1]). притча.

Abaligeno. ѿчюждаю, ѿдаляю, ѿлучаю.

Abaligenatus. ѿчюжденъ, ѿдаленъ. ѿлученъ.

Abambulantes ѿходащїи.

Abamita прапраотцева сестра.

Abanea. поясъ сренгическій.

Приведемъ еще въ алфавитномъ порядкѣ нѣсколько опредѣленій значенія латинскихъ словъ, выбирая изъ послѣднихъ преимущественно имѣющія отношеніе къ исторіи культуры, или интересныя въ лексическомъ отношеніи:

Alpha. Писма [2]). Грекомъ. Первое.

argo. Корабль.

argonautae Кораблеинцы

attagen ярєбокъ. птица.

aurata. златокровъ. рыба.

aurea. Alexandria. Златосложеніе Алеѯандрово.

betonica бѫквица.

Bibliotaphi книгогробницы.

Biblo [3]) is Белькочю. мелькочю.

Biblos. Книги. древо. коробѫжмаиое.

cacabo трикаетъ. рабка.

camelopardalis. ногъ. керклѫдопардъ

cancellari началописателїе. дьакъ. дѫлины.

---

[1]) Ошибка, вм. adagio; любопытно однако, что это слово поставлено между другими, начинающимся съ ab.

[2]) Описка вм. писма.

[3]) Вѣроятно описка, вм. bilbo.

cano[is] пою спѣваю

canto спѣваю

cantito тожъ [1]).

caries. плѣснь. порохъ.

citarista гꙋсльникъ.

clusius кѣсъ.

dyspepsia нездобо. изарение. искꙋчение въ стомахꙋ.

Eburarij. Слонюхꙋдожницы.

Electrum. прꙋ бꙋштинъ. илектръ.

epagoge. ро доводо силогистичны

Expromissor ꙋмецъ. рꙋкоима.

Expromitto ꙋмчю. рꙋчꙋса

famosus Ѕлославны

gesticulor. aris. плещꙋ. плаꙋщꙋ. дѣство ритоское. испонаю.

hippeus. комита. всаникъ скороногій.

hister кощꙋнъ.

histriones кощꙋны.

histrionia кощꙋнство

hyoscianus [2]) табака. нелища.

imbricatim жлобовато въ долготꙋ

imitator подражатель. послѣдникъ.

incino пою. красноспѣваю.

infumibulum. коминъ.

iota писма. Греческое. ничтоже.

---

[1]) Въ такомъ порядкѣ, вопреки алфавиту, помѣщены рядомъ эти два слова въ подлинникѣ.

[2]) Описка вм. hyoscyamus.

iouis flos дїевъ цвѣтъ.

iouis gemma дїе кисе

iurea, ae. jus. юха. полика.

lada козїй. лепъ. трава.

ladanum. козїи. лепевьи. сокъ.

laios. Aphesis. люде. штпущенїе

leconomentia [1]) вражненїе ѿ умывальницы.

libellio, nis, книгопродавецъ. скоро. тѣча. посолъ.

libertus свобоин

libraria, ae книгопродалице.

litera. писма. букva.

literae. arum. посланїе. писмена. писанїе. Грамота.

literator писменик, книжин, грамоин

literatura. научнїе, грамматика, писменница

literula букva

lucar. цѣна. посѣчное. и мзда. кощунников всаки и комедїи.

lucaria, orum. праздники. влъси. бываемъ.

noctes atticae. Нощы Аттицкїа

odeum Хоръ. спѣвалище

pictor живописецъ. иконин

pictura шаропиcанїе. иконописанїе.

pictus живописанъ. иконописцъ.

poephagus Звѣрь. индїйскїй чюдны.

poeta стихотворецъ.

poetice, ces Художество. искуство. стихотворное.

[1]) Описка вм. lecanomantia, ср. греческое λεκανομάντεια.

poetor стихописцъ.

protonatorius [1]) первокнижникъ.

rosarium ѡтра рожаны.

saccularii людащїи ѕлопрестители.

senatores чиновницы. синклитики, совѣтницы.

setunchretum [2]) жѕпище, Гробище.

Tabanus Муха коктающая.

Taberna. ae. храмъ. скїнїа. кочлмы. гостиница.

tragicus воплеплачевный. писате.

tragicus траєдиный. плачевный.

tragoedia, ae плачевное стихотворенїє.

tragedus [3]) траєдостворите

triscurria, orum игранїа. кощѹнаа.

Trygodaemones. стихопевцы.

zeus ковачь рыка.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь словъ нуждаются въ объясненіяхъ; такъ, форма Abanea сомнительна; въ „Totius latinitatis lexicon", Aeg. Forcellini (пользуемся падуанскимъ изданіемъ 1805 г.) только въ отдѣлѣ „Verba partim graeca latine scripta, partim barbara" etc. нашлось реченіе Abanec, Abenet, seu Abnet, съ тѣмъ же значеніемъ, что и въ нашемъ словарѣ: zona sacerdotalis. Tabanus, по опредѣленію того же словаря, muscae genus, in ore aculeum habens, quo armenta maxime infestat.

---

[1]) Описка вм. protonotarius.

[2]) Описка вм. sepulcretum, которое писалось также sepulchretum.

[3]) Описка вм. tragoedus; поэтому помѣщаемъ непосредственно послѣ слова tragoedia.

Слова porphagus не нашлось даже у Форчеллини; по всей вѣроятности, это греческое πορφάγος. Triscurria имѣется въ словарѣ Дюканжа (Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, изданіе 1681 г.) въ единственномъ числѣ: triscurrium, съ объясненіемъ: multiplex scurrilitas. Trygodaemones—очевидно греческое τρυγοδαίμων во множественномъ числѣ, сочиненное Аристофаномъ (Νεφέλαι, стихъ 296) въ подражаніе κακοδαίμων. Съ греческаго же, конечно, взяты и испорченное выраженіе laios. Aphesis (по всей вѣроятности λαοῦ или λαῶν ἄφεσις), и abacion (ἀβάκιον), и нѣкоторыя другія слова.

Русское толкованіе латинскихъ словъ является во многихъ случаяхъ весьма любопытнымъ. Трудно опредѣлить, откуда заимствовалъ составитель словаря свой переводъ слова abaces, соотвѣтствующаго греческому ἄβακες—множественное число отъ ἄβαξ—доска, тарелка. Терминъ „камыки числительныя" не отмѣченъ въ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ" И. И. Срезневскаго, s. v. камыкъ. Слово ярококъ, неизвѣстное по общимъ словарямъ, представляетъ любопытную параллель къ польскому jarząbek и чешскому jeřábek. Выраженіе белькочю (ср. чешское belkotám, польское bełkotać) не встрѣчается ни въ вышеназванномъ словарѣ Срезневскаго, ни въ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка" А. Л. Дювернуа (Москва 1894). Въ послѣднемъ нѣтъ и слова мелькочю, которое можно отмѣтить въ дополненіе къ указанному у Срезневскаго мелькчати, мелькчю (XII в.). Любопытно, что слово camelopardalis (ср. греческое

καμηλοπάρδαλις) — жирафъ — передано двумя словами — ногъ (=gryphus) и керкѡѕудопардъ (жирафъ, ср. у. Срезневскаго велбѫдопардосъ); повидимому, переводчикъ смѣшалъ здѣсь слова gryphus и giraffa. Характерна передача выраженія clusius — одинъ изъ эпитетовъ Януса — словомъ бѣсъ — здѣсь видна обычная тенденціозность старыхъ временъ христіанства; къ сожалѣнію, именъ другихъ боговъ римскаго Олимпа не встрѣчается; нѣтъ ни Юноны, ни Цереры, ни Венеры, ни Марса, ни Эола; даже zeus переводится только словами ковачь рыба, хотя имя Дій было извѣстно составителю — ср. значенія словъ Iovis flos и Iovis gemma. Для передачи electrum употреблено три слова въ русской формѣ: церковно-славянское прѧдъ, польское bursztyn (изъ нѣмецкаго Bernstein) и греческое ἤλεκτρον, бывшее въ свою очередь подлинникомъ для латинскаго electrum.

Объясненія весьма многихъ словъ, особенно отвлеченнаго характера, сдѣланы въ „Dictionarium“ очевидно ad hoc, но они во всякомъ случаѣ интересны, какъ образцы попытокъ выработать для русскаго языка научную терминологію; въ виду этого, а также и присутствія здѣсь русскихъ словъ, не имѣющихся въ словаряхъ нашего языка до-петровской эпохи, „Dictionarium“ является, на нашъ взглядъ, весьма важнымъ — особенно, если вспомнить его обширный объемъ — источникомъ для изученія историческаго развитія русскаго языка; цѣль настоящей замѣтки — напомнить о разбираемой рукописи тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, и выразить желаніе, чтобы „Dictionarium“ былъ принятъ во вниманіе,

когда у насъ будетъ составляться дѣйствительно историческій словарь русскаго языка, превосходящій и количествомъ, и качествомъ матеріала случайныя, скудныя записи Дювернуа и собраніе словъ изъ языковъ всѣхъ православныхъ славянъ, какимъ оказывается долго ожидавшійся словарь Срезневскаго.

Н. Петровскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О БЕСЕРМЯНАХЪ.

Бесермяне въ числѣ 11,000 живутъ преимущественно въ юго-восточной части Глазовскаго уѣзда, но встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ и въ центрѣ этого уѣзда: въ волостяхъ Ежевской и Кестымской. О происхожденіи бесермянъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній еще не имѣется. Тѣ данныя, которыя помѣщены относительно этого народа въ нѣкоторыхъ историко-этнографическихъ сочиненіяхъ, говорятъ слѣдующее.

Въ „Исторіи Вятскаго края“ Васильева и Бехтерева говорится, что бесермяне произошли отъ помѣси татаръ съ вотяками. Въ „Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ за 1859 годъ, кн. 7, сказано: „бесермяне, бѣжавши изъ Хивы и поселившись здѣсь еще въ царствованіе Екатерины II-й, размѣстились среди вотяковъ, усвоили языкъ послѣднихъ, такъ что составляютъ въ настоящее время что то среднее между вотяками и татарами“. Этотъ отрывокъ изъ „Вѣстника“ названнаго общества помѣщенъ въ „Сборникѣ статей о миссіонерствѣ среди крещеныхъ татаръ и мусульманъ“ протоіерея Е. А. Малова. Въ историко-этнографическомъ очеркѣ „Вотяки“ И. Н. Смирнова помѣщенъ слѣдующій вопросъ: „Мало опредѣленный до сего времени народъ „бесермяне“ не есть ли остатокъ древне-булгарскихъ населеній между вотяками Глазовскаго уѣзда?“ Приведенныя данныя, какъ мы видимъ, только противорѣчатъ другъ другу,

и не могутъ поэтому претендовать на значеніе вполнѣ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній.

Обратимся теперь къ послѣднему источнику свѣдѣній о происхожденіи бесермянъ—къ преданіямъ и разсказамъ самого этого народа. Народныя преданія и разсказы, какъ извѣстно, хотя и передаются нѣсколько преувеличенно, но всегда заключаютъ въ себѣ и нѣкоторую долю правды. Во время поѣздки по бесермянскимъ селеніямъ мы записали со словъ стариковъ-бесермянъ слѣдующіе разсказы, приводимые въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы слышали ихъ. Въ деревнѣ Ворцы (Укаинскаго прихода)—бесермянинъ Исаакъ Вершининъ на вопросъ: „что за народъ бесермяне? Откуда они произошли? Не отъ помѣси ли татаръ съ вотяками!“ разсказалъ слѣдующее: „Бесермяне произошли не отъ помѣси вотяковъ съ татарами, а они чистокровные потомки татаръ магометанъ. Наши предки, говорили старики, были чистые магометане, и жили они въ окрестностяхъ деревни Карино (Слободского уѣзда), гдѣ и въ настоящее время живутъ наши собратья, потомки этихъ татаръ. О томъ, что бесермяне произошли не отъ сліянія двухъ народовъ, вотяцкаго съ татарскимъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что мы до сихъ поръ живемъ почти отдѣльно отъ вотяцкаго народа: не женимся на вотячкахъ, и сами не выдаемъ за нихъ своихъ бесермянокъ“. Этотъ разсказъ, опровергая достовѣрность приведеныхъ выше историческихъ данныхъ, заставляетъ предполагать, что бесермяне дѣйствительно потомки татаръ магометанъ, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ бесермянъ до сихъ поръ сохранились нѣкоторые магометанскіе обычаи, напримѣръ: постъ магометанскій, соблюдаемый нѣкоторыми бесермянами деревни Кэсшуръ Ежевской волости, отпѣваніе покойника муллою по магометанскому обычаю, имѣющее мѣсто въ деревнѣ Ворцы (Укаинскаго прихода) и нѣкот. друг.

Еще болѣе противорѣчитъ историческимъ даннымъ слѣдующій разсказъ, записанный нами со словъ одного 88-лѣтняго бесермянина, Сидора Біанова, въ дер. Малой-Юндѣ (Яго-

шурскаго прихода). Повторивъ предварительно то, что сказано было упомянутымъ выше бесермяниномъ Вершининымъ, Біановъ говорилъ: „бесермяне—тѣ же крещеные татары, которые во множествѣ живутъ въ Казанской и частію Вятской губерніяхъ. Обращеніе въ христіанство бесермянъ нашей деревни случилось слѣдующимъ образомъ. Одного татарина, за что именно, этого не могу сказать, присудили на ссылку въ Сибирь. Татаринъ, во избѣжаніе этого наказанія, пожелалъ креститься. Его, конечно, окрестили и отъ ссылки освободили. Но собратья-магометане этого окрестившагося татарина считая его уже испорченнымъ и оскверненнымъ, смѣялись надъ нимъ, притѣсняли и даже гнали его. Наконецъ притѣсненія и насмѣшки ихъ сдѣлались до такой степени невыносимыми, что новокрещеный татаринъ принужденъ былъ жаловаться на своихъ собратьевъ русскому начальству. Тогда русскіе начальники пришли въ нашу деревню, собрали всѣхъ татаръ вмѣстѣ, сдѣлали общую купель, и всѣхъ тамъ и окрестили".—„Почему же окрестившихся татаръ назвали потомъ бесермянами, а не просто крещеными татарами, какъ въ другихъ губерніяхъ?" спросили мы старика. Онъ затруднился отвѣтить на этотъ вопросъ. Но намъ кажется, что *бесермянинъ* образовалось отъ слова *басурманинъ* [1]), которымъ русскіе называли въ былое время татаръ, и это названіе, утративъ свое значеніе по отношенію къ послѣднимъ, удержалось до сихъ поръ за народомъ бесермянскимъ. „Что бесермяне—дѣйствительно крещеные татары", продолжалъ дальше Біановъ, „то это видно изъ того, что лѣтъ 20—40 тому назадъ, у насъ всѣ бесермянскіе старики носили татарскія имена и соблюдали татарскіе обычаи, хотя сами считались христіанами. Меня самого до сихъ поръ зовутъ Гафаромъ, хотя собственное мое имя не Гафаръ, а Сидоръ. Мои родственники по бабушкѣ и теперь магометане, только я и мои дѣти сдѣла-

[1]) «*Басурманъ*»—изъ татарскаго и персидскаго слова مسلمان (мусульманинъ). *Ред.*

лись христіанами. Да моя бабушка настоящая магометанка", продолжалъ онъ: „ее окрестили уже въ зрѣломъ возрастѣ. Случилось это такъ. Когда русскіе начальники пришли въ татарскую деревню съ цѣлью окрестить живущихъ тамъ татаръ, послѣдніе всѣ разбѣжались и спрятались, кто куда могъ. Моя бабушка (тогда она была дѣвушкой) влѣзла на дерево въ надеждѣ, что русскіе не замѣтятъ ее оттуда. Но русскіе увидѣли и просили спуститься съ дерева, угрожая въ противномъ случаѣ наказать или убить. Она и слѣзла. Ее тутъ окрестили, а ея братья и сестры не были найдены и остались некрещеными. Такимъ образомъ тѣ (въ томъ числѣ, конечно, и я), которые произошли отъ этой окрестившейся татарки, теперь всѣ крещеные и называются бесермянами, а люди, происшедшіе отъ братьевъ и сестеръ этой моей бабушки, и до сихъ поръ не крещены, живутъ они недалеко отъ меня; меня они знаютъ, называютъ своимъ родственникомъ и частенько захаживаютъ, въ качествѣ гостей, ко мнѣ чайничать".

Такимъ образомъ изъ этихъ двухъ разсказовъ мы довольно ясно видимъ, что бесермяне не потомки двухъ смѣшавшихся народовъ,—вотяковъ и татаръ, и не выходцы изъ Хивы, и не остатокъ древне-болгарскихъ населеній въ Глазовскомъ уѣздѣ, а просто крещеные татары [1]. „Почему же они говорятъ на вотяцкомъ языкѣ, а не на татарскомъ, подобно крещенымъ татарамъ Казанской и другихъ губерній?" быть можетъ, спросятъ насъ. Въ отвѣтъ на это скажемъ слѣдующее. Изъ исторіи миссіонерства среди вотяковъ извѣстно, что начальство строго относилось къ новокрещенымъ вотякамъ: преслѣдовало ихъ за совершеніе языческихъ моленій и принуждало исполнять христіанскіе обычаи и обряды. Быть можетъ, такую же строгость оно проявило и по отношенію къ новокрещенымъ татарамъ—бесермянамъ, и потому, не желая,

[1]) Весьма близкій къ этому, но не тождественный съ нимъ взглядъ проведенъ проф. И. Н. Смирновымъ въ замѣткѣ «Бесермяне Вятской губерніи» (Труды восьмаго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1890. Томъ III. Москва 1897, стр. 313—314). *Ред.*

чтобы бесермяне снова обратились въ магометанство, запретило имъ имѣть сношенія съ татарами-магометанами, и съ этою цѣлью даже выселило ихъ къ вотякамъ. Тогда бесермяне, обращаясь только съ одними вотяками, переняли ихъ языкъ, обычаи и обряды, хотя и къ настоящему времени не совсѣмъ забыли свой языкъ и не овотячились вполнѣ.

Слѣды татарскаго происхожденія бесермянъ сохранились и до сихъ поръ. „Узкіе глаза, выдающіяся скулы, оттопыренныя уши и рѣдкія бороды; длинныя татарскія рубашки съ большимъ отложнымъ воротникомъ и войлочныя конусообразныя шляпы“, носимыя мужчинами, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о тюркскомъ происхожденіи бесермянскаго народа.

Но главная отличительная черта бесермянъ та, что они, подобно магометанамъ, держатъ себя изолированно отъ другихъ народовъ. На вотяковъ смотрятъ они, какъ на народъ, стоящій во всѣхъ отношеніяхъ ниже. На вотячкахъ большинство изъ нихъ не женится и сами за вотяковъ своихъ дочерей не выдаютъ. Хотя въ послѣднее время нѣкоторые бесермяне и начали жениться на вотячкахъ, но смѣшеніе бесермянъ съ вотяками подвигается очень туго. Да и въ будущемъ оно едва ли успѣшно подвинется впередъ, потому что между бесермянами есть лица, которыя держатся такого мнѣнія, что жениться на вотячкахъ не слѣдуетъ, онѣ-де приносятъ въ домъ бесермянина только одни несчастья. „Вонъ я женатъ на вотячкѣ“, говорилъ намъ одинъ бесермянинъ въ дер. Малой Юндѣ (Ягошурскаго прихода), „а въ домѣ все несчастья да несчастья. Мало того, благодаря такой женитьбѣ, у меня и хозяйственныя дѣла тихо подвигаются, а недавно сына уволили изъ училища. Не женись на вотячкѣ—ничего этого не случилось бы“.

Въ религіозномъ отношеніи бесермяне представляютъ довольно разнообразную картину: одни изъ нихъ, совершая христіанскіе обряды, исполняютъ въ тоже время и татарскіе обычаи, и языческіе обряды: держатъ татарскій постъ, приглашаютъ муллу для отпѣванія покойника, ѣдятъ конину, а

другіе уже не придерживаются татарскихъ обычаевъ, но за то усердно исполняютъ языческіе.

Чтобы дать хотя бы общее понятіе о совершаемыхъ бесерманами языческихъ моленіяхъ, я привожу описаніе одного такъ называемаго „общественнаго моленія".

Общественное моленіе совершается въ небольшой рощицѣ, называемой кереметью. Для совершенія этого моленія требуются: бѣлая утка, сѣрый гусь, бурый ягненокъ и овца и два красныхъ быка. Всѣ эти животныя должны быть перемѣнены на рожь, овесъ и иной хлѣбъ, но ни въ какомъ случаѣ не должны покупаться за деньги. Обязанность жрецовъ при моленіи исправляется пятью или шестью стариками. При началѣ моленія участвуютъ только одни жрецы, а остальные бесерман остаются въ это время въ деревнѣ. Послѣдніе являются туда только тогда, когда сварится утка. Одинъ изъ жрецовъ, отрѣзавъ голову, крылья, лапки и задокъ утки, раздѣляетъ послѣднюю между собравшимися, а перечисленныя части бросаетъ въ особый, нарочно для этой цѣли приготовленный, мѣшочекъ. Какъ только съѣдятъ утку, бесермяне расходятся по домамъ, а на моленіи остаются только одни жрецы. По уходѣ бесермянъ жрецы закалываютъ гуся, и когда онъ сварится, бесермяне снова собираются. Тутъ одинъ изъ жрецовъ поступаетъ съ гусемъ также, какъ съ уткой, т. е., отрѣзавъ предварительно голову, крылышки, лапки, задокъ, и бросивъ ихъ въ мѣшочекъ, раздаетъ гуся собравшимся на моленіе. Уничтоживъ гуся, бесермяне снова отправляются домой.

Затѣмъ жрецы закалываютъ барана. Бесермяне опять собираются, съѣдаютъ барана и уходятъ, и т. д.; такимъ образомъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ послѣдняго жертвеннаго животнаго—быка. Подобное моленіе продолжается дня два. Въ первый день бесермяне съѣдаютъ утку, гуся, ягненка и овцу, а быки съѣдаются въ слѣдующій день, Самое моленіе, т. е. произношеніе языческой молитвы, совершается послѣ того, какъ съѣдаются всѣ жертвенныя животныя.

Послѣ молитвъ бесермяне всѣ расходятся по домамъ, а жрецы, взявъ мѣшокъ съ заключающимися въ немъ частями жертвенныхъ животныхъ, отправляются въ лѣсъ; пришедши сюда, они становятся вокругъ одной елки, и когда одинъ изъ жрецовъ громкимъ голосомъ произнесетъ положенную на этотъ случай молитву, вѣшаютъ мѣшочекъ на елку и отправляются домой. Стаи воронъ, сорокъ и вороновъ съ громкимъ карканьемъ и крикомъ, летая вокругъ повѣшеннаго на елку мѣшка, даютъ знать, что моленіе бесермянъ уже кончилось.

Кромѣ религіозныхъ обрядовъ, бесермянами исполняется еще множество других обычаевъ. Изъ такихъ обычаевъ я укажу на слѣдующій.

Въ великую среду, послѣ обѣда, взрослые мужики отправляются въ лѣсъ за еловыми прутьями, можжевельникомъ и муравьями. Муравьи въ это время бываютъ еще въ состояніи оцѣпенѣнія; въ этомъ видѣ и приносятъ ихъ бесермяне, доставъ ихъ прямо изъ кучи. Между тѣмъ дѣвушки отправляются на гумна за соломой. Послѣдняя по обычаю приносится не изъ своего гумна, а изъ чужого. Всѣ принесенныя вещи на ночь оставляются или въ сѣняхъ, или передъ клѣтью. Въ великій четвергъ утромъ, еще до восхода солнца, всѣ бесермяне топятъ баню, и, вымывшись тамъ, какъ слѣдуетъ, одѣваются въ чистое бѣлье и одежду. Затѣмъ всѣ выходятъ на дворъ; одинъ изъ старшихъ въ семействѣ разводитъ по срединѣ двора костеръ и бросаетъ туда принесенное наканунѣ—солому, еловыя прутья, можжевельникъ и муравьевъ, и проситъ всѣхъ членовъ семейства, по одиночкѣ, трижды перепрыгнуть черезъ этотъ огонь, приговаривая: *арсын лыктэм четверик* („чрезъ годъ наступившій четвергъ"). Они такъ и дѣлаютъ. Затѣмъ, вошедши въ избу, кладутъ на сковороду нѣсколько муравьевъ и еловыхъ прутьевъ, зажигаютъ ихъ и дымомъ ихъ окуриваютъ весь домъ. Оставшіеся отъ употребленія муравьи разбрасываются по дому, двору, хлѣву. Въ это время хозяинъ или хозяйка выходитъ въ хлѣвъ и, обращаясь къ каждому животному и птицѣ, громкимъ голо-

сомъ произноситъ соотвѣтствующія имъ клички. Обращаясь, напримѣръ, къ овцѣ, онъ произноситъ: чиге, чиге, чиге....; обращаясь къ курицѣ: чипы, чипы, чипы и т. д. Затѣмъ, когда хозяинъ или хозяйка входитъ въ избу, всѣ мужчины начинаютъ плести лапти или вить веревку, а женщины пекутъ блины. Но вотъ блины готовы, и уже на столѣ; прежде чѣмъ приняться за нихъ, каждый долженъ обвязать кисть своей руки шелкомъ или крашеной ниткой. Съ уничтоженіемъ блиновъ кончается и церемонія.

Языческіе обычаи и обряды среди бесермянъ держатся очень крѣпко, главнымъ образомъ благодаря старикамъ и старухамъ, закоснѣлымъ въ язычествѣ и невѣжествѣ. Но всего строже охраняются они знахарями и гадателями. Въ деревнѣ Ворцы есть одна ворожейка, которая руководитъ всею религіозною жизнью бесермянъ этой деревни. Ни одно моленіе, ни одна жертва не совершается безъ ея вѣдома. Она пользуется извѣстностью не только въ своей, но и въ другихъ бесермянскихъ и даже вотскихъ деревняхъ. Къ ней ѣздятъ гадать верстъ за 20 и болѣе. Она, по собственнымъ ея словамъ, знаетъ заговоры противъ многихъ болѣзней и можетъ лѣчить всякіе недуги. Вотъ, напримѣръ, одинъ заговоръ, записанный нами со словъ этой ворожеи:

Заговоръ отъ порчи или колдованія [1]).

Когда изучитъ (здѣсь разумѣется тотъ, кто занимается порчею или колдовствомъ) языкъ Адама, Чувашина, Черемисина, Кунгура и Пермяка, тогда пусть въ силѣ будетъ испортить этого человѣка (разумѣется тотъ, кому читается заговоръ). Когда Каму, Волгу, море и (вообще) текущую внизъ воду заставитъ течь обратно—верхъ; когда поцѣлуетъ дно того моря; на днѣ этого моря (есть) желѣзный столбъ, когда этотъ желѣзный столбъ въ состояніи будетъ выдернуть языкомъ и зубами, тогда пусть заколдуетъ этого человѣка; пусть онъ не въ силѣ будетъ выдернуть этотъ столбъ, а я (загова-

[1]) Буквальный переводъ съ бесермянскаго на русскій языкъ.

ривающій разумѣеть себя) пусть буду въ состояніи побѣдить его. Когда осушитъ море, ударивъ по нему шелковой нагайкой, тогда пусть заколдуетъ этого человѣка; пусть я (его) побѣждаю, а не онъ (колдунъ). На красной горѣ красный песокъ, когда этотъ красный песокъ сочтетъ, тогда пусть заколдуетъ этого человѣка. Кандовая сосна, кандовая сосна, когда сердцевину кандовой сосны выдернетъ своими зубами, тогда пусть испортитъ. Когда пятипудовую гирю выброситъ черезъ плечо назадъ, тогда пусть испортитъ. За большой горой полное солнце, полная луна; когда это полное солнце и полную луну соединитъ вмѣстѣ и возьметъ ихъ въ свою горсть, тогда пусть заколдуетъ. (Есть) быкъ съ золотыми рогами, у быка съ золотыми рогами есть (на шеѣ) золотой замочекъ; когда отниметъ (у быка) этотъ замочекъ, тогда пусть испортитъ".

Кромѣ этой ворожейки, мнѣ пришлось еще познакомиться съ однимъ замѣчательнымъ знахаремъ, проживающимъ въ деревнѣ Малой Юндѣ (Ягошурскаго прихода). Знахарь этотъ, пользуясь простодушіемъ и невѣжествомъ своихъ бесермянъ, чрезвычайно ловко эксплоатируетъ ихъ. Въ рабочее время его дома никогда не застанешь: онъ ходитъ на работу, хотя самъ по старости работать уже не можетъ; но ходитъ онъ вотъ съ какою цѣлью. Пришелъ къ нему, положимъ, какой нибудь бесермянинъ. Знахаря дома нѣтъ, онъ на работѣ. Бесермянинъ отправляется въ поле и, отыскавъ знахаря, проситъ его посѣтить больного въ его домѣ. Знахарь отвѣчаетъ ему: „исполнить твою просьбу я не могу, потому что мнѣ некогда, надо работать". Бесермянинъ проситъ его чуть не съ поклонами. Тогда знахарь говоритъ ему: „если ты очень нуждаешься въ моей помощи, то останься здѣсь и поработай за меня, а я пойду и полѣчу твоего больного". „Ладно", отвѣчаетъ обрадованный бесермянинъ и остается работать, а знахарь уходитъ. Воспользовавшись такимъ случаемъ, знахарь проводитъ у больного цѣлый день, а иногда два, даже три дня; а бесермянинъ въ это время усердно за него работаетъ. Возвратившись отъ больного, знахарь беретъ у бесермянина еще сколько нибудь денегъ и только потомъ отпускаетъ его домой.

По вѣрованіямъ бесермянъ каждое строеніе, каждое жилище имѣетъ своего тайнаго хранителя; этихъ хранителей бесермяне зовутъ общимъ именемъ *кузё*, что значитъ порусски хозяинъ. Кузё каждаго строенія имѣетъ свое собственное названіе [1]. Кузё дома, напримѣръ, зовутъ—Марія, клѣти—Дарья, овина—Кузьма, бани—Параскева, хлѣва—Иванъ. Перечисленныя кузё по отношенію къ бесермянамъ бываютъ добрые или злые, смотря потому, какъ сами бесермяне будутъ почитать ихъ: если въ положенное время они молятся кузё, то онъ становится для нихъ добрымъ, въ противномъ случаѣ онъ мститъ имъ, посылая разныя несчастія [2].

Въ нравственномъ отношеніи бесермяне ничѣмъ не отличаются отъ вотяковъ; какъ и у послѣднихъ, дѣвушки ихъ пользуются неограниченною свободою и нерѣдко до замужества имѣютъ дѣтей.

И. Михеевъ.

---

[1] Духи, покровители строеній, водъ, горъ и лѣсовъ, существуютъ и въ вѣрованіяхъ тюркскихъ племенъ, напр. казанскихъ татаръ, алтайцевъ и телеутовъ Томской губ., абаканскихъ татаръ Енис. губ., карагасовъ Иркут. губ. и урянхайцевъ Сѣв. Монголіи. *Ред.*

[2] Слово «кузё»—изъ татарскаго خواجه «хужа» (господинъ). *Ред.*

МАТЕРІАЛЫ

А) АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Древнее поселеніе близъ деревни Старый Урматъ, Казанскаго уѣзда.

Въ 44 верстахъ отъ Казани по большой сибирской дорогѣ расположена деревня Старый или Русскій Урматъ, возникшая въ концѣ прошлаго вѣка [1]). Названіе этой деревни уже довольно давно извѣстно въ мѣстной археологической литературѣ [2]) и въ послѣднее время вновь обратило на себя вниманіе, благодаря дѣлаемымъ въ окрестностяхъ этого пункта находкамъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства рѣшаюсь подѣлиться своими наблюденіями, хотя и немногочисленными, вынесенными изъ посѣщенія Стараго Урмата нынѣшнею осенью, проѣздомъ въ г. Арскъ.

Деревня Урматъ принадлежитъ къ району Старой Казани, отстоя отъ стараго казанскаго городища не болѣе какъ на 3 версты и 1½—2 версты отъ д. Князь-Камаевой (Иски-Казань). Такая взаимная близость между указанными тремя пунктами дала нѣкоторымъ изслѣдователямъ основаніе считать ихъ составными частями одного цѣлаго—Старой Казани. Мѣстныя преданія держатся подобнаго же взгляда. Если это такъ, то представленіе о Старой Казани, какъ о «бѣдномъ Саиновомъ юртѣ», затерявшемся далеко отъ большихъ дорогъ, должно быть поколеблено. Противъ такого предположенія изслѣдователей нельзя ничего возразить по существу, кромѣ того, что, принимая его, мы должны считать каждый пунктъ отдѣленнымъ другъ отъ друга извѣстнымъ пространствомъ пустой, незаселенной земли, на что

---

[1]) Износковъ, Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда съ краткимъ ихъ описаніемъ. К. 1885 г. XIII. Мульминская волость, № 21.

[2]) Шпилевскій, Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. К. 1877 г., стр. 428—430.

указываютъ площади находокъ около перечисленныхъ пунктовъ, не сливающіяся одна съ другой [1].

Мѣсто находокъ у д. Урматъ расположено сейчасъ же за селеніемъ, по направленію къ р. Казанкѣ, оно заходитъ даже въ границы самой деревни, не выходя однако изъ нихъ въ противоположную сторону, и занимаетъ пространство около квадратной версты. Вся площадь, гдѣ производятся находки, покрыта черепками посуды, обломками кирпича, кусками шлака, выпахиваемыми при сельскихъ работахъ. При осмотрѣ попалось нѣсколько костей, среди нихъ—человѣческія. Вообще находки костей, по словамъ крестьянъ, очень часты, что возможно поставить въ связь съ мнѣніемъ Рыбушкина, что общее кладбище для покойниковъ Старой Казани, вѣроятно, было на полѣ, принадлежащемъ деревнѣ Урматъ [2]. По словамъ тѣхъ же крестьянъ, ими выпахивались небольшіе глиняные горшечки съ какими то знаками на нихъ, въ видѣ литеры Λ, но ни одного такого горшка видѣть не удалось. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на площади находокъ почва будто бы осѣдаетъ, образуя небольшіе провалы. Недалеко отъ деревни, среди поля, лежатъ двѣ массивныхъ надгробныхъ плиты; у одной нѣтъ возможности отыскать какихъ либо слѣдовъ надписи — до того ея поверхность источена временемъ, у другой остатки надписи еще кое-гдѣ сохранились. Находки предметовъ многочисленны, происходятъ всегда во время сельскихъ работъ. Изъ предметовъ древности мною были пріобрѣтены отъ крестьянъ серебряныя и мѣдныя татарскія монеты [3], мѣдныя и серебряныя серьги, мѣдный перстень, металлическія и стеклянныя пронизки, обдѣланный кусокъ змѣевика въ видѣ квадрата, желѣзные—топоръ, ножи, шпора, замки [4].

---

[1]) Сверхъ всего этого, нужно замѣтить для лицъ, незнакомыхъ съ топографіей мѣстности, что городище находится на правомъ берегу р. Казанки, а дд. Князь-Касаева и Урматъ—на лѣвомъ.

[2]) Поѣздка въ Старую Казань. «Заволжскій Муравей», 1833 г. № 21, стр. 1180.

[3]) По опредѣленію проф. Н. Ѳ. Катанова, 15 пріобрѣтенныхъ мною монетъ оказались слѣдующими: 1) серебр. золотоорд. Джанибекъ-хана (1340—1357), чеканена въ Новомъ Сараѣ; 2) серебр. золотоорд. анонимная съ тамгою; 3) 3 серебр. золотоорд. Узбекъ-хана (1312—1340), двѣ изъ нихъ чеканены въ 1322 г. въ Сараѣ; 4) 8 мѣдныхъ золотоорд. съ именемъ Хизръ-хана (1359—1361), чеканенныхъ въ Нов. Сараѣ и Гюлистанѣ; 5) мѣдная золотоорд. анонимная; на одной сторонѣ изображено подобіе орла, а на другой надпись по-татарски: «да будетъ счастливъ»; 6) мѣдная золотоорд. съ именемъ хана (بوالغار) монгольскаго Менгу (XIII в.), чеканена въ Болгарѣ около половины XIII в.; изъ золотоординскихъ монетъ—самая древняя.

[4]) Замѣчу кстати, что тождественные по устройству замки были находимы на площади могильника при д. Хариной, Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи.

Съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ д. Урмать—съ кладбищемъ ли Старой Казани, съ пригородомъ ли ея или съ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ селеніемъ,—рѣшатъ, безъ сомнѣнія, будущія изысканія въ данной мѣстности и правильныя археологическія раскопки. За первое предположеніе говорятъ наличность надгробныхъ камней и нахожденіе человѣческихъ костей въ большомъ количествѣ; за второе—приведенныя выше мнѣнія изслѣдователей и мѣстныя преданія; за третье—замѣчаніе князя Курбскаго о характерѣ страны, по которой проходили русскія войска въ своемъ набѣгѣ на Арскую землю во время послѣдней казанской осады: «понеже въ земли той поля великія и зѣло преизобильныя и гобзующія на всякіе плоды; тако же и дворяне имѣютъ ихъ и вельможей зѣло прекрасны и воистину удивленія достойны, и села частые»[1]).

В. Борисовъ.

Къ топографіи Болгарскаго городища[2]).

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ровъ длиною болѣе 7 саж., идущій вдоль подножія горы. Здѣсь по словамъ крестьянъ шла сплошная каменная стѣна; это представляется вполнѣ правдоподобнымъ, и. ч. иначе ничѣмъ нельзя объяснить строго прямолинейное направленіе рва. Всѣ остатки зданія расположены по одну сторону этого рва—сторону горы; направленіе стѣнъ каменной кладки или параллельно или перпендикулярно указанному рву. Въ западномъ углу рва, на глубинѣ менѣе сажени, видна часть бутовой кладки изъ весьма крупныхъ камней, связанныхъ цементомъ; въ другомъ мѣстѣ рва начало непошатнувшейся кирпичной стѣны, перпендикулярной рву, которая теряется, кроясь въ землѣ но можетъ быть прослѣжена въ другомъ мѣстѣ на разстояніи около 3 саженъ отъ наружной линіи рва. Другая кирпичная стѣна проходитъ повидимому параллельно главному рву, теряясь въ оставшейся нераскопанной части сада. Двѣ горизонтальныя глиняныя трубы найдены въ положеніи параллельномъ рву, третья въ густомъ слоѣ твердаго цемента—перпендикулярномъ. Всѣ эти скудные остатки зданія покрыты толстымъ слоемъ самаго безпорядочнаго мусора—изъ кусковъ цемента, камней, обломковъ кирпича. Еще выше—слой черной земли, очевидно скопившійся изъ отбросовъ, которые сваливали когда то подъ гору.

Осмотръ остатковъ предполагаемаго здѣсь зданія даетъ очень немного: онъ позволяетъ только опредѣлить направленіе зданія и его размѣры—болѣе 5 саж. по одной сторонѣ и болѣе 3 по другой. Болѣе свѣдѣній о характерѣ зданія могутъ дать разбросанные по мѣсту раскопокъ матеріалы, вырытые изъ земли, но еще не использованные крестьянами. Въ большомъ количествѣ разбросаны широкіе и тонкіе кирпичи съ квадратнымъ основаніемъ. Измѣреніе ихъ дало не всегда одинаковую цыфру, но въ общемъ типическій ихъ размѣръ вполнѣ подходитъ къ господствующему въ болгарскихъ и билярскихъ постройкахъ размѣру $5\frac{1}{2}$ вершковъ по сторонѣ квадрата и 1 в. толщины. В. А. Казариновъ[1]) придаетъ размѣрамъ и формѣ кирпича значеніе хронологическаго показателя для мѣстныхъ сооруженій; выше названный размѣръ имъ признается, впрочемъ безъ достаточныхъ доводовъ, за показатель значительной древности постройки. Встрѣчаются тесаныя плиты бѣлаго камня, которыя могли служить для облицовки или для настилки пола. Изъ водоемовъ, вырытыхъ при раскопкахъ, на мѣстѣ ихъ остался одинъ, знакомаго по музеямъ типа, массивный каменный, 10 вершковъ высотой, трехгранный по лицевой сторонѣ, безъ орнамента, вмѣстимостью около 2 ведеръ. Извлеченныя изъ кладки глиняныя трубы не велики размѣромъ ($6\frac{1}{2}$ вершковъ и болѣе), имѣютъ коническую форму съ кольцеобразнымъ утолщеніемъ на узкомъ концѣ; этимъ концомъ одна труба вставляется въ другую, плотно закрѣпляясь твердымъ цементомъ; трубы найдены въ значительномъ количествѣ. Обращаетъ на себя вниманіе также черная масса, вынутая, по словамъ крестьянъ, изъ нѣдръ раскопаннаго зданія;

[1]) «Описаніе Билярскихъ и Баранскаго городищъ». Изв. Общ. Археол. Ист. и Этн. III, 97. «Развалины древнихъ зданій при с. Болгарахъ». Ibid. VI, в. 2, 34.

Съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ д. Урматъ—съ кладбищемъ ли Старой Казани, съ пригородомъ ли ея или съ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ селеніемъ,—рѣшатъ, безъ сомнѣнія, будущія изысканія въ данной мѣстности и правильныя археологическія раскопки. За первое предположеніе говорятъ наличность надгробныхъ камней и нахожденіе человѣческихъ костей въ большомъ количествѣ; за второе—приведенныя выше мнѣнія изслѣдователей и мѣстныя преданія; за третье—замѣчанія князя Курбскаго о характерѣ страны, по которой проходили русскія войска въ своемъ набѣгѣ на Арскую землю во время послѣдней казанской осады: «понеже въ землѣ той поля великія и зѣло преизобильныя и гобзующія на всякіе плоды; также и дворы княжатъ ихъ и вельможей зѣло прекрасны и воистину удивленія достойни, и села часты»[1].

В. Борисовъ.

Къ топографіи Болгарскаго городища[2].

Крестьянами с. Болгаръ раскопано въ разное время на ихъ усадьбахъ немалое количество остатковъ древнихъ зданій съ цѣлью извлеченія бутоваго камня. Свѣдѣнія о предметахъ древности, обнаруженныхъ при этомъ, и о мѣстоположеніи развалинъ были въ 1891 г. собраны на мѣстѣ А. А. Штукенбергомъ; о дальнѣйшихъ раскопкахъ сообщалъ г. Суринъ[3]. Зимою 1898—1899 годовъ еще въ одной усадьбѣ были выкопаны изъ земли остатки стариннаго зданія. Большая часть каменной кладки была владѣльцемъ мѣста, кр. Ив. Ѳед. Сидоршинымъ, разрушена и пережжена въ известь раньше, чѣмъ о раскопкахъ стало извѣстно кому либо изъ интересующихся топографіей городища. Лѣтомъ 1899 г. можно было видѣть только на половину засыпанныя ямы, изъ которыхъ былъ извлеченъ бутъ, и крайне незначительные признаки зданія, нѣкогда расположеннаго на этомъ мѣстѣ. Разсказы участвовавшихъ въ раскопкахъ крестьянъ не дали понятія о расположеніи постройки, очевидно ими не усвоенномъ. Ниже сообщаются только тѣ данныя, которыя можно вывести изъ непосредственнаго осмотра мѣстности.

Мѣсто раскопокъ расположено по сѣверному склону верхней террасы села, близъ подножія ея, вправо отъ дороги, которая крутымъ скатомъ спускается къ болоту отъ площади, застроенной такъ называемымъ монастырскимъ погребомъ, «четыреугольникомъ» и церковью. Рытвины и ямы съ остатками каменной кладки перемежаются яблоновыми деревьями, которыми засажено это мѣсто. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе глубокій

---

[1]) Сказанія князя Курбскаго, часть I. СПБ. 1833 г., стр. 31.

[2]) Доложено Общему Собранію 23 сентября 1899 года.

[3]) «Послѣднія раскопки въ с. Болгарахъ» А. Штукенберга. Изв. Общ Археол., Ист. и Этн. т. X, в. 1, 108—110. «Поѣздки по Казанской губерніи и къ болгарскимъ развалинамъ», изд. Ѳ. Суринъ, passim. См. также протоколъ чрезвычайнаго общаго собраніх въ Изв. Общ. Археол., Ист. и Этн. т. VI, в. 1, 23.

ровъ длиной болѣе 7 саж., идущій вдоль подножія горы. Здѣсь по словамъ крестьянъ шла сплошная каменная стѣна; это представляется вполнѣ правдоподобнымъ, т. к. иначе ничѣмъ нельзя объяснить строго прямолинейное направленіе рва. Всѣ остатки зданія расположены по одну сторону этого рва—сторону горы; направленіе стѣнъ каменной кладки или параллельно или перпендикулярно указанному рву. Въ западномъ углу рва, на глубинѣ менѣе сажени, видна часть бутовой кладки изъ весьма крупныхъ камней, связанныхъ цементомъ; въ другомъ мѣстѣ рва начало пошатнувшейся кирпичной стѣны, перпендикулярной рву, которая теряется, кроясь въ землѣ но можетъ быть прослѣжена въ другомъ мѣстѣ на разстояніи около 3 саженъ отъ наружной линіи рва. Другая кирпичная стѣна проходитъ повидимому параллельно главному рву, теряясь въ оставшейся нераскопанной части сада. Двѣ горизонтальныя глиняныя трубы найдены въ положеніи параллельномъ рву, третья въ густомъ слоѣ твердаго цемента—перпендикулярномъ. Всѣ эти скудные остатки зданія покрыты толстымъ слоемъ самаго безпорядочнаго мусора—изъ кусковъ цемента, камней, обломковъ кирпича. Еще выше—слой черной земли, очевидно скопившійся изъ отбросовъ, которые сваливали когда то подъ гору.

Осмотръ остатковъ предполагаемаго здѣсь зданія даетъ очень немного: онъ позволяетъ только опредѣлить направленіе зданія и его размѣры—болѣе 5 саж. по одной сторонѣ и болѣе 3 по другой. Болѣе свѣдѣній о характерѣ зданія могутъ дать разбросанные по мѣсту раскопокъ матеріалы, вырытые изъ земли, но еще не использованные крестьянами. Въ большомъ количествѣ разбросаны широкіе и тонкіе кирпичи съ квадратнымъ основаніемъ. Измѣреніе ихъ дало не всегда одинаковую цыфру, но въ общемъ типическій ихъ размѣръ вполнѣ подходитъ къ господствующему въ болгарскихъ и билярскихъ постройкахъ размѣру 5½ вершковъ по сторонѣ квадрата и 1 в. толщины. В. А. Казариновъ[1]) придаетъ размѣрамъ и формѣ кирпича значеніе хронологическаго показателя для мѣстныхъ сооруженій; выше названный размѣръ имъ признается, впрочемъ безъ достаточныхъ доводовъ, за показатель значительной древности постройки. Встрѣчаются тесаныя плиты бѣлаго камня, которыя могли служить для облицовки или для настилки пола. Изъ водоемовъ, вырытыхъ при раскопкахъ, на мѣстѣ ихъ остался одинъ, знакомаго по музеямъ типа, массивный каменный, 10 вершковъ высотой, трехгранный по лицевой сторонѣ, безъ орнамента, вмѣстимостью около 2 ведеръ. Извлеченныя изъ кладки глиняныя трубы не велики размѣромъ (6½ вершковъ и болѣе), имѣютъ коническую форму съ кольцеобразнымъ утолщеніемъ на узкомъ концѣ; этимъ концомъ одна труба вставляется въ другую, плотно закрѣпляясь твердымъ цементомъ; трубы найдены въ значительномъ количествѣ. Обращаетъ на себя вниманіе также черная масса, вынутая, по словамъ крестьянъ, изъ нѣдръ раскопаннаго зданія;

[1]) «Описаніе Билярскихъ и Баранскаго городищъ». Изв. Общ. Археол. Ист. и Этн. III, 97. «Развалины древнихъ зданій при с. Болгарахъ». Ibid. VI, в. 2, 34.

повидимому это сажа, смѣшавшаяся съ землей; она позволяетъ дать вѣроятіе разсказамъ крестьянъ о «топкахъ», выложенныхъ изъ камней въ глубинѣ зданія и не разрушенныхъ ими, а только снова засыпанныхъ землей.

О назначеніи зданія прискудости матеріала едва ли есть возможность говорить; въ частности система трубъ ничего не даетъ для опредѣленія, будучи принадлежностью весьма многихъ болгарскихъ построекъ, равно биллярскихъ и увекскихъ. Во всякомъ случаѣ сходство строительнаго матеріала предполагаемой на мѣстѣ раскопокъ палаты съ матеріаломъ многихъ другихъ болгарскихъ построекъ позволяетъ ввести ее въ кругъ данныхъ, опредѣляющихъ топографію древняго города. Дополненіемъ могутъ служить свѣдѣнія, одновременно собранныя о другой палатѣ, бывшей въ близкомъ сосѣдствѣ съ первой, также у склона верхней террасы; этотъ пунктъ, въ усадьбѣ кр. Максима Запѣвалова, отмѣченъ на планѣ 1869 года (Тр. I Археол. Съѣзда). Изъ разговора съ крестьяниномъ, жившимъ въ этомъ мѣстѣ, можно было узнать, что палата, уже много лѣтъ назадъ уничтоженная, была также снабжена глиняными трубами, каменными колодами съ орнаментомъ и каменнымъ плитянымъ поломъ.

Указанія въ старой литературѣ на подгорныя палаты въ Болгарахъ весьма скудны. Вполнѣ опредѣленнымъ можно считать положеніе зданія, находившагося за сѣвернымъ болотомъ на возвышеніи и нынѣ уже совершенно разрушеннаго. Его мѣсто закрѣплено планомъ Шмита (1827), гдѣ показаны «развалины палатъ съ бывшими круглыми башнями, на воввышенномъ курганѣ за болотомъ, гдѣ по преданію стоялъ маякъ». Слѣды зданія еще замѣтны; по измѣренію, произведенному на мѣстѣ, положеніе его вполнѣ совпадаетъ съ указаннымъ у Шмита и на планѣ 1869 г. Оставляя это зданіе совершенно въ сторонѣ, разсмотримъ указанія на собственно подгорныя палаты—расположенныя у подошвы верхней террасы села. Въ изданныхъ планахъ только уже на одномъ изъ новѣйшихъ (1869 г.) появляется на мѣстѣ упомянутой выше усадьбы Запѣвалова условное обозначеніе древняго зданія [1]. Изъ авторовъ описаній болгарскихъ развалинъ упоминаютъ о подгорныхъ палатахъ Озерецковскій и Березинъ [2]. У послѣдняго нѣтъ указанія на опредѣленныя зданія; сообщается только, что въ Булгарѣ были постройки и за чертой вала и рва какъ на горѣ, такъ и подъ горой на низменной равнинѣ; принявъ во вниманіе на горѣ Греческую палату, подъ горой—упомянутую выше палату за болотомъ, мы не найдемъ въ словахъ Березина новыхъ указаній. Озерецковскій вносъ въ перечень древнихъ зданій: «подъ горою за землянымъ валомъ близъ жила двѣ развалившіяся пала-

---

[1]) По С. М. Шпилевскому («Древніе города...», 228) мѣсто развалинъ подъ горою указано еще Шмитомъ; на планѣ послѣдняго авторъ настоящей замѣтки не могъ усмотрѣть указанія на какое либо древнее зданіе.

[2]) «Дневныя записки путешествія И. Лепехина», I (изд. 1795 г.), 270. «Булгаръ на Волгѣ» Н. Березина, 9—10.

ты,.... противъ сихъ двухъ палатъ за болотомъ есть одна развалившаяся палата».. Выраженіе «за землянымъ валомъ» заставляетъ сомнѣваться въ возможности отнести это показаніе къ описаннымъ палатамъ. Едва ли возможно встрѣтить въ какомъ либо описаніи хотя намекъ на существованіе вала съ сѣверной стороны городища; достаточно указать на Эрдмана [1]: «hier (по сѣверной окраинѣ) fehlt der Wall, denn diese Seite ist durch den jähen Abhang... gedeckt» или спеціалиста фортификаціи Риттиха [2]) «по горжѣ нѣтъ вала»; наконецъ, самъ Озерецковскій не увеличиваетъ 7-верстной длины вала; если бы онъ предполагалъ валъ по сѣверной окраинѣ, долженъ былъ бы еще прибавить версты 3.

Итакъ мы не знаемъ свидѣтельства ранѣе 1869 года о существованіи древнихъ зданій вдоль подножія верхней болгарской террасы. Этотъ выводъ имѣетъ практическій интересъ. Подгорныя зданія древняго города, засыпанныя обвалами и прикрытыя отбросами, могли быть неизвѣстны русскимъ поселенцамъ монастырской слободы; ихъ потомки разводятъ плодовый садъ надъ грудами камня и только потомъ узнаютъ, почему сохнутъ ихъ яблони; къ этимъ мѣстамъ можетъ быть рѣже прикасались руки хищниковъ.

Раскопки еще не окончены; къ западу отъ ихъ мѣста за предѣлами усадьбы весьма вѣроятно продолженіе обнаруженныхъ строеній [3]).

С. Н.

Матеріалы для археологіи Казанской губерніи.

Изслѣдованія Казанской губерніи въ археологическомъ отношеніи производятся въ послѣднее время довольно оживленно, причемъ изслѣдователи обращаютъ наибольшее вниманіе на Спасскій уѣздъ. Другіе уѣзды Казанской губерніи привлекаютъ сравнительно меньшее вниманіе или остаются почти незатронутыми, а между тѣмъ изслѣдованія ихъ территорій въ этомъ отношеніи могли бы дать интересные результаты. Имѣя это въ виду, я считаю не лишнимъ сдѣлать предварительное сообщеніе о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царевококшайскаго, Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ, изъ которыхъ извѣстны разныя археологическія находки. Эти мѣстности могли бы быть изслѣдованы съ пользой для археологіи мѣстнаго края. Укажу теперь на эти мѣстности.

1) Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, въ Ронгинской волости, въ 4-хъ верстахъ отъ села Ронги, около деревни Ашкариной попадается довольно много стариннаго оружія и другихъ старинныхъ желѣзныхъ вещей. Мнѣ

---

[1]) Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland, I, 281.

[2]) Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губ., I, 37.

[3]) Ср. у Сурина (о. с.) стр. 63: «Когда работали, устраивая спуски отъ церкви къ нижней подгорной части села, тогда, будто бы, встрѣчали подъ горою слѣды подземнаго хода и находили водопроводныя трубы».

были доставлены изъ этой мѣстности кривыя сабли, кинжалы, обрывки кольчугъ, желѣзные замки, огнива, топоры болгарскаго типа, сабляные сошники болгарскаго типа и пр. Всѣ эти предметы, повидимому, относятся къ эпохѣ татарскаго владычества. Изъ окрестностей села Ронги мнѣ были также доставлены предметы, относящіеся къ эпохѣ гораздо болѣе поздней. Мнѣ доставлены изъ этой мѣстности солдатскій штыкъ, ядро небольшаго калибра и пр. Эти предметы относятся, вѣроятно, ко времени пугачевскаго бунта.

2) Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, въ 25 верстахъ отъ города Царевококшайска, около села Иланурь, мѣстные жители указываютъ на городище, на которомъ находятъ желѣзные наконечники стрѣлъ.

3) Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, при впаденіи Малой Кокшаги въ Волгу, въ Ураковской лѣсной дачѣ, былъ найденъ желѣзный топоръ болгарскаго типа. Топоръ этотъ былъ доставленъ Л. В. Эннацкимъ.

4) Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, около села Стараго-Кокшайскаго, расположеннаго на лѣвомъ берегу Волги, почти противъ Сундыря, на Кокшайской песчаной горѣ попадаются каменныя орудія—наконечники стрѣлъ и пр. На этой горѣ находятъ, какъ говорятъ, также и кости.

5) Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, около деревни Чувашской Кріуши, расположенной на правомъ берегу Волги, находятъ мѣдные кельты и пр.

6) Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ, около деревни Коротни (село Ахмыловское), расположенной на лѣвомъ берегу Волги противъ Козьмодемьянска, были находимы мѣдные кельты. Въ этомъ мѣстѣ, какъ говорятъ, было найдено 8 мѣдныхъ кельтовъ.

7) Въ Цивильскомъ уѣздѣ, въ Чурашинской волости, около села Чурашина нерѣдко находятъ каменныя орудія: молотки, топоры и пр.

Изъ указанныхъ выше пунктовъ безъ всякаго сомнѣнія наиболѣе интересны окрестности деревни Ашкариной и села Кокшайскаго. Изслѣдованіе окрестностей этихъ поселеній обѣщаетъ дать хорошіе результаты.

А. Штукенбергъ.

Б) ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Бортничество (пчеловодство), какъ одинъ изъ видовъ натуральнаго хозяйства и промысла близъ Казани въ XVI–XVII вв.

Дѣвственные дремучіе казанскіе лѣса по берегамъ и въ прибрежьяхъ рр. Волги, Казанки и Камы представляли изъ себя весьма удобное мѣсто для естественнаго промысла въ формѣ бортничества или пчеловодства. Дѣльныя и порожжія бортныя деревья, въ дуплахъ которыхъ водились пчелы, считались тамъ не сотнями, а тысячами. Покоривъ Казань, русское правительство не наложило своихъ рукъ на этотъ исконный промыселъ въ казанскомъ краѣ; напротивъ, оно старалось поддерживать его. При постройкѣ государевыхъ дворовъ, городовъ и остроговъ и на всякое государево дѣло разрѣшалось рубить лѣсъ въ Казанскомъ уѣздѣ въ черныхъ лѣсахъ у кня-

зей, въ помѣстьяхъ боярскихъ дѣтей, у архіепископскихъ, монастырскихъ, новокрещенскихъ, татарскихъ, чувашскихъ селъ, деревень, починковъ и пустошей и въ бортныхъ ухожьяхъ, опричь бортного деревья и холосцовъ (порозжихъ деревьевъ), которые впредь въ бортнѣ пригодятся [1]).

Такое отношеніе къ бортничеству вполнѣ понятно. Бортничество искони было важнымъ промысломъ, не только инородцевъ, но и русскихъ, жившихъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Русь издревле была богата медомъ; изъ него еще древніе славяне варили себѣ веселящіе напитки и угощали другъ друга медомъ сыченымъ. Водка у насъ сдѣлалась извѣстной лишь съ XVI в. Затѣмъ правительство, запретивъ медовареніе, сдѣлало кабаки источникомъ своихъ доходовъ. Началась эксплоатація кабака и правительство предложило «питуховъ отъ кабаковъ не отгонять» [2]). Во владѣніяхъ церковныхъ учрежденій вообще, Казанскаго края въ частности, кабаковъ не было: имъ не давались села и мѣста, гдѣ стояли царскіе «кабаки». Въ 109 (1601) году, при царѣ Борисѣ, по челобитью посацкихъ людей у казанскаго архіерейскаго дома взята подъ посадъ Забулацкая слобода, въ которой было 164 двора. Посадскимъ людямъ за слободу велѣно платить митрополиту по 52 рубля съ полтиною и по 41 пуду хмѣлю ежегодно. Посацкіе люди сначала уплатили деньги изъ земскаго ларца, а затѣмъ перестали платить. Въ замѣнъ взятой слободы, по предложенію царя найти себѣ села, казанскій м. Матѳей въ 1623 году попросилъ, между прочимъ, дворцовое село Трехсвятское —Елабуга тоже. Но митрополиту было отказано. Главнымъ поводомъ и причиной отказать послужило то, что «въ томъ селѣ кабакъ» [3]). Примѣръ нѣсколько поздній; но въ писцовыхъ книгахъ и всякихъ грамотахъ вотчинновладѣльческаго характера, относящихся къ церковнымъ учрежденіямъ, мы ни за какое время не встрѣчали кабаковъ на казанскихъ церковныхъ земляхъ. Церковь всегда была противницей кабаковъ, за то охраняла и поощряла пчеловодство. Бортныя ухожья были очень желательными пожалованьями для церковныхъ учрежденій—монастырей и архіерейскихъ домовъ. Казанскій архіерейскій домъ, со времени учрежденія епархіи, имѣлъ самыя богатыя бортныя ухожья близъ Казани. Первому Казанскому архіепископу Гурію съ его штатомъ по росписи жалованья 1555 года назначалось 500 пудовъ меду, и предлагалось звать къ себѣ почасту новокрещеновъ ясти,—поить ихъ у себя за столомъ квасами, а послѣ стола посылать ихъ *«поити медомъ на загородный дворъ»*. Свіяжскому архимандриту Герману велѣно давать 200 пудовъ меду, архимандриту Варсанофію 6 пудовъ воску [4]). Нѣтъ надобности прибавлять, что все это громадное количество меду расчитано

---

[1]) Списокъ съ писц. кн. 1566—1568 гг. по городу Казани съ уѣздомъ. Казань, 1877 г., стр. 54.

[2]) Русская Мысль 1899 г. іюнь, стр. 44, 45.

[3]) Арх. Мин. Юст. Грам. по Кол. Экон. Казан. у. № 48, общ. 6456.

[4]) Акт. Археогр. Экспед. № 241, стр. 261.

собрать во вновь присоединенномъ краѣ, а это предполагаетъ значительное развитіе тамъ бортничества. Есть основанія думать, что бортные промыслы, послѣ объединенія казанскаго края съ Россіей, остались въ рукахъ русскихъ татаръ и чувашъ. Въ богатыхъ и обширныхъ владѣніяхъ казанскаго архіерейскаго дома это было такъ.

Еще во времена св. Гурія царское жалованье медомъ соединялось съ пожалованьемъ архіерейскому дому лѣсныхъ и бортныхъ ухожій. Татары и чуваши. промышлявшіе бортничествомъ въ домовыхъ архіерейскихъ владѣніяхъ близъ Казани, платили архіепископу Герману съ бортныхъ ухожьевъ натуральнаго оброку 27 батмановъ меду ($40\frac{1}{2}$ пудовъ). Помимо этого нѣкоторые бортники платили оброкъ деньгами. Такъ было и позже [1]. Въ 111 (1603) году. при м. Гермогенѣ лѣсъ боръ сосновой и бортный (отъ государевыхъ чувашскихъ деревень и отъ Новыхъ Кабановъ вверхъ по р. Волгѣ по Девлекеевскую деревню) по смѣтѣ тянулся на 10 верстъ, а поперекъ отъ села Тарлашей къ р. Волгѣ по смѣтѣ на 5 верстъ, а всего лѣсу за казанскимъ архіерейскимъ домомъ тогда по смѣтѣ насчитывалось въ длину на сорокъ верстъ, а въ ширину на 20 верстъ [2]). Было гдѣ водиться пчеламъ.

Въ 1623—1624 (7131—7132) годахъ писцы Иванъ Леонтьевичъ Скобельцынъ и подъячій Яковъ Власьевъ писали и мѣрили земли и угодья, принадлежавшія казанскому архіерейскому дому. Въ спискѣ съ ихъ книги, хранящемся въ Москов. Главн. Арх. Мин. Юстиціи № 6440 по Казани, названы всѣ бортники-татары, промышлявшіе въ архіерейскихъ угодьяхъ и платившіе оброкъ натурой и деньгами казанскому митрополиту. Вотъ списокъ ихъ.

«Да Митрополиту жъ даютъ Государевы деревни татаровя верховаго оброку медвянаго и его митрополичьи татаровя Тулай Крымчеевъ, Толсара Урусаевъ, Карабай Баранчинъ, Акбулатъ Бурнашевъ, Тулубай Абызовъ сказали: вотчина де ихъ бортной ухожей отъ верхнія Карташевскія дороги по старое по Камское устье и ниже Камскаго устья на бору и на черномъ лѣсу и на острову и на ястребѣ дѣльныхъ порозжихъ у Тулая да у Талсары сто деревъ, а оброку даютъ два батмана меду съ полупудомъ знамя Тулаево №31, знамя Тансарино №26, да у Карабая да у Янбулата дѣльныхъ и порозжихъ пятьдесятъ деревъ. а оброка даютъ полбатмана меду знамя Карабаево да Енбулатово №16.

У Тулубая дѣльныхъ и порозжихъ деревъ десять деревъ, оброку даетъ полпуда меду знамя Тулаево № 31.

Митрополичьи деревни Караевы татаровя: Токтаръ Кудашевъ, вотчина де его сверхъ Карташевскія дороги по нагорной сторонѣ по большой дорогѣ до Сингилей и Сарадакъ и деревни Табаева нижняя межа по Ястребъ

[1]) Списокъ съ писцовыхъ кн. гор. Казани и уѣзд. 1566—1568 г., стр. 75. Ср. Арх. М. Юст. Грам. Кол. Экон. № 127 (Каз. у. и общ. №6535, лл. 71 и 72).

[2]) Арх. Мин. Юст. Грам. по колл. Экон. Выпись № 132 по каз. у. 6540 общ., лл. 67—68.

островъ и по Волгѣ вверхъ боръ и черной лѣсъ дѣльныхъ порозжихъ двадцать деревъ, а оброку дастъ батманъ меду знамя Тактарово № 25.

Тоежъ деревни Кудашъ Тевкелевъ вотчина его верхняя межа противъ Гнилое болото по Тегюшской по большой дорогѣ и до Волги и до Камы и до Ястреба острова на бору и въ черномъ лѣсу и на Волгѣ дѣльныхъ порозжихъ шестьдесятъ деревъ, а оброку дастъ полбатмана меду—знамя Кудашево № 18.

Тоежъ деревни Чиникей Караевъ, вотчина де его межа та же, что и Кудашева дѣльныхъ деревъ и прозжихъ сорокъ, оброку дастъ батманъ меду знамя Чиникѣево № 39.

Тоежъ деревни Меней Безергановъ сказалъ вотчинѣ его межа тажъ, дѣльныхъ и порозжихъ сто деревъ, а оброку дастъ батманъ меду—знамя Минѣево № 22.

Тоежъ деревни Янтуба Янбулатовъ сказалъ вотчинѣ де его межа тажъ, что и Кудашевѣ, дѣльныхъ и порозжихъ тридцать деревъ, а оброку дастъ батманъ меду—знамя Енсубаево № 10.

Тоежъ деревни Енглычъ Караевъ вотчинѣ де его межа тажъ дѣльныхъ и порозжихъ двадцать деревъ оброку даетъ два батмана меду знамя Енглычево № 11.

Тоежъ деревни Тонатаръ Собакинъ, вотчинѣ де его межа таже дѣльныхъ порозжихъ пятнадцать деревъ, а оброку даетъ батманъ меду знамя Тонатарово № 29.

Тоежъ деревни Досай Какинъ, вотчинѣ де его межа тажъ дѣльныхъ и порозжихъ двадцать деревъ, а оброку даетъ батманъ меду знамя Досаево № 9.

Тоежъ деревни Кайперда да Камай Дербышевы, вотчинѣ де ихъ межа тажъ, дѣльныхъ и порозжихъ тридцать деревъ, а оброку даютъ три батмана меду—знамя Кайпердино № 13—знамя Камаево № 15.

Тоежъ деревни Байгора Сатымовъ, вотчинѣ его межа тажъ, дѣльныхъ и порозжихъ пятнадцать деревъ, а оброку даетъ батманъ меду—знамя Байгарозино № 3.

Тоежъ деревни Янтимиръ Безергановъ прозвище дядя, вотчинѣ де его межа тажъ, дѣльныхъ и порозжихъ двадцать деревъ, а оброку даетъ батманъ меду—знамя Янтимирово № 45.

Тоежъ деревни Бекбулатъ Бектемировъ вотчинѣ де его межа тажъ дѣльныхъ и порозжихъ десять деревъ, оброку даетъ полбатмана меду—знамя Бекбулатово № 6.

Тоежъ деревни Узденъ Сарымовъ вотчинѣ де его межа тажъ дѣльныхъ и порозжихъ пятнадцать деревъ, а оброку платитъ батманъ меду—знамя Узденево № 32.

Тоежъ деревни Сарбулатъ Сарауловъ, вотчинѣ его межа тажъ, дѣльныхъ и порозжихъ тридцать деревъ, а оброку даетъ два батмана меду съ четью—знамя Сарбулатово № 23.

Тоежъ деревни Карачъ Крымсымовъ вотчинѣ де его межа верхняя отъ рѣки Коксы да до Карташевы деревни въ черномъ лѣсу и до Каирби и до Сокуркадышъ и до Чарлаковъ дѣльныхъ и порожжихъ сорокъ деревъ, а оброку даетъ три батмана меду—знамя Карачево № 17.

Тосжъ деревни Янбай Карачинъ вотчина де его около Караевы деревни до Середнева Кабана озера по Тенковской дорогѣ, дѣльныхъ и порозжихъ пятнадцать деревъ, а оброку даетъ полпуда меду — знамя Янбаево № 42.

Тосжъ деревни Урманчей да Тонай Колчюрины вотчинѣ де ихъ межа по Тенковской дорогѣ отъ Тенковъ вверхъ по Кабанскую по сѣнную дорогу и до Кулчуковъ и до старыхъ Кабановъ, дѣльныхъ и порозжихъ сорокъ деревъ, а оброку даютъ два батмана меду съ четью—знамя Урманчеево № 35, знамя Тонаево № 28.

Деревни Кункечъ Каперда Біюргановъ вотчина де его отъ Гнилово болота по Камское устье и по Волгѣ до Епанчина по Ногайской дорогѣ и на острову на Ястребѣ дѣльныхъ и порожжихъ тридцать деревъ, а оброку даетъ полтора батмана меду—знамя Кайпердино № 14.

Тоежъ деревни Уразнай Нагаевъ вотчинѣ де межа тажъ вмѣстѣ съ Кайпердою дѣльныхъ и поровжихъ сто деревъ, а оброку даетъ три батмана меду—знамя Уразнаево № 34.

Тоежъ деревни Тайкара Тевкелевъ, вотчинѣ де его межа тажъ, дѣльныхъ пятьдесятъ деревъ, а оброку даетъ батманъ меду, двадцать гривенокъ —знамя Тайкарово № 24.

Тоежъ деревни Янгилда Еушевъ вотчинѣ де его межа тажъ, что и Каперднной, дѣльныхъ и поровжихъ двадцать деревъ, а оброку даетъ два батмана меда знамя Янгилдино № 43.

Тосжъ деревни Тетей Тахтамышевъ вотчинѣ де его межа тажъ, что и Каперднной дѣльныхъ пятьдесятъ деревъ, оброку даетъ пять батманъ меду—знамя Тетеево № 27.

Тоежъ деревни Утемышъ Темешевъ вотчинѣ де его межа тажъ, съ Кайпердою вмѣстѣ дѣльныхъ и порозжихъ двадцать деревъ, а оброку даетъ батманъ меду—знамя Утемышево № 38.

Тоежъ деревни Маметъ Сатимовъ, межа де его вотчинѣ тажъ дѣльныхъ и порозжихъ петьдесятъ деревъ, а оброку даетъ два батмана меду—знамя Маметево № 21.

Тосжъ деревни Бурундукъ Сабакаевъ вотчинѣ де его верхняя межа отъ Гнилова болота до Карташевки по Волгѣ и по Ногайской дорогѣ и до Каирби и до Караишева дѣльныхъ и порозжихъ сто деревъ, а оброку даетъ два батмана съ четью—знамя Бурундуково № 8.

Деревни митрополичьи Караевы Янгурчей Колчуринъ вотчина де его въ Сіинскомъ лѣсу на бору да подлѣ Волги отъ Матюшина починка по Тетюшскую дорогу, а оброку даетъ полтора батмана меду—знамя Янгурчеево № 44.

Государевы деревни Новыхъ Кабанъ служилой татаринъ Тотай Янбаевъ въ вотчинѣ Митрополичьѣ хожу (сказалъ?) отъ Середнева Кабана озера отъ Грязнова ручья по Салмацкую дорогу до троихъ кабановъ отъ города ѣдучи на право и до Волги и до мѣшенскаго устья сто деревъ дѣльныхъ, а оброку даетъ полъ-трети батмана меду да денегъ восемь алтынъ двѣ деньги —знамя Тотаево № 30.

Митрополичьи деревни Татаровя деревни Кабановъ Андербышъ Амелековъ, дѣльныхъ триста деревъ, а оброку даетъ три батмана меду да восемь алтынъ двѣ деньи—знамя Андербышево № 1.

Митрополичьи же деревни Селикъ Кабана Исей Шесмаилевъ сказалъ дѣльныхъ пятьдесятъ деревъ, а оброку даетъ батманъ меду да денегъ пять алтынъ двѣ деньги—знамя Иссево № 12.

Тоежъ деревни Бичура Янгучевъ дѣльныхъ деревъ сказалъ сто, а оброку даетъ батманъ меду да восемь алтынъ двѣ деньги—знамя Бичураево № 7.

Тоежъ деревни Батракъ Теребердѣевъ, хожу де вновь въ вотчинѣ, а еще деревъ я не дѣлывалъ, а оброку даю батманъ меду пять алтынъ четыре деньги—знамя Батраково № 5.

Тоежъ деревни Курмагозя Савинъ, дѣльныхъ де сто пятьдесятъ деревъ, а оброку даетъ батманъ меду—знамя Курмагозино № 19.

Тоежъ деревни Чирючей Янгурчеевъ дѣльныхъ де у меня сорокъ деревъ, а оброку даетъ полъ-батмана меду—знамя Чирючѣево № 40.

Тоежъ деревни Бабахта Бакшандинъ, дѣльныхъ сорокъ деревъ, а оброку даетъ полъ-батмана меду—знамя Бабахтино № 2.

Митрополичьи деревни Караншевы Утешъ Кобяковъ съ братомъ съ Уракаемъ ходимъ де мы по вотчинѣ по Волгѣ отъ Казанскаго устья и по обѣ стороны рѣки Меши и до Кулчуковъ Татарскихъ, а дѣльныхъ двѣсти деревъ, а оброку даемъ пять батманъ меду—знамя ихъ № 37.

Тоежъ деревни Уразла Арыковъ съ братомъ съ Сеюшемъ дѣльныхъ сто деревъ, а оброка даютъ три батмана меду—знамя ихъ № 33.

Тоежъ деревни Болтай, да Макшай Дербышевы да Усекъ Кулункѣевъ Янбулатъ Янблевъ сказали вопче дѣльныхъ ихъ пустыхъ сто пятьдесятъ деревъ, а оброку даютъ по два батмана меду, да они жъ даютъ двѣнадцать алтынъ денегъ—знамя Балтаево № 4, знамя Макшино № 20, знамя Усекѣево № 36, знамя Янбулатово № 41.

Изъ приведеннаго списка видно, гдѣ были бортныя ухожья Казанскаго архіерейскаго дома и на какихъ условіяхъ промышляли въ нихъ бортники. Пространство, на которомъ стояли дѣльныя и порозжія деревья, было очень обширно. Отъ Казани оно доходило до стараго Камскаго устья и раскидывалось въ лѣсахъ по рр. Волгѣ, Камѣ, Казанкѣ, Мѣшѣ и озерамъ Кабанамъ. Тамъ промышляли татары государевой деревни (Сабуголи?) и митрополичьихъ деревень: Караевы, Кункеча, троихъ Кабановъ: Новыхъ Кабановъ, Кабановъ, Селикъ-Кабана и деревни Караншевы. Одни бортники уже имѣли деревья, а другіе, пользуясь правомъ отыскивать дѣльныя и порозжія бортныя деревья, ходили и искали ихъ, а когда находили, накладывали свои тамги или знамена. Каждый бортникъ, какъ видно изъ списка, имѣлъ свое особое знамя[1]). Знамена или знаки на бортныхъ деревьяхъ не что иное, какъ знаки собственности, служившіе вмѣсто печатей или подписей[2]). Бортники въ писцовыхъ

[1]) См. ниже таблицу знаменъ, скопированную и составленную Н. О. Катановымъ.

[2]) Подробнѣе о тамгахъ или знакахъ собственности см. Археологическій очеркъ Е. Т. Соловьева. Казань, 1885 года.

1. 2. 3. 4. 5.

6. 7. 8. 9. 10.

11. 12. 13. 14. 15.

16. 17. 18. 19. 20.

21. 22. 23. 24. 25.

26. 27. 28. 29. 30.

31. 32. 33. 34. 35. 36.

37. 38. 39. 40.

41. 42. 43. 44. 45.

Литогр. Имп. Унив.

Чертилъ Н. Катановъ.

книгахъ не писались на ряду съ крестьянами, сидѣвшими на тяглыхъ земляхъ, такъ что они представляли изъ себя какъ бы особый классъ тяглового сословія.

По писцовымъ книгамъ 1623—1624 гг. въ домовыхъ угодьяхъ написано было 2330 бортныхъ татарскихъ деревъ, оброку съ нихъ собиралось въ годъ по 1 руб. 14 алт. и 4 ден., а меду по 67 батм. и 35 ф. По капризы вешнихъ водъ рр. Волги, Камы съ ихъ песчаными берегами и низкія мѣста, гдѣ росли лѣса съ бортными дѣльными и пустыми деревьями, много причиняли вреда бортникамъ и бортничеству. Послѣ писцовъ 132 и 133 г. (т. е. 1623—1624 гг.) въ поемныхъ мѣстахъ, которыя заливались вешней волжской и камской водой (въ урочищахъ, между Волгои и рѣчкой Грязнухой отъ Камскаго устья вверхъ до боровые стрѣлки, изъ боровые стрѣлки и Волошки и Язовой рѣчки Карташихи чрезъ вершину рѣчки Грязнухи до Кабылья озера и истока, который изъ Кабылья озера впалъ въ рѣчку Карташиху и на Ястребѣ островѣ) многія бортныя дѣльныя и недѣльныя деревья вымыло и замстало пескомъ. Ухожья запустѣли; оброкъ медомъ и деньгами съ нихъ пересталъ поступать въ архіерейскую каѳедральную казну. Къ концу XVII вѣка мѣста, гдѣ стояли «недѣльныя» деревья и росъ кустарникъ, домовые архіерейскіе крестьяне распахали себѣ подъ сѣнокосъ. Такъ писалъ м. Маркеллъ въ 1697 году, когда шло дѣло о припискѣ къ архіерейскому дому Сармачской пустоши [1].

Въ XVIII вѣкѣ бортничество, видимо, ослабѣло въ вотчинахъ казанскаго архіерейскаго дома, такъ что собственнаго меду уже не доставало на домовыя нужды. По крайней мѣрѣ 9 декабря 1706 года про домовый питейный расходъ куплено было меду сырцу 13 батмановъ, по рублю за батманъ, у крестьянина домовой вотчины деревни Арахчины Ивана Земляного [2]. Въ приходныхъ записяхъ казанскаго архіерейскаго дома въ XVIII в. мы уже не видимъ оброчныхъ записей съ бортниковъ и поступленій отъ нихъ меду въ каѳедральную казну. Со времени Петра бортныя ухожья сдѣлались государственной оброчной статьей и тогдашнее правительство, видимо, не считало нужнымъ поддерживать натуральное хозяйство и естественный промыселъ въ формѣ бортничества. Винокуренные заводы и кабаки наконецъ вышли полными побѣдителями надъ пчелой работницей и пчельникомъ съ сѣдымъ пчелинцемъ.

Н. Покровскій.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. по Колл. Экон. грам. № $^{808}/_{6610}$, л.л. 2—3. Ср. Грам. $^{7206}/_{1697}$ года, ноября 30 дня по Каз. у.

[2]) Арх. Мин. Юст. Прих.—расх. кн. м. Тихона 1706 года, по Арх. Патр. Каз. Прик. № 198.

Къ свѣдѣніямъ о древнемъ поселеніи близъ с. Укречь (Лаишевскаго уѣзда).

Г. М. Покровскій указалъ редакціи на слѣдующее мѣсто копіи со списка писцовой книги 7074, 75 и 76 годовъ по Казани и Казанскому уѣзду [1]:

«За бессономъ за олександровымъ сыномъ волкова отделено ему по его челобитью порожне земли пустоши укреча на реке на меше у старого татарского острогу у болшего кургана подле хотеновы нармоцкого поместныя земли дрвни киадишевские пашни перелогомъ тридцат две четверти в поле а вдву потомуж.....»

Упоминаются здѣсь несомнѣнно окрестности села Укречь или Рождествена [2]; именно въ этой мѣстности находится не разъ описанный высокій курганъ на берегу Меши, а многія близкія селенія (Астраханка, Нармонка) дѣйствительно принадлежали въ XVIII ст. извѣстнымъ Нармацкимъ [3].

Сообщенія объ укречскихъ древностяхъ [4]) не указывали точно, какого рода поселеніе было близъ кургана. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1866—67 г. Якобіемъ, «окрестные жители не запомнятъ никогда никакого поселенія»; по Стоянову (1870) близъ кургана существовала татарская деревня, большая часть жителей которой переселилась въ Уфимскую губернію; по г-ну Яковлеву «утверждаютъ, что давно когда то здѣсь жили татары». Приведенная выдержка даетъ документальное указаніе на «старый татарскій острогъ».

---

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи. Ркп. F° № 646, листъ 246.

[2]) У нѣкоторыхъ авторовъ село названо «Рождественскимъ», что не согласуется какъ съ оффиціальнымъ его наименованіемъ («Списокъ населенныхъ мѣстъ» 1866 г.; карта, изданная Г. Штабомъ), такъ и обиходнымъ имсиемъ.

[3]) Нармоцкіе, Нармацкіе, Нормантскіе—одна и та же фамилія. Д. А. Корсаковъ, «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.», 52.

[4]) Н. А. Головкинскій, «Древніе остатки человѣка въ Казанской губ.» Труды I Съѣзда Естествоиспытателей, 31—32. Проф. Якобій въ Трудахъ I Археолог. Съѣзда, I, LXXXIII (съ приложеніемъ плана и профиля). А. Н. Стояновъ, «Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ». Прилож. къ протоколу 23 засѣданія Общ. Естествоиспытателей (1871). «Замѣтки о городищахъ, курганахъ... въ Казанской губ.» Казань. 1871, стр. 18. Сводъ предыдущаго у С. М. Шпилевскаго: «Древніе города», 394. Г. Яковлевъ, «Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣстности». Изв. Общ. Археол., Ист. и Этн., т. X, в. 4, 452—455. И. А. Износковъ, «Списокъ населенныхъ мѣстъ. Лаишевскій уѣздъ», вып. I, 45—47.

В) ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Чувашинъ-этнографъ Спиридонъ Михайловичъ Михайловъ.

(Къ исторіи мѣстной этнографіи).

Оффиціальное званіе Спиридона Михайловича Михайлова было «переводчикъ Козьмодемьянскаго Земскаго Суда»; въ этомъ званіи онъ былъ утвержденъ въ свое время Казанскимъ Губернскимъ Правленіемъ. На литературное поприще С. М. Михайловъ выступилъ, сколько мнѣ извѣстно, въ 1852 году, съ «Повѣстью о пребываніи въ городѣ Козьмодемьянскѣ Государя Императора Павла Петровича», напечатанною въ «Казанскихъ губ. вѣдом.» въ № 2-мъ за 1852 годъ. Одобренный редакторомъ «Вѣдомостей», бывшимъ профессоромъ университета А. И. Артемьевымъ, С. М. Михайловъ всецѣло предался изученію родного ему Козьмодемьянскаго уѣзда въ разныхъ отношеніяхъ, результатомъ чего и явился рядъ его очерковъ, напечатанныхъ, главнымъ образомъ, въ «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». (Родился С. М. Михайловъ въ чувашской деревнѣ Кубасъ, Козьмодемьянскаго уѣзда, состоявшей въ приходѣ села Чемеева, Ядринскаго уѣзда, а нынѣ—села Юньги-Ядриной, Козьмодемьянскаго уѣзда). Литературная дѣятельность С. М. Михайлова доставила ему впослѣдствіи званіе члена-корреспондента Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, коимъ онъ удостоенъ былъ за географическо-этнографическіе труды серебряной медали. Начальная литературная дѣятельность С. М. Михайлова охарактеризована въ № 12-мъ «Каз. губ. вѣд.» за 1854 годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Замѣтка», принадлежащей редактору «Вѣдомостей» А. И. Артемьеву [1]. Вполнѣ сочувственно къ литературнымъ трудамъ С. М. Михайлова относился и другой редакторъ «Каз. губ. вѣд.», извѣстный профессоръ-оріенталистъ И. Н. Березинъ, сдѣлавшій подъ очерками С. М. Михайлова нѣсколько выносокъ съ лингвистическими объясненіями.

Если не ошибаюсь, С. М. Михайловъ въ концѣ своей недолгой жизни сотрудничалъ въ изданіи московскаго профессора-историка М. П. Погодина «Москвитянинъ» и въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.»

Нѣкоторые изъ этнографическихъ очерковъ С. М. Михайлова были въ свое время перепечатаны изъ «Каз. губ. вѣд.» въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ видно изъ письма ко мнѣ К. С. Рябинскаго, между прочимъ, «Свадьбы горныхъ черемисъ Казанской губерніи»—въ №№ 213 и 220-мъ «Русскаго Инвалида» за 1854 годъ.

---

[1]) Содержаніе этой «Замѣтки» А. И. Артемьевымъ воспроизведено въ предисловіи къ обработанному имъ «Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи» (издано Центральнымъ Статистич. Комитетомъ Мин. Внутр. Дѣлъ) Спб. 1866 г., стр. LXIV—LXV.

Свои литературные труды С. М. Михайловъ надѣялся выпустить особымъ изданіемъ еще при своей жизни и съ этою цѣлью, послѣ безуспѣшныхъ сношеній съ А. И. Артемьевымъ, И. И. Березинымъ и М. П. Погодинымъ, препроводилъ всѣ свои очерки, съ приложеніемъ объемистой рукописной автобіографіи, къ московскому милліонеру В. А. Кокореву (бывшій Козьмодемьянскій винный откупщикъ); но появленія ихъ въ свѣтъ особымъ изданіемъ не дождался, безвременно скончавшись въ г. Козьмодемьянскѣ въ концѣ 1861 года. Обо всемъ этомъ мнѣ устно сообщилъ въ 1867 году проживавшій въ г. Козьмодемьянскѣ заштатный священникъ села Ишакъ В. П. Громовъ, состоявшій въ близкихъ отношеніяхъ съ С. М. Михайловымъ изъ-за обоюдныхъ научныхъ трудовъ (о. Громовъ занимался главнымъ образомъ метеорологическими наблюденіями и былъ не чуждъ, какъ сказано будетъ ниже, этнографическихъ работъ).

Въ видахъ расположить В. А. Кокорева издать труды С. М. Михайлова, особенно же опубликовать его «автобіографію», я помѣстилъ въ «Справочномъ листкѣ г. Казани», издававшемся въ 1867 году подъ редакціей профессора С. М. Шпилевскаго, въ №№ 103 и 120 двѣ замѣтки, подъ заглавіемъ: 1) «Спиридонъ Михайловичъ Михайловъ» и 2) «Къ статьѣ: Спиридонъ Михайловичъ Михайловъ», но отклика съ чьей либо стороны не вызвалъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ я собралъ нѣсколько біографическихъ данныхъ о С. М. Михайловѣ и передалъ ихъ Н. Я. Агаѳонову. Тогда же я передалъ ему и нѣсколько черновыхъ рукописей С. М. Михайлова, полученныхъ мною отъ бывшаго инспектора народныхъ училищъ въ Козьмодемьянскѣ П. И. Бѣляева. Въ числѣ этихъ бумагъ оказалась рукопись подъ заглавіемъ «Чувашскіе разговоры и сказки», написанная хорошо мнѣ извѣстной рукой упомянутаго выше священника В. П. Громова, о которой онъ лично мнѣ сообщилъ еще въ 1867 году, что она составлена имъ, а не С. М. Михайловымъ [1]). Напечатана она въ №№ 10—13, 15—20, 22, 24—25, 27 и 29 «Каз. губ. вѣд.» за 1853 годъ безъ подписи автора; отдѣльный же оттискъ ея выпущенъ съ добавленіемъ къ ней очерка С. М. Михайлова «Краткое этнографическое описаніе чувашъ», напечатаннаго въ «Губернскихъ вѣдомостяхъ» съ подписью автора: «Переводчикъ Земскаго Суда С. Михайловъ», въ перечисленныхъ выше №№, причемъ заглавіе «оттиску» дано по статьѣ о. Громова, а имя автора ошибочно выставлено: «С. Михайлова», что теперь вводитъ изслѣдователей въ крайне существенное заблужденіе. Такъ, напр., академикъ А. Куникъ въ своемъ розысканіи «О родствѣ Хагано-Болгаръ съ чувашами» (Записки Академіи Наукъ, т. XXXII) счелъ нужнымъ высказать особую похвалу мнимому автору «Чувашскихъ разговоровъ и сказокъ», чувашину С. М. Михайлову за отличное знаніе чувашскаго языка, тогда какъ «Чувашскіе разговоры и сказки» русскимъ авторомъ ихъ, священникомъ—повторяю—В. П. Громовымъ, знавшимъ чувашскій языкъ лишь

[1]) «Къ статьѣ: Спиридонъ Михайловичъ Михайловъ». Справ. лист. г. Казани. 1867 г. № 120.

лексически, но не грамматически, изложены чисто русскимъ складомъ рѣчи, съ замѣной лишь русскихъ словъ чувашскими. Доказательства неправильной конструкціи чувашской рѣчи въ сочиненіяхъ В. П. Громова я имѣлъ случаи привести въ моихъ «Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры», въ выноскѣ на стр. 237—238.

Если не ошибаюсь, самому С. М. Михайлову на родномъ ему чувашскомъ языкѣ принадлежитъ лишь переводъ на чувашскій языкъ «Узаконеній о солдатскихъ дѣтяхъ», напечатанный параллельно съ русскимъ текстомъ, въ формѣ объявленія, на листѣ сѣрой писчей бумаги, безъ имени переводчика и безъ обозначенія мѣста и года печати, и оказавшійся въ числѣ черновыхъ его бумагъ.

Изъ бумагъ С. М. Михайлова, между прочимъ, видно, что онъ составилъ объемистое (не помню, на 40 или 80 листахъ) «географическо-статистическое описаніе Козьмодемьянскаго уѣзда» для автора книги: «Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Казанская губернія. Составилъ М. Лаптевъ. СПБ. 1861 г.». Самъ авторъ этой книги, г. Лаптевъ, имени С. М. Михайлова однакожъ почему то нигдѣ не упоминаетъ въ своей книгѣ и печатныхъ его трудовъ не цитируетъ, кромѣ описанія свадебъ горныхъ черемисъ на стр. 255, безъ указанія имени автора, хотя въ очеркѣ «Чуваши» дословно выписалъ, на стр. 246, между прочимъ, изъ «Краткаго этнографическаго описанія чувашъ» С. М. Михайлова описаніе праздниковъ: 1) Тора тыр'-жинъ (у Лаптева: «Торажинъ») чуклесъ—молить Бога за хлѣбъ (новоурожайный), 2) Сорыхъ-оры (у Лаптева: ...«дры»)—овечья нога, 3) Сю арня—масляница, и 4) игры въ «лычки». Поэтому, можно, кажется, думать, что г. Лаптевъ едвали былъ лично знакомъ съ С. М. Михайловымъ и если получилъ отъ него упомянутую его рукопись, то едва ли не чрезъ его принципала, Козьмодемьянскаго земскаго исправника, при которомъ С. М. Михайловъ состоялъ по вольному найму письмоводителемъ, а по просту—разсыльнымъ.

Съ однимъ изъ географическихъ очерковъ С. М. Михайлова (заглавія не помню), напечатаннымъ съ его подписью въ «Каз. губ. вѣд.», если не ошибаюсь, въ 1852 году, произошелъ и такой казусъ: черезъ 10 лѣтъ послѣ его напечатанія онъ вторично явился въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» въ 1862 году, по смерти уже С. М. Михайлова, безъ малѣйшихъ измѣненій, какъ я лично убѣдился чрезъ сличеніе, но уже за подписью: «А. Андреевъ»—покойный учитель бывшаго Козьмодемьянскаго уѣзднаго училища [1].

Осенью 1894 года я сдѣлалъ и еще попытку пригласить къ изданію трудовъ С. М. Михайлова Козьмодемьянское уѣздное земство, но также безуспѣшно. Поводомъ на этотъ разъ для меня послужило прочитанное въ «Казанскомъ Телеграфѣ» постановленіе Казанскаго губернскаго земства «объ израсходованіи до 200 рублей на постановку памятника на московскомъ

---

[1]) Къ столѣтію Козмодемьянскаго городскаго училища. Историческая записка объ училищѣ. 1791—1890. Составилъ учитель—инспекторъ училища К. Рябинскій. Казань. 1891. стр. 64—65.

почтовомъ трактѣ въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ у подгнившаго дуба, посаженнаго, по преданію, Императоромъ Петромъ Великимъ» (?!). Въ опроверженіе этого преданія я отправилъ на имя г. редактора «Казанскаго Телеграфа» письмо съ двумя заглавіями: 1) «Царскій дубъ» въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ и 2) «Чувашинъ С. М. Михайловъ» (см. № 583 «Казанскаго Телеграфа» отъ 12 января 1895 г.), въ которомъ, кромѣ библіографическихъ указаній о томъ, что у «царскаго дуба» въ 1798 году останавливался Императоръ Павелъ I-й, а не Петръ Великій, который сухопутно въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ никогда не былъ, я выразилъ Козьмодемьянскому земству желаніе почтить память своего перваго историка, географа и этнографа С. М. Михайлова изданіемъ его печатныхъ трудовъ.

Членъ-сотрудникъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи К. С Рябинскій, разыскивая въ г. Козьмодемьянскѣ матеріалы для біографіи своего предмѣстника по метеорологическимъ наблюденіямъ, упомянутаго выше священника-этнографа В. П. Громова, отыскалъ 19 отдѣльныхъ оттисковъ статей С. М. Михайлова. Пересмотрѣвъ сообщенный имъ мнѣ списокъ заглавій оттисковъ, я припомнилъ еще четыре статьи С. М. Михайлова, изъ числа напечатанныхъ въ «Каз. губ. вѣд.», заглавія которыхъ въ спискѣ К. С. Рябинскаго не значились, о чемъ въ свое время и извѣстилъ К. С. Рябинскаго.

Въ предисловіи къ составленному мною «Указателю къ историческимъ и юридическимъ актамъ, собраннымъ С. Е. Мельниковымъ» я перечислилъ извѣстныхъ мнѣ лицъ, которыми попадавшіе имъ въ руки «свитки» старинныхъ рукописныхъ грамотъ подлинникомъ отправлены были, между прочимъ, въ Императорское Русское Географическое Общество; въ число этихъ лицъ мной включенъ и С. М. Михайловъ. Относительно «свитковъ», доставленныхъ въ Географическое Общество, было бы крайне желательно, чтобы Общ Арх., Ист. и Этнографіи поручило кому либо изъ членовъ своихъ, проживающихъ въ С.-Петербургѣ, навести въ Географическомъ Обществѣ о положеніи ихъ справку и, съ разрѣшенія Географическаго Общества, снять съ нихъ копіи, если Географическое Общество не найдетъ возможнымъ уступить подлинные свитки.

Мнѣ представляется, если Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи возьметъ на себя инициативу и редакцію изданія сборниковъ, напечатанныхъ въ «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ»: 1) грамотъ и другихъ историческихъ актовъ, 2) археолого-историческихъ, географическо-статистическихъ и этнографическихъ очерковъ и замѣтокъ, и 3) трудовъ, въ частности, С. М. Михайлова, то денежныя средства на изданіе этихъ сборниковъ, можетъ быть, окажутся въ самой редакціи «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей»; или же, по рекомендаціи Общества, изданіе сборниковъ возьметъ на себя кто либо изъ казанскихъ книгопродавцевъ, по примѣру своихъ предшественниковъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ.

Отъ разысканія и списыванія копій статей для указываемыхъ сборниковъ, несомнѣнно, не откажутся проживающіе въ г. Казани члены-сотрудники Общества.

В. Магницкій.

Хроника.

Чердынскій музей древностей.

Пермская губернія довольно богата собраніями древностей—изъ частныхъ извѣстна богатѣйшая коллекція г. Теплоухова, въ селѣ Ильинскомъ, изъ общественныхъ—коллекціи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ и Пермской Ученой Архивной Коммиссіи. Число послѣднихъ должно пополниться въ недалекомъ будущемъ еще однимъ —Чердынскимъ музеемъ древностей. Оффиціально такого музея еще не существуетъ—уставъ его еще только вырабатывается—но фактически онъ функціонируетъ, сосредоточивая въ себѣ остатки мѣстной старины, почему мы считаемъ умѣстнымъ теперь же посвятить ему нѣсколько словъ.

Музей древностей въ Чердыни обязанъ своимъ возникновеніемъ стараніямъ энергичнаго предсѣдателя мѣстной земской управы Д. А. Удинцева, человѣка, сильно преданнаго интересамъ археологіи и успѣвшаго, несмотря на свое короткое пребываніе въ Чердыни, поставить идею о музеѣ на почву практическаго осуществленія. Идея эта, какъ сказано, только что начала воплощаться, но дѣло на этомъ, несомнѣнно, не остановится, такъ какъ на лицо всѣ условія для его процвѣтанія.

Чердынскій край—это край съ богатымъ историческимъ прошлымъ, уходящимъ въ даль цѣлыхъ десятковъ вѣковъ. Здѣсь несомнѣнны слѣды пребыванія человѣка въ каменный и бронзовый періоды; далѣе идетъ долгій и во многомъ еще неразъясненный періодъ владычества въ странѣ чуди. Чердынскій уѣздъ, можно сказать, сплошь покрытъ могильниками и городищами, обыкновенно приписываемыми «чудакамъ»—такъ называются у современныхъ обывателей насельники чудского періода. Въ каждой почти деревнѣ Чердынскаго края Вы найдете «чечки»—дѣтскія игрушки, которыми служатъ предметы чудской эпохи! Однимъ словомъ, изученіе края въ археологическомъ отношеніи только что начинается. Между тѣмъ предметы старины, во множествѣ находимые крестьянами при сельскихъ работахъ, исчезаютъ изъ края благодаря скупщикамъ, спеціально разъѣзжающимъ съ этою цѣлью по селеніямъ, а также лицамъ, составляющимъ себѣ коллекціи, вѣроятно, съ

цѣлью сбыта. Чердынскій музей можетъ оказать большую услугу спасенію предметовъ древности, сосредоточивая ихъ въ себѣ, особенно если оцѣнять его значеніе и придутъ къ нему на помощь гг. представители народной школы, дѣйствующіе на мѣстахъ, гдѣ совершаются находки этихъ предметовъ.

Чердынскій музей древностей составляетъ особый, самостоятельный отдѣлъ при общеобразовательномъ музеѣ, открываемомъ Чердынской Уѣздной Земской Управой. Въ археологическій отдѣлъ музея вошли пока главнымъ образомъ вещи изъ извѣстнаго Аниковскаго могильника, находящагося въ 20 верстахъ отъ Чердыни, добытыя оттуда раскопками самого г. Удинцева. Кромѣ непосредственнаго доставленія вещей лицами, близко стоящими къ музею, археологическая коллекція его пополняется покупками. Этимъ способомъ собрано значительное количество шейныхъ гривенъ изъ серебра. Особенно интересно послѣднее поступленіе въ эту группу—массивный (около 1¼ ф.) серебряный жгутъ съ четырехгранными застежками по концамъ, открытый крестьяниномъ изъ д. Большое Поле, Ныробской волости, во время работъ на огородѣ; предметъ, тождественный съ описываемымъ, изданъ покойнымъ С. В. Ечевскимъ въ Пермскомъ Сборникѣ, кн. II (изъ коллекціи Лазаревскаго Института, теперь утраченный безслѣдно).

Въ отдѣлѣ палеографическомъ—различныя грамоты, выписи, юридическіе документы; любопытная пропись, затѣйливо расписанная какимъ-то досужимъ подъячимъ, относится, какъ видно изъ послѣсловія, ко времени Петра В. Главное же украшеніе и цѣнность разсматриваемаго отдѣла—синодикъ Богословской церкви г. Чердыни.

Синодикъ этотъ важенъ, какъ историческій источникъ, сохранившій въ себѣ имена 14 пермскихъ князей и княгинь XV вѣка. Къ величайшему сожалѣнію, та часть синодика—первые листы,—гдѣ были вписаны имена князей и княгинь, въ настоящее время отсутствуетъ; пропала ли она окончательно или нѣтъ—неизвѣстно, но отыскать ее было бы очень важно, несмотря на то, что данныя, въ ней заключающіяся, уже использованы историками. Найти листы со спискомъ пермскихъ князей и княгинь важно въ томъ отношеніи, что ими можетъ быть опредѣлено время, когда сталъ составляться синодикъ,—другими словами, древность самаго списка. Г. Дмитріевъ, которому принадлежитъ много трудовъ по исторіи Пермской земли, говоритъ слѣдующее относительно синодика Богословской церкви: «Я видѣлъ этотъ важный памятникъ старины въ бытность въ Чердыни въ 1883 году. Не берусь точно указать время его происхожденія, но судя по четкому, красивому уставному письму и одной хронологической датѣ на первыхъ его страницахъ, я отношу его начало къ XV вѣку»[1]. Выводъ г. Дмитріева всецѣло принятъ г. Голубцовымъ въ его спеціальной статьѣ о пермскихъ

[1]) Дмитріевъ, Пермская Старина, выпускъ I. Пермь. 1889 г., стр. 158—159.

князьяхъ; впрочемъ, г. Голубцовъ лично не видѣлъ Чердынскаго синодика[1]. Мнѣ пришлось осматривать синодикъ въ 1900 году, когда самая важная часть его оказалась исчезнувшей; поэтому матеріаломъ для сужденія о древности памятника могли служить лишь сохранившіеся листы его. Осмотръ уцѣлѣвшихъ листовъ привелъ меня къ заключенію, что эта часть болѣе поздняго происхожденія: они писаны на бумагѣ, позднимъ полууставомъ и должны быть отнесены къ XVII вѣку, быть можетъ къ самому концу его. Жаль, что г. Дмитріевъ не упомянулъ о матеріалѣ первыхъ листовъ и не указалъ точно, въ чемъ именно заключалась хронологическая дата, положенная имъ въ основаніе своего мнѣнія о древности памятника.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о Чердынскомъ синодикѣ намъ кажется еще нерѣшеннымъ окончательно и требующимъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

В. Борисовъ.

О составѣ коммиссій для разбора и уничтоженія архивныхъ дѣлъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій.

По вопросу, возбужденному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ относительно состава коммиссій для разбора и уничтоженія архивныхъ дѣлъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что коммиссіи эти должны составляться изъ представителя губернской администраціи по назначенію губернатора, изъ начальника (или его помощника) того учрежденія, дѣла котораго подлежатъ разбору и уничтоженію, и по одному изъ представителей отъ вѣдомствъ судебнаго и народнаго просвѣщенія, а также отъ ученыхъ архивныхъ коммиссій и обществъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ таковыя имѣются. («Сѣв. Курьеръ» 1900 г. № 338).

Отчетъ о реставраціи древней деревянной башни въ г. Арскѣ, Казанской губерніи.

Доложенъ въ Общемъ Собраніи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 27 октября 1900 г.).

При обсужденіи въ засѣданіи 28 сентября вопроса о реставраціи древней Арской башни, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ угодно было принять проектъ реставраціи, предложенный мною въ докладѣ объ этой башнѣ, представленномъ вниманію Общества въ началѣ настоящаго года[2]. Вмѣстѣ съ симъ Обществу угодно было возложить на меня и наблюденіе за работами по ре-

---

[1]) Голубцовъ, Князья Великопермскіе, Пермскіе и Вымскіе, 1463—1641 гг.—Труды Пермской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. I. Пермь. 1892 г., стр. 75.

[2]) Докладъ этотъ помѣщенъ въ Извѣстіяхъ Общества Арх., Ист. и Эти., т. XVI, вып. 3. стр. 292—298.

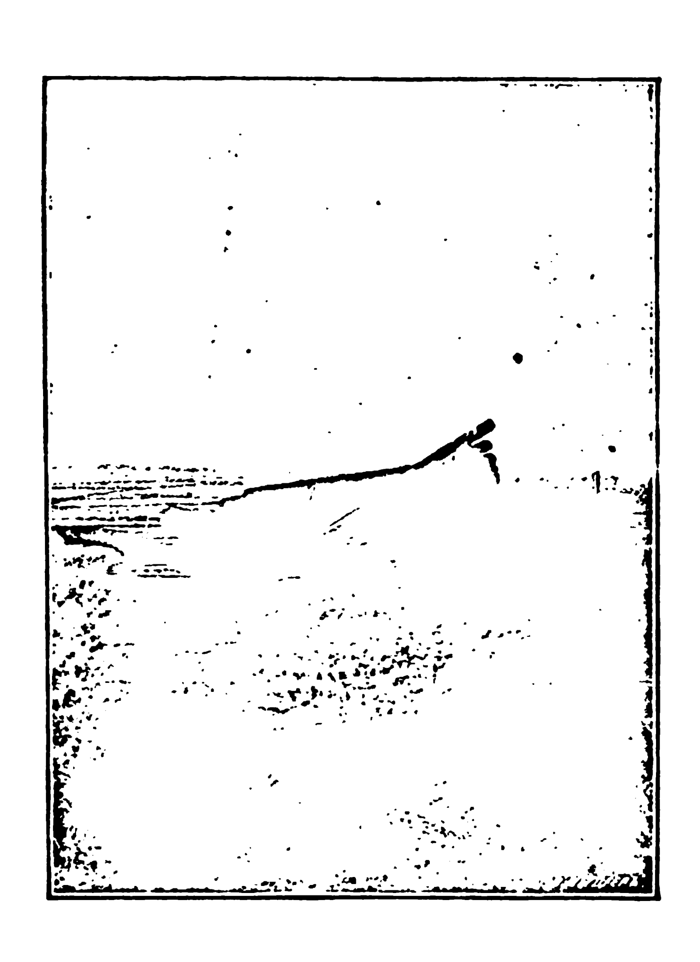
ставраціи башни. Въ настоящее время, когда реставрація окончена, и башня возстановлена, имѣю честь представить Обществу краткій отчетъ о произведенныхъ работахъ.

Арская башня до реставраціи, какъ это видно изъ прилагаемаго фотографическаго снимка, была почти безформенной грудой бревенъ среди которыхъ возвышалась только западная стѣна башни. Прежде всего надлежало разобрать перемѣшавшіяся бревна башни, такъ какъ при отдѣленіи бревенъ отъ башни они безпорядочно складывались внутрь ея; сюда же клались и подпорки, устраивавшіяся въ былое время для поддержанія башни, сгнивавшія и замѣнявшіяся новыми. Разборка бревенъ, сваленныхъ въ башнѣ, и стѣнъ послѣдней обнаружила несоотвѣтствіе количества бревенъ, приходившихся на каждую стѣну башни: всего болѣе сохранилось бревенъ отъ западной стѣны, всего менѣе—отъ восточной. Чтобы устранить это несоотвѣтствіе, съ которымъ необходимо было считаться при сборкѣ стѣнъ башни, пришлось недостачу бревенъ у восточной стѣны восполнить на счетъ избытка ихъ на западной. Указанному средству, безъ котораго обойтись не было никакой возможности, благопріятствовали одинаковые размѣры длины стѣнъ башни, почти квадратной.

По окончаніи разборки стѣнъ оказалось, что внутри ея образовался слой земли, почти на аршинъ возвышавшійся надъ окружающею поверхностью. Поэтому вторая операція состояла въ уборкѣ этого земляного столба и, вообще, въ уравненіи площадки, на которой должна была стать башня. Земляныя работы открыли подъ башней массу костей животныхъ—лошади, овцы, свиньи—и рыбъ, золу и угли; нѣкоторыя кости носятъ на себѣ слѣды огня; тутъ же были найдены обломокъ желѣзнаго ножа и часть серебряной татарской монеты.

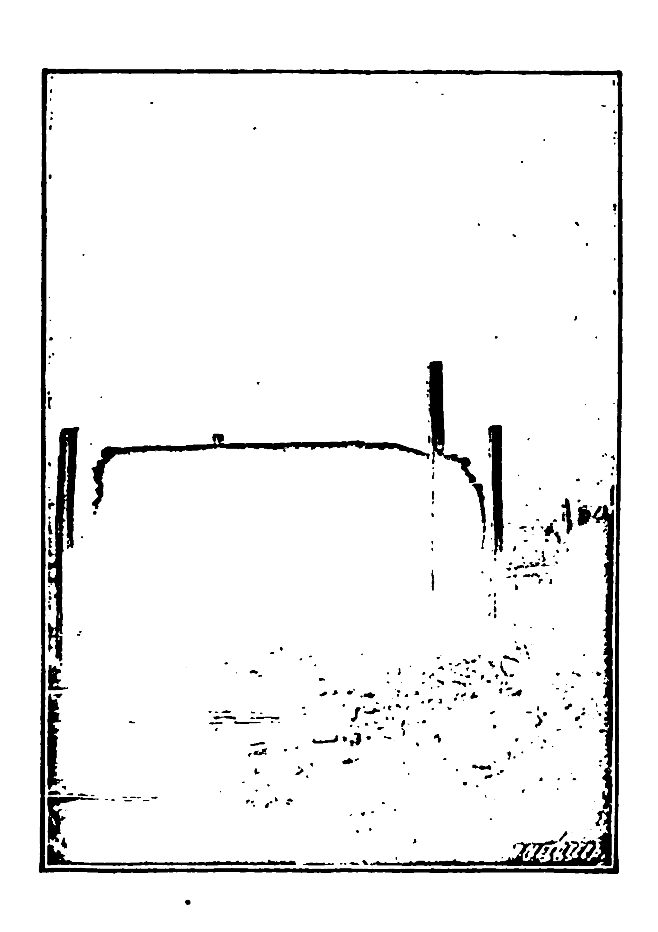
Когда площадка была выровняна, стало возможнымъ приступить къ кладкѣ стѣнъ башни. Однако, казалось нецѣлесообразнымъ класть старыя, полусгнившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бревна—прямо на землю. Съ этою цѣлью на землю былъ уложенъ одинъ рядъ новыхъ дубовыхъ бревенъ 6-вершковой толщины, и на этотъ рядъ, играющій роль фундамента, стали складываться старыя бревна башни, причемъ строго соблюдался порядокъ ихъ, въ какомъ они раньше были разложены,—имѣя въ виду оговорку, сдѣланную выше. Въ итогѣ послѣдней работы получился срубъ башни въ $15^1/_2$ рядовъ (не считая новаго ряда), т. е. восточная и западная стѣны имѣютъ теперь по 16 бревенъ, сѣверная и южная—по 15; длина стѣнъ—по $8^1/_4$ арш. каждая; высота стѣнъ—$4^3/_4$ арш., опять безъ новаго ряда. Въ восточной и сѣверной стѣнахъ имѣются входныя отверстія, въ первой размѣрами $1^1/_2$ квадр. арш., во второй—$1^1/_2 \times 1$ арш. Въ западной стѣнѣ—два ряда бойницъ: первый (выше) изъ трехъ 4-угольныхъ, изъ нихъ средняя, бóльшая, размѣрами 12×6 вершковъ; второй—изъ четырехъ круглыхъ. Въ южной стѣнѣ—три 4-угольныя бойницы такой же величины, какъ въ западной стѣнѣ, причемъ въ средней бойницѣ замѣтенъ желобокъ, устроенный, вѣроятно, въ цѣляхъ достиженія большей мѣткости при стрѣльбѣ изъ пищали.

Перечисленнымъ ограничилась собственно реставрація башни. Затѣмъ, для большей устойчивости ея на будущее время, стѣны башни скрѣплены

Арская деревянная башня

(до реставраціи).

Арская деревянная башня

(послѣ реставраціи).

извнутри девятью толстыми, такъ называемыми половыми досками, прибитыми желѣзными шпилями перпендикулярно къ бревнамъ.

Послѣдняя стадія работъ заключалась въ устройствѣ крыши надъ башней. Четырех-скатная крыша, подобная той, какая была сдѣлана по распоряженію Казанскаго губернатора Нилова, покоится на четырехъ дубовыхъ столбахъ, поставленныхъ противъ угловъ башни въ разстояніи 3 саженъ другъ отъ друга; высота столбовъ—2 сажени, толщина—6 вершковъ; вершина крыши увѣнчана флагштокомъ съ деревяннымъ шаромъ наверху, какъ было при Нииловѣ.

Въ заключеніе своего отчета, я, отдавая дань справедливости, считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе Общества на почтенную дѣятельность г. Арскаго городского старосты Н. П. Щелкина, которому башня была обязана до сихъ поръ постояннымъ вниманіемъ. Лично мнѣ г. Щелкинъ очень помогъ исполнить порученіе Общества по реставраціи башни своими предварительными распоряженіями по заготовкѣ нужныхъ матеріаловъ, приглашенію необходимаго количества рабочихъ и проч.. Позволяю себѣ высказать увѣренность, что и въ будущемъ Арская башня найдетъ себѣ въ г. Щелкинѣ ревностнаго хранителя и оберегателя отъ случайностей, могущихъ коснуться этого памятника старины нашего края.

Дѣйствительный членъ Общества В. Борисовъ.

Библіографія.

О спискѣ сочиненій кн. М. М. Щербатова.

Въ августовской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за прошлый годъ (стр. 337—364; былъ и отдѣльный оттискъ) проф. Н. Д. Чечулинъ напечаталъ весьма интересную статью подъ названіемъ «Хронологія и списокъ сочиненій кн. М. М. Щербатова. По поводу изданія его сочиненій». Можно искренно радоваться, что личность мало извѣстнаго, но весьма замѣчательнаго нашего историка и публициста XVIII вѣка начинаетъ мало по малу проясняться. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы въ началѣ второй половины истекшаго столѣтія, когда, съ наступленіемъ относительной свободы слова, въ публикѣ развился усиленный интересъ къ изученію недавняго прошлаго. Впервые обнародованные трактаты кн. М. М. Щербатова привлекали всеобщее вниманіе, но историческіе труды этого писателя по прежнему оставались въ вѣковой пыли на книжныхъ полкахъ. Только въ недавнее время проф. П. Н. Милюковъ реабилитировалъ Щербатова—историка, доказавъ, что «Исторія Государства Россійскаго» слишкомъ многимъ обязана «Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ», причемъ, конечно, вялыя, нескладныя, сухія фразы кн. Щербатова превратились въ плавные, звучные періоды Карамзина. Въ настоящее время печатается и собраніе сочиненій кн. Щербатова; можно надѣяться, что съ теченіемъ времени мы увидимъ, наконецъ, въ печати и монографію, которая дастъ намъ всестороннюю, безпристрастную оцѣнку дѣятельности знаменитаго историка - публициста. Для появленія подобной монографіи необходимы, однако, подготовительныя работы, одну изъ которыхъ мы теперь и имѣемъ въ названной уже статьѣ проф. Чечулина, нѣсколько ранѣе собравшаго матеріалъ для оцѣнки соціальнаго романа кн. Щербатова «Путешествіе въ землю Офирскую г. С. швецкаго дворянина» (см. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1900 г., № 1, стр. 115—166, статью «Русскій соціальный романъ XVIII вѣка»; былъ также отдѣльный оттискъ, выдержавшій два изданія).

Устанавливая хронологію извѣстныхъ до сихъ поръ сочиненій кн. Щербатова, проф. Чечулинъ приводитъ весьма любопытное рукописное свидѣтельство объ участіи этого писателя въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1759—1760 гг.—въ Императорской Публичной Библіотекѣ сохранилась рукописная копія статей, помѣщенныхъ начинающимъ историкомъ-публицистомъ въ первомъ по времени изъ нашихъ ежемѣсячниковъ. Рукопись прерывается приблизительно на половинѣ статьи «Изъ мнѣній, разсужденій и нравоучительныхъ наставленій г. Оксенстирна», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ (стр. 372—383) «Ежемѣсячныхъ сочиненій» за 1760 годъ. Продолжалъ ли кн. Щербатовъ свое сотрудничество въ названномъ журналѣ послѣ только что указаннаго перевода, г. Чечулинъ не говоритъ, такъ какъ источникъ его свѣдѣній по этому вопросу—рукопись Императорской Публичной Библіотеки—не имѣетъ конца. Однако въ декабрьской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» того же 1760 года (стр. 557—561) была напечатана статейка «Нравоучительныя разсужденія Графа Оксенстерна, Въ продолженіе тѣхъ, кои напечатаны въ Октябрѣ мѣсяцѣ. 6. О шляхетствѣ». Судя по этому заглавію, можно думать, что и это—переводъ кн. Щербатова. Если бы можно было ручаться, что всѣ переводы изъ Оксенштерна, помѣщенные въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», принадлежатъ одному и тому же лицу, то пришлось бы приписать кн. Щербатову и статью «О бережливости и скупости. Изъ мыслей Графа Оксенштіэрна» (1761, ноябрь, 477—480).

Въ другомъ журналѣ XVIII вѣка, «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», была помѣщена статья кн. Щербатова «О древнихъ чинахъ бывшихъ въ Россіи и о должности каждаго изъ нихъ» (III, 43 sqq.) съ полною подписью автора; митр. Евгеній («Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», II, 281) приписываетъ «многія статьи» въ этомъ журналѣ кн. Щербатову. По этому поводу г. Чечулинъ замѣчаетъ (стр. 364): «Указаніе Евгенія, что кн. Щербатову принадлежитъ «множество статей въ Опытѣ трудовъ Россійскаго Вольнаго Собранія» вполнѣ правдоподобно, но мы не можемъ пока этихъ статей выдѣлить кромѣ указанной выше статьи «О древнихъ чинахъ»». Однако приведенное указаніе митр. Евгенія положительно не выдерживаетъ критики; почти всѣ статьи въ «Опытѣ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія» снабжены подписями, и только три (часть III, статьи подъ №№ I, II и VII) оставлены анонимными и едва ли принадлежатъ кн. Щербатову. Наоборотъ, замѣчаніе митр. Евгенія о принадлежности тому же автору брошюры «..о старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи, напеч. въ Москвѣ, 1784 г., и включено въ статью о томъ же въ 20 части Древней Россійской Вивліоѳики, гдѣ также помѣщены сочиненныя имъ родословныя Князей Щербатовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ княжескихъ родовъ» («Словарь», II, 280)—г. Чечулинъ отвергаетъ, не имѣя на то достаточныхъ основаній. «Въ той же статьѣ», говоритъ (стр. 362) онъ, «и у Бантыша названа въ числѣ сочиненій Щербатова статья «О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи». И такой статьи не находится ни въ одномъ изъ указателей къ старымъ журналамъ. . . . . ; почти несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ неправильнымъ именованіемъ статьи «О древнихъ чинахъ, бывшихъ въ Россіи»—въ ней чины расположены по пяти степенямъ». На-

званная статья кн. Щербатова потому не отмѣчена въ указателяхъ къ старымъ журналамъ, что вышла въ свѣтъ (безъ имени автора) отдѣльной брошюрой, съ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: «О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи, въ которыхъ благородные службу производили, и какъ были изъ одной въ другую жалованы; также о чинахъ и о ихъ должностяхъ. Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи. Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1784 года». (м. 8°, 59 стр.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой брошюры можно найти сходство, хотя не особенно близкое, съ гораздо болѣе обширной анонимной статьей, помѣщенной въ XX-мъ томѣ второго изданія «Древней Россійской Вивліоѳики» (стр. 131—277): «Историческое извѣстіе объ упомянутыхъ старинныхъ чинахъ въ Россіи». Однако по указанію г. И. Гурлянда («Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1899 г., книга III, «Смѣсь», стр. 23—24) эта статья принадлежитъ Г. Ф. Миллеру. Что касается «Картины владѣнія Мономахова»—это ошибка не митр. Евгенія, какъ полагаетъ г. Чечулинъ (стр. 363) а еще Н. И. Новикова («Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», СПБ. 1772, стр. 252), изъ труда котораго она попала и въ позднѣйшія пособія.

Указывая (стр. 356) письма кн. Щербатова къ императрицѣ Екатеринѣ и Г. В. Козицкому, г. Чечулинъ не упоминаетъ ни о письмахъ его къ И. И. Лепехину, напечатанныхъ, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ дѣятельности князя въ Россійской Академіи, въ VII-мъ томѣ «Исторіи» этого учрежденія, составленной акад. М. И. Сухомлиновымъ (стр. 133—143), ни о письмахъ къ Я. Я. и И. Я. Штелинымъ, сообщенныхъ акад. Л. Н. Майковымъ въ «Русской Старинѣ» 1891 г., ноябрь, стр. 465—469.

Приводя всѣ эти мелочныя замѣчанія, мы имѣли въ виду оказать посильное содѣйствіе разработкѣ вопроса о сочиненіяхъ знаменитаго историка-публициста, вполнѣ соглашаясь съ г. Чечулинымъ (стр. 364), что его «статья представитъ хотя бы нѣсколько достаточную основу для пополненій списка произведеній кн. Щербатова».

Н. Петровскій.

Здѣсь говорится, что киргизы Букеевской орды годъ-отъ году все болѣе и болѣе становятся хозяйственнымъ народомъ. Они никогда не запасались сѣномъ на зиму и, вслѣдствіе своей лѣни, переносили страшную нужду. Особенно давали имъ знать себя морозныя зимы; киргизы теряли массу скота, который погибалъ отъ булановъ и безкормицы, а народъ бѣднѣлъ. Многіе покидали родныя степи и направлялись въ города и села на поиски разныхъ черныхъ работъ. Такъ наприм., на Баскунчакскомъ озерѣ ломка соли за послѣдніе года почти исключительно производилась киргизами. Теперь киргизы стали заботливѣе. Сѣнокосные луга все лѣто охраняются отъ потравы скотомъ и, при полномъ созрѣваніи травъ, начинается косовица.

«Астраханскій Вѣстникъ». 1894 г., № 1540. — Мѣстная хроника.

3-го сентября 1894 г. состоялось засѣданіе историко-этнографической секціи Петровскаго Общества, въ которомъ прочитано было между прочимъ сообщеніе о бытѣ киргизовъ и ихъ коневодствѣ г. Щ-ва. Весь интересъ этого сообщенія сосредоточивался на характеристикѣ киргизской лошади: она признается авторомъ выносливой, «добронравной», но мало пригодной для военныхъ дѣйствій. Коневодство въ киргизской степи вообще сильно падаетъ, мѣръ къ улучшенію породъ почти никакихъ не принимается, а если и бываютъ, то, по невѣжеству и безпечности киргизовъ, оказываются неудачными. Интересенъ тотъ фактъ, что громадное большинство киргизовъ постепенно обращается въ безлошадныхъ; коневодство же, вообще не имѣющее въ степи промышленнаго значенія, сгруппировывается въ рукахъ немногихъ, наиболѣе состоятельныхъ киргизовъ. Любопытно еще, что Щ—въ, на основаніи личныхъ своихъ наблюденій, признаетъ киргизовъ плохими наѣздниками, не имѣющими понятія о правильной сѣдловкѣ. Г. Щ—ва постановлено благодарить за его сообщеніе, а свѣдѣнія о коневодствѣ напечатать въ трудахъ Общества.

«Астраханскій Вѣстникъ». 1894 г., № 1570

Говорится о Высочайшемъ разрѣшеніи перевести изъ Оренбургской гимназіи во вновь открытое Оренбургское-же реальное училище 6 стипендій, изъ числа 12, назначенныхъ для дѣтей киргизовъ Тургайской области. Для инородцевъ, не знающихъ русскаго языка, изученіе древнихъ языковъ очень обременительно, а для многихъ совершенно невозможно, и 25-тилѣтній опытъ показалъ, что изъ киргизскихъ стипендіатовъ оканчиваютъ курсъ весьма немногіе, болѣе способные, остальные же не идутъ далѣе 4-го класса. Реальное же училище даетъ возможность киргизамъ получать законченное общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1587. — Киргизы и ихъ жены.

Выписка изъ «Степн. Газ».—Въ виду замѣчаемаго въ послѣднее время среди киргизовъ стремленія слѣдовать татарскому обычаю и держать въ

затворничествѣ своихъ женъ, пользующихся пока еще важнымъ преимуществомъ передъ татарками (такъ-какъ онѣ не закрываютъ лица, не живутъ взаперти и могутъ свободно являться вездѣ, гдѣ появляется мужчина), «Киргизск. Стен. Газ.» приводитъ основательныя соображенія противъ того довода, что женщина, которой предоставляется свобода, скорѣе развращается, чѣмъ затворница. Газета убѣждена въ противномъ. Человѣкъ, заключенный въ неволю,—говоритъ она,—создаетъ преувеличенное представленіе о вольной жизни, которой его лишили, и, чуть только вырвавшись на свободу, онъ совершаетъ необдуманные поступки и обыкновенно тѣ самые, отъ которыхъ старались его уберечь. Такъ и женщина: чѣмъ менѣе будутъ довѣрять ея нравственнымъ началамъ, тѣмъ меньше она будетъ считать себя обязанной воздерживаться отъ безнравственныхъ поступковъ. Кромѣ того, развѣ,—спрашиваетъ газета,—человѣкъ сдѣлается нравственнѣе только оттого, что онъ лишенъ возможности совершать дурные поступки? Задача разумнаго воспитанія—съ дѣтства вложить въ сознаніе человѣка любовь къ добру и отвращеніе къ злу.—Газета отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, подъ вліяніемъ татаръ и сартовъ, самыя простыя понятія затемняются среди киргизовъ. У нихъ,—говоритъ она,—въ послѣднее время стало входить въ обычай путешествіе въ Мекку, какъ дѣло, будто бы, самое благочестивое для человѣка. Между тѣмъ для всякаго, не сбитаго съ толку ума, совершенно ясно, что поѣздка въ Мекку сама по себѣ не составляетъ еще дѣла, особенно угоднаго Аллаху, ибо, какъ это выражено и въ священныхъ книгахъ, онъ прежде всего требуетъ отъ людей любви и милосердія къ ближнимъ, раздачи милостыни и дѣлъ благотворенія. Газета обращается къ своимъ читателямъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Правовѣрные мусульмане! Прежде чѣмъ отправиться въ Мекку, вы оставьте жестокое обращеніе съ своими женами и дочерями, не берите взятокъ, не раззоряйте ближняго, сдѣлайте пожертвованія на школы и богоугодныя заведенія—и тогда ужъ съ чистымъ сердцемъ идите поклониться гробу пророка».

Желательно, чтобы это искреннее, простое обращеніе дошло по своему назначенію.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1894 г., № 1622.

Говорится о положеніи бѣднѣйшихъ киргизовъ, которыхъ нужда гонитъ въ русскія деревни и села. Бѣдняки эти, подъ общимъ именемъ «жатаковъ», лишены бываютъ часто крова. Не зная никакихъ ремеселъ, жатаки,—говоритъ газета,—переселяются въ русскія селенія, чтобы найти себѣ заработокъ, или остаются въ какомъ-нибудь уголкѣ глухой степи, чтобы первобытнымъ способомъ обработывать землю. Въ послѣднемъ случаѣ они напрягаютъ всѣ силы, чтобы за хлѣбъ пріобрѣсти себѣ скотъ и скорѣе обратиться къ кочевой жизни. Такіе жатаки, не покидающіе степи, всѣмъ сердцемъ любятъ свою однообразную родину—степь и готовы испытывать въ ней всякія невзгоды и лишенія, терпѣть холодъ и голодъ. Жатаки, переходящіе въ русскія селенія, поступаютъ обыкновенно въ работники къ казакамъ, татарамъ и мѣщанамъ и съ трудомъ добываютъ себѣ кусокъ хлѣба. Будучи прежде безпечными людьми, они усердно и много работаютъ съ не-

реходомъ въ жатачество, но за свои труды получаютъ только ничтожные гроши, на которые надо имъ одѣваться, ѣсть, платить казенныя подати и поборы. При этомъ же каждый годъ у этихъ бѣдныхъ людей степныя должностныя лица вымогаютъ подъ разными предлогами послѣдніе гроши. Бѣдные люди сначала негодуютъ противъ своихъ вымогателей, но въ концѣ-концовъ, конечно, соглашаются платить все, что съ нихъ ни потребуютъ. Далѣе газета говоритъ, что законъ предоставляетъ освобождать такихъ бѣдняковъ киргизовъ отъ всякихъ податей и повинностей, а между тѣмъ, на практикѣ, съ нихъ производятся взысканія.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г., № 1738. — Смертная казнь. 3-го марта въ городѣ Ошѣ, Туркестанскаго края, приведенъ въ исполненіе приговоръ временнаго военнаго суда по дѣлу объ убійствѣ таможенныхъ стражниковъ, конфирмованный начальникомъ Туркестанскаго края барономъ Вревскимъ. Главные виновники убійства Камчибекъ-Алимбековъ и Мамонъ Палуанъ Пехтибаевъ подвергнуты смертной казни черезъ повѣшеніе; шести киргизамъ, принимавшимъ участіе въ убійствѣ, смертная казнь замѣнена ссылкой на каторжныя работы; сыну Алимбекова-Махмудъ беку казнь замѣнена ссылкой въ Сибирь, остальнымъ подсудимымъ, приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ, наказаніе замѣнено также ссылкой въ Сибирь и отдачей въ арестантскія роты. Семья Алимбековыхъ въ киргизскомъ населеніи края пользовалась особымъ уваженіемъ и почетомъ, какъ родственная бывшимъ киргизскимъ султанамъ, причемъ мать казненнаго Курбанъ-Джанъ-Датха считалась прямой наслѣдницей послѣднихъ и извѣстна своимъ богатствомъ и вліяніемъ. По взятіи Туркестанскаго края, всѣ родственники Датхи были отличены отъ другихъ киргизовъ, награждены почетными халатами и пользовались особыми преимуществами. Камчибекъ и его сынъ имѣли также почетные халаты, а послѣдній даже медали. Преступленіе, въ которомъ обвинялись подсудимые, слѣдующее: въ октябрѣ мѣсяцѣ 1893 года, въ Гульчинской волости, Ошскаго уѣзда, близъ перевала Белеули, на кашгарской границѣ, таможеннымъ разъѣздомъ, состоявшимъ изъ четырехъ стражниковъ: одного русскаго—Боровкова и трехъ туземцевъ, былъ захваченъ караванъ съ контрабандой изъ Кашгара (чаемъ, кораллами, индійской кисеей и т. п.). Вслѣдъ за этимъ на стражниковъ напали киргизы и задушили ихъ, при чемъ трупы были спрятаны въ глухомъ мѣстѣ, въ углубленіи горы, а лошади зарѣзаны и сожжены, контрабанда-же скрыта. Трупы стражниковъ были отысканы полковникомъ Мамлеевымъ почти черезъ мѣсяцъ, и при разслѣдованіи оказалось, что главнымъ зачинщикомъ и руководителемъ преступленія былъ киргизъ Камчибекъ Алимбековъ, которому принадлежала и контрабанда, коею занимался давно, при чемъ все сходило съ рукъ, благодаря сильному вліянію на киргизовъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г. № 1760.

Въ «Отголоскахъ Печати» приводятся пословицы китайскихъ киргизовъ Дѣвица. 1) Хороша дѣвица, хоть и злая,—хороша дорога, хоть и кривая.

2) Скромная дѣвица подобна шелку малиноваго цвѣта, а бойкая—подобна ведру, не имѣющему дна.—Жена. 1) У хорошей жены блеститъ одежда, а у худой одежда вся въ сажѣ. 2) Передъ пищей чванится обжорливый человѣкъ, передъ мужемъ чванится таскающаяся жена. 3) Лучше низкая жена, нежели тѣсная обувь. 4) Вѣрный человѣкъ нуженъ царю, вѣрная жена нужна мужу. Несносенъ непріятель, напавшій снова,—несносна жена, вернувшаяся къ родителямъ. 5) Плохая жена, положившись на любовника, остается безъ мужа. 6) Хорошій человѣкъ хвалитъ коня, худой хвалитъ жену.—Измѣна. 1) Чѣмъ ѣздить на худомъ конѣ, ходи лучше, пока не умрешь, пѣшкомъ; чѣмъ брать дрянную жену, будь лучше до смерти холостякомъ. 2) Надѣйся на собаку, не надѣйся на невѣрную жену. 3) Не вѣрь тому коню, который подъ тобою; не полагайся на ту лодку, въ которой плывешь по водѣ. 4) Не вѣрь тому коню, который идетъ подъ тобою, не вѣрь той женщинѣ, которая у тебя за пазухой.—Рабы. 1) Собравшійся въ кучу песокъ не образуетъ камня, а собравшіеся въ кучу рабы не образуютъ начальства. 2) Когда нѣтъ собакъ, и свинья лаетъ на дворѣ; когда нѣтъ бія, и рабъ ходитъ въ гости.

Статья эта, принадлежащая *Н. Ѳ. Катанову*, первоначально была напечатана въ № 673 «Казанскаго Телеграфа»—23 апр. 1895 года.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г. № 1782.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника» сообщается о бывшей 12 мая конской скачкѣ при Ахунскомъ хуторѣ во Внутренней киргизской ордѣ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г., № 1851. Киргизскій праздникъ. Изъ путешествія принца Генриха Орлеанскаго.

Описывается скачка и другія народныя увеселенія. Мы остановимся только на заключительныхъ строкахъ, гдѣ авторъ пишетъ слѣдующее:—а меня поразило то, что въ тотъ священный часъ, когда, по ученію пророка, слѣдовало привѣтствовать наступленіе ночи, ни одинъ изъ пировавшихъ не произнесъ имени Аллаха, а между тѣмъ это былъ день изъ самыхъ чтимыхъ магометанами, день праздника «большого байрама». Видно и здѣсь, продолжаетъ принцъ, утратилась прежняя твердая вѣра и уваженіе къ священнымъ преданіямъ прошлаго. Пристрастіе къ земнымъ наслажденіямъ, къ женщинамъ, лошадямъ и широкой привольной свободѣ взяло верхъ надъ религіею и ея требованіями».—Замѣтимъ отъ себя автору цитируемой статьи, что киргизы никогда не были истинными магометанами. Магометанство имъ навязывало и пропагандировало наше правительство, а въ особенности Екатерина Великая. Теперь проповѣдниками ислама являются въ большинствѣ случаевъ татары, также водворяемые среди киргизовъ нашимъ правительствомъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г., № 1885.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника» говорится, что министерствомъ народнаго просвѣщенія получено отъ попечителя казанскаго учебнаго округа донесеніе объ учрежденіи въ Букеевской ордѣ 14 старшинскихъ школъ въ озна-

менование бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. . Въ Букеевской ордѣ, близъ Ханской Ставки, ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ бываетъ ярмарка. На эту ярмарку съѣзжаются десятки тысячъ киргизовъ изъ разныхъ мѣстностей орды и устраиваютъ скачки съ призами, на которыхъ присутствуютъ чины мѣстнаго управленія и иногда астраханскій губернаторъ. Въ 1893 году, по окончаніи скачекъ, киргизы собрались къ дому, гдѣ остановился губернаторъ, и ихъ султаны и старшины выразили желаніе ознаменовать бракосочетаніе Ихъ Императорскихъ Величествъ учрежденіемъ въ ордѣ 14 старшинскихъ школъ,—по двѣ на каждую часть, съ ассигнованіемъ на содержаніе каждой школы по 250 рублей въ годъ изъ средствъ населенія. При этомъ киргизы просили, чтобы учителями въ старшинскихъ школахъ были киргизы-же и чтобы къ преподаванію магометанскаго вѣроученія были допущены муллы. Въ настоящее время денегъ собрано уже 3,504 рубля. Сообразуясь съ наличнымъ числомъ киргизовъ, которые могли бы занять должности учителей въ старшинскихъ школахъ, говоритъ газета, начальство казанскаго учебнаго округа предполагаетъ на первое время ограничиться учрежденіемъ 7-ми школъ въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ орды, а именно: въ Калмыцкой части—№ 1 старшинства (на Шунгаѣ), № 2-го старшинства (на Харахоѣ); въ Нарынской части—№ 9-го старшинства (на Толубаѣ); въ Торгунской части № 3-го старшинства (на уроч. Сунали), № 4-го старшинства (на уроч. Койгань-Куль); въ Галовской части—№ 5-го старшинства (на Исенбаевѣ хуторѣ) и въ Камышъ—Самарской части—№ 8-го старшинства (на Абинскомъ форпостѣ).

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г., № 1931.—Ростовщичество у киргизовъ.

Описывается положеніе киргизовъ должниковъ, опутываемыхъ заимодавцами. Ростовщики обставили свои дѣла такъ ловко и прочно, что многіе раззорившіеся, благодаря имъ, и голодающіе киргизы всецѣло отдаютъ свои заработки имъ, хотя отлично знаютъ, что никогда не выплатятъ своихъ долговъ, потому что въ то время, какъ они платятъ, растутъ громадные проценты. Ростовщики собираютъ точныя свѣдѣнія, кто гдѣ волостной или вліятельное лицо, кто адвокатничаетъ, кто управитель, кто богатъ и т. д. Когда такіе степные «аткаминары» пріѣдутъ въ городъ, ростовщики знакомятся съ ними, приглашаютъ на домъ поговорить о томъ, о семъ, угостятъ ихъ, какъ слѣдуетъ, и при прощаніи подарятъ имъ фунтикъ или два чаю или на платье женѣ или дочери, или что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобы впослѣдствіе лучше было обдѣлывать свои темныя дѣлишки.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г., № 1949.—Киргизская медицина.

Описываются способы леченія знахаря Коина. Казакъ «Гаврилычъ» вывихнулъ себѣ ногу. Явившись къ больному, Коинъ живо сталъ орудовать. «Гаврилыча» прижали «понадежнѣй» въ половинахъ воротъ и за выставленную ногу привязали веревку. Далѣе Коинъ сѣлъ на лошадь, взялъ свободный конецъ веревки и, привязавъ ее къ лошади, «понужнулъ»...

Раздался нечеловѣческій крикъ несчастнаго, а затѣмъ послѣдовалъ глубокій обморокъ. Операторъ, освободивъ отъ дальнѣйшей пытки жертву своего невѣжества, бережно перенесъ въ домъ и уложилъ въ постель, въ которой и пролежалъ «Гаврилычъ» около полугода, такъ какъ у него связки оказались порванными. Теперь онъ ходитъ на костылѣ, вспоминая былую удаль. Ребятишки прозвали калѣку Кояномъ, т. е. именемъ его знаменитаго хирурга.

Очень просто Коянъ лечитъ и водянку. Паціента, согласно знахарской наукѣ, слѣдуетъ испотить хотя бы немножко, затѣмъ киргизскими ножиками (пшаками, что имѣются у каждаго киргиза на поясѣ) нужно сдѣлать больному по всему тѣлу не менѣе 333 надрѣзовъ и, пока дѣлается эта операція, надо заколоть корову, въ свѣже-снятую шкуру которой и зашиваютъ больного на нѣкоторое время, мясо же съѣдается операторами, какъ должный гонораръ за искусство.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1895 г., 14 сентября.

Сообщается, что министерствомъ народнаго просвѣщенія получено донесеніе объ учрежденіи въ Букеевской ордѣ 16 старшинскихъ школъ въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1896 г., № 2191.—Аульная школа.

Описанія аульной школы Тургайской области, бывшей на Всероссійской промышленно-художественной выставкѣ въ Н.—Новгородѣ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1896 г., № 2197. Высочайшее повелѣніе.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу объ опредѣленіи имущества киргизовъ и другихъ кочевниковъ, не подлежащаго продажѣ при взысканіяхъ, и соглашаясь съ заключеніемъ сенатора Горемыкина, мнѣніемъ положилъ въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: «Имущество, не подлежащее описи, аресту и продажѣ на удовлетвореніе взысканій, присуждаемыхъ съ киргизовъ и другихъ кочевниковъ, опредѣляется на каждое трехлѣтіе въ областяхъ Уральской и Тургайской—военными губернаторами и во Внутренней киргизской ордѣ астраханскимъ губернаторомъ съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ; въ областяхъ же Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской—степнымъ генералъ-губернаторомъ».

Государь Императоръ мнѣніе это Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1896 г., № 2210.—Маленькій фельетонъ Фатьма (киргизская сказка).

На скалѣ пустынной, около Ходжента, плѣсенью покрыты скалы монумента. Въ старину сѣдую, битвами насытясь, мирно почиваетъ здѣсь отважный витязь.

Только лишь наступитъ время Рамазана, тянутся къ могилѣ цѣпью караваны, и усталый путникъ съ трепетомъ и страхомъ молится усердно предъ священнымъ прахомъ.

Про могилу эту носится преданье, будто подъ скалою слышатся рыданья, а въ полночь глухую облакомъ тумана здѣсь витаетъ призракъ храбраго Рустана.

Но другая сказка будетъ интереснѣй, вы ее прочтете въ слѣдующей пѣснѣ.

Царитъ вокругъ ночная тьма; рокочетъ Сыръ-Дарья. Къ могилѣ витязя Фатьма стремится, грусть тая. Внимая трепетной рѣкѣ, она зоветъ, грустя, Рустана, витязя въ тоскѣ и плачетъ, какъ дитя. Фатьма къ могилѣ подошла и робко смотритъ въ даль; ей сердце жалитъ, какъ пчела, завѣтная печаль.

Но вотъ блеснулъ въ могилѣ свѣтъ!... Склонивъ гибкій станъ, Фатьма зоветъ: «приди, Рустанъ! молю: о дай совѣтъ! Али мой бѣденъ, но уменъ, прекрасенъ и могучъ, свое копье бросаетъ онъ, какъ молнію изъ тучъ. Али сердечно мной любимъ.... Во снѣ и на яву я громкимъ голосомъ своимъ его къ себѣ зову. Но мой отецъ и гордъ, и сѣдъ, онъ гонитъ бѣдняка; любви и чувства больше нѣтъ въ груди у старика. Увы, я смерти только жду. Молить отца нѣтъ силъ. Онъ беку старому въ орду продать меня рѣшилъ!» ..

Но вотъ рѣдѣетъ ночи тьма, замолкнулъ плескъ Дарьи....

— Сдержи, влюбленная Фатьма, рыданія свои! Засіяли тучки блескомъ перламутра; встало надъ землею розовое утро. Храбрые джигиты выбились изъ силы и Фатьму все ищутъ около могилы.

Самъ отецъ почтенный тоже ищетъ дочку...

Гдѣ-жъ Фатьма бѣдняжка?

— Знаетъ только ночка!

«Астраханскій Вѣстникъ», 1896 г., №№ 2213 и 2214.—Степное лѣсоразведеніе въ Астраханской губерніи.

Здѣсь довольно обстоятельно излагаются свѣдѣнія о Нарынскомъ лѣсничествѣ во Внутренней киргизской ордѣ. Лѣсничество открыто съ 1 іюля 1890 г., но мысль объ образованіи его возникла гораздо раньше. Еще въ 1885 г., бывшій астраханскій губернаторъ г. Цеймернъ поручилъ младшему таксатору г. Люцернову осмотрѣть Нарынскіе пески. Осмотръ этотъ, произведенный въ 1886 г., убѣдилъ г. Люцернова, съ одной стороны, въ неоходимости закрѣпить пески для предохраненія отъ заносовъ сосѣднихъ съ ними калмыцкихъ угодій, съ другой же стороны—въ пригодности мѣста для лѣсоразведенія; въ виду этого г. Люцерновымъ былъ составленъ проектъ учрежденія на означенныхъ пескахъ лѣсничества; проектъ этотъ, впослѣдствіи вполнѣ одобренный лѣсохранительнымъ комитетомъ и встрѣтившій горячую поддержку со стороны бывшаго астраханскаго губернатора князя Л. Д. Вяземскаго, былъ осуществленъ 1 іюля 1890 г. открытіемъ въ киргизской степи Нарынскаго лѣсничества 1 разряда. Лѣсничество это, состоящее изъ пяти дачъ, занимаетъ громадную площадь около 127 т. дес., изъ коихъ болѣе 100,000 дес. песковъ. Лѣтъ 50 тому назадъ на Нарынскихъ пескахъ было до 8000 дес. лѣса, но, благодаря хищническому пользованію лѣсомъ и постояннымъ потравамъ, при передачѣ въ казну на всей площади песковъ оказалось лишь 4000 деревьевъ, около $1^1/_2$ т. кустовъ шелюги

и отдѣльные кусты лоха и джузгуна. Главная цѣль образованія лѣсничества—закрѣпленіе песковъ - была быстро достигнута; по выселеніи киргизовъ изъ лѣсничества и сокращеніи, вслѣдствіе этого, потравъ, степь быстро начала покрываться растительностью естественнымъ путемъ, искусственное же зарощеніе производилось только въ исключительныхъ случаяхъ. Къ 1895 г. пески настолько заросли травами, что стали уже совсѣмъ не опасны для 40.000 дес. сосѣднихъ киргизскихъ угодій. Съ 1891 г. по 1895 г включительно въ лѣсничествѣ закрѣплено искусственно песковъ 364½ дес. изъ коихъ 32 дес. посадкой шелюги, а 332½ дес. посѣвомъ разныхъ травъ: песчаника, кумарчика и джузгуна (кустарникъ). Такъ—какъ стоимость посадки шелюги обошлась слишкомъ дорого (почти 36 р. за дес.), посѣвъ же травъ обходится всего въ 2 р. съ небольшимъ за дес., то съ 1893 г. начали укрѣплять пески травосѣяніемъ. Наиболѣе удачно скрѣпляетъ пески джузгунъ, имѣющій чрезвычайно крѣпкіе и большіе корни. Съ 1894 года производятся опыты посѣва и посадки разныхъ древесныхъ породъ; опыты эти предположено производить пять лѣтъ съ цѣлью выяснить, какія изъ древесныхъ породъ наиболѣе пригодны для разведенія въ Нарынскомъ лѣсничествѣ. Въ 1896 г. засѣяно 46½ дес. (изъ коихъ дуба 30 дес., бѣлаго тополя 15½, сосны ½ дес., березы и ольхи 5 дес.) съ расходомъ 2 р. 25 к. за дес. и засажено 30 дес. (изъ нихъ дуба 11½ дес., тополя 9¼ дес., сосны, карагача, гледичіи, бѣлой акаціи и шелковицы 9¼ дес.) съ расходомъ 5 р. 73 к. за десятину.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2320. Пастухъ Ягудка. Очеркъ изъ жизни степняковъ киргизовъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2432.—Изъ школьной статистики.

Сообщается, что во Внутренней киргизской ордѣ въ 1896 г. было 26 училищъ съ 708 учащимися.—израсходовано 14,546 р. 29 к. изъ государственнаго казначейства и 2477 р. 11 к. изъ суммы киргизскихъ обществъ, а всего 17.023 р. 40 к.

«Астраханскій Вѣстникъ» 1897 г., № 2490.—Печальный фактъ.

Сообщается о неурожаѣ въ степи киргизовъ Букеевской орды травъ и отсутствіи у скотоводовъ запасовъ корма, вслѣдствіе чего идетъ усиленная продажа скота на убой.

«Астраханскій Вѣстникъ» 1897 г., № 2503.—Вѣсти изъ степи.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника» сообщается, что въ районѣ перваго и второго приморскихъ округовъ Внутренней киргизской орды, а также по всему восточному Каспійскому побережью не было дождей. Киргизы и русскіе возлагали надежды на камышъ [1], но на него напали тучи саранчи и

---

[1]) Молодыя поросли скашиваютъ на кормъ скоту.

оставили одни только прутья. Саранча отродилась на морскихъ островахъ у восточнаго берега, особенно много ея было на Кулалинскихъ и Тюленьихъ островахъ. Никакихъ мѣръ къ ея уничтоженію въ первый періодъ появленія не принималось, почему она и обездолила населеніе перваго стана Красноярскаго уѣзда.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2533.—Вѣсти изъ киргизской орды.

Сообщается, что вслѣдствіе скуднаго урожая травъ, временнымъ совѣтомъ по управленію Внутреннею киргизской ордой принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобъ предохранить киргизскій скотъ, и безъ того изнуренный недостаточностью и малопитательностью подножныхъ кормовъ въ текущемъ году отъ падежа.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2553.—Осенняя Ханская ярмарка.

Описывается ярмарка. Въ общемъ изъ корреспонденціи видно, что ярмарка улучшается. Такъ, продано товару на 92439 руб. болѣе, чѣмъ на осенней 1896 г. ярмаркѣ. За помѣщенія и торговыя мѣста внутри ярмарочнаго двора поступило также на 83 руб. больше 1896 г.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2560.—Киргизскія поминки.

Свѣдѣнія о киргизскихъ поминкахъ заимствованы изъ «Изв. Общ. Археолог., Ист. и Этногр.», издающихся при Императорскомъ казанскомъ университетѣ. Киргизская тризна совершается сначала въ небольшихъ размѣрахъ на 40-й день. Затѣмъ, чрезъ годъ послѣ смерти родича, повторяется съ «байгой» (скачками) и участіемъ множества народа. Киргизскимъ поминкамъ очевидецъ, пишущій о нихъ въ «Изв. общ. археол., истор. и этногр.» И. В. Аничковъ приписываетъ важное общ. значеніе. Они сближаютъ народъ, разбросанный по огромнымъ степнымъ пространствамъ, и даютъ ему возможность сойтись и обсудить совмѣстно вопросы, требующіе присутствія многихъ почетныхъ и вліятельныхъ лицъ. Помимо этого, и для интересующихся бытомъ киргизовъ эти поминки представляютъ много любопытнаго, потому что даютъ возможность видѣть огромную толпу народа, услышать ея взгляды, наблюдать за ея настроеніемъ и встрѣтить много своеобразнаго.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2570.—Лѣсное дѣло въ Астраханскомъ краѣ.

Говорится о Нарынскомъ защитномъ лѣсничествѣ, учрежденномъ для закрѣпленія летучихъ песковъ во Внутренней киргизской ордѣ. Дѣло укрѣпленія летучихъ песковъ въ Астраханскомъ краѣ начато нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительствомъ. Лѣсному ревизору поручено было осмотрѣть пески киргизской степи и выяснить, гдѣ и насколько необходимо ихъ зарощеніе. Послѣ предварительныхъ изслѣдованій остановились на мѣстности близъ Ханской Ставки, въ 70 верстахъ отъ Волги, внутри степи. Не-

обходимость закрѣпленія здѣсь летучихъ песковъ мотивировалась тѣмъ, что пески грозили окончательно засыпать главный административный центръ киргизской степи Астраханской губерніи Ханскую Ставку, а также прилежащія обширныя калмыцкія степи. На возможность зарощенія песковъ указывало то обстоятельство, что среди песковъ сохранилась еще коекакая естественная древесная растительность въ видѣ куртинъ шелюги (до 1½ тысячи кустовъ), и группъ единичныхъ экземпляровъ бѣлаго тополя. всего счетомъ около 4000 деревьевъ. Къ 1890 году вопросъ былъ окончательно рѣшенъ открытіемъ Нарынскаго лѣсничества, площадью около 127000 дес., изъ которыхъ 100.761 дес. песковъ.—Первымъ дѣйствіемъ вновь назначенной администрація лѣсничества было удаленіе съ ея территоріи всѣхъ зимовыхъ кочевниковъ и полное запрещеніе выпаса скота, т. е. полная гарантія отъ потравъ на пескахъ. Хорошія послѣдствія этой мѣры не замедлили сказаться: пески начали быстро заростать травянистою растительностью, причемъ искусственно въ различныхъ мѣстахъ даже было засѣяно по настоящее время травами около 350 десятинъ, на остальномъ же пространствѣ песковъ появился обильный самосѣвъ травъ. Въ настоящее время держатся того взгляда, что слѣдуетъ подсѣвать травы только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трудно разсчитывать на закрѣпленіе песковъ естественнымъ путемъ, остальныя же пространства предоставить естественному самосѣву травъ. При такой системѣ, къ настоящему времени достигли того, что хотя пески еще и передвигаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсничества, а также по вершинамъ барханъ, но уже удержаны внутри своихъ внѣшнихъ границъ и не имѣютъ стремленія къ дальнѣйшему распространенію по территоріи степи. Недалеко, вѣроятно, то время, когда внутри дачи исчезнутъ и остальные признаки летучихъ песковъ. Одновременно съ началомъ посѣва травъ на пескахъ производилась также посадка шелюги, но культура этого кустарника обходилась слишкомъ дорого (до 36 руб. десятина), сравнительно съ травами (не дороже 2 руб.). Въ виду этого обстоятельства, искусственное разведеніе шелюги было прекращено; имъ тѣмъ болѣе можно было пренебречь, что сама природа, посредствомъ самосѣва шелюги, усиленно заботится распространить этотъ кустарникъ по пространству песковъ лѣсничества.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2616.—Киргизскія женщины.

Приводится перепечатка изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», что на состоявшемся 5 декабря засѣданіи Антропологическаго Общества докторъ К. А. Бѣляловскій сдѣлалъ интересное сообщеніе подъ названіемъ «Антропологическая характеристика киргизской женщины». Женщину-киргизку г. Бѣляловскій характеризуетъ такъ: она красива, съ правильнымъ оваломъ лица, черными глазами и алымъ румянцемъ на щекахъ; она чувствительна, отзывчива и вѣрна въ своей любви; она имѣетъ способность къ рукодѣлію и отличается вниманіемъ и трудолюбіемъ къ дѣлу, и наконецъ она имѣетъ склонность къ поэзіи и долго помнитъ оказанныя ей услуги.

«Астраханскій вѣстникъ», 1897 г., № 2616.—Богатая киргизская свадьба».

Статья заимствована изъ «Прав. Вѣсти.» и знакомитъ съ свадебнымъ обрядомъ у богатыхъ киргизовъ. За нѣсколько дней до свадьбы отецъ жениха разсылаетъ по сосѣднимъ и всѣмъ родственнымъ ауламъ нарочныхъ для объявленія дня свадьбы и приглашенія всѣхъ «кто любитъ Аллаха, пророка его Магомета и такую жемчужину аула, какъ пославшій ихъ (называется отецъ жениха)». Въ назначенный день всѣ приглашенные собираются въ аулѣ жениха съ ранняго утра и располагаются въ приготовленныхъ для нихъ кибиткахъ. Въ полдень въ аулъ пріѣзжаетъ женихъ вмѣстѣ съ матерью невѣсты, а за ними тянется караванъ съ приданымъ послѣдней; приданое вносятъ въ нарочно поставленныя для того кибитки. Здѣсь, въ присутствіи особо приглашенныхъ почетныхъ гостей, производится осмотръ приданаго, свекровь и нѣсколько замужнихъ молодыхъ женщинъ выходятъ встрѣчать невѣсту, которая къ этому времени приближается къ аулу своего будущаго свекра верхомъ на иноходцѣ или аргамакѣ. Не доѣзжая 1-й—2-хъ верстъ до аула, невѣста слѣзаетъ съ лошади и продолжаетъ путь уже пѣшкомъ, дѣлая черезъ каждые 20—30 шаговъ поклоны. Этимъ невѣста выражаетъ свое почтеніе къ аулу свекра, гдѣ предстоитъ прожить всю свою жизнь. Не доходя шаговъ 100 до аула, невѣсту встрѣчаетъ свекровь съ женщинами, которыя и высыпаютъ на голову невѣсты сахаръ, кишмишъ и урюкъ. Послѣднее дѣлается въ знакъ того, свекоръ и свекровь довольны приданымъ и рады принять въ свой домъ невѣсту.— Вслѣдъ за этимъ начинаются скачки, игры, угощенія мясомъ, сластями. Молодые сидятъ въ кругу родственниковъ и почетныхъ гостей и раздаютъ подарки отличившимся въ играхъ. «Той» продолжается 2—3 дня. На четвертый день мать невѣсты покидаетъ аулъ, получивъ въ подарокъ отъ свата нѣсколько головъ крупнаго и мелкаго скота (лошадей, верблюдовъ, овецъ и коровъ) и халатовъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2618.—Школы въ киргизской степи.

Сообщается, что во Внутренней Букеевской ордѣ, по примѣру Тургайской области, съ 1 ноября 1895 г. начинаютъ открываться аульныя школы. До ноября 1896 г. открыто было, по разрѣшенію попечителя округа, 14 такихъ школъ. На содержаніе каждой изъ нихъ положено расходовать не менѣе 250 руб., въ томъ числѣ жалованье учителю 100 руб. въ годъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., № 2645 —Аргамакъ.
Статья перепечатана изъ «Журнала Коннозаводства».

«Астраханскій вѣстникъ», 1898 г., № 2651.

Въ отдѣлѣ «Послѣдняя Почта» сообщается о предстоящемъ судебномъ преобразованіи въ степныхъ областяхъ и Туркестанскомъ краѣ, при чемъ имѣющіе быть уральскій окружной судъ и судебныя установленія четырехъ уѣздовъ Тургайской области предполагается отнести къ округу саратовской судебной палаты.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., № 2665.—Населеніе Астраханской губерніи по переписи 28 января 1898 года.

Киргизовъ Букеевской орды насчитано 213,146 чел., въ томъ числѣ 111,038 муж. и 102,108 жен. пола.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., 2670.

Въ отдѣлѣ «Послѣдняя Почта» сообщаются устарѣлыя свѣдѣнія, что киргизами Тургайской области пожертвовано 12.400 рублей въ пользу первой русско-киргизской женской прогимназіи въ г. Кустанаѣ. Свѣдѣнія относятся къ 1894 году.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., № 2683.—Изъ отчета кассы ссудъ при временномъ совѣтѣ киргизской орды.

Къ 1 января 1897 г. въ кассѣ числилось наличными деньгами 11141 р. 3 к., по книжкѣ, хранящейся въ государственномъ банкѣ, 91468 р. 23 к. и въ долгу за киргизами 43114 р. 16 к. Въ теченіе 1897 г. поступило наличными 115907 р. 12 к., по счетамъ государственнаго банка 30598 р. 12 к., израсходовано изъ наличныхъ 109209 р. 34 к, по книгѣ банка 75041 р. 50 к., осталось къ 1898 г. наличными 17838 р. 81 к., по книжкѣ банка 47024 р. 85 к., и въ долгу за киргизами 91495 р. 15 к.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г. № 2684.—Изъ киргизской степи.

Говорится о ссудной кассѣ при временномъ совѣтѣ по управленію Внутреннею киргизскою ордою. Касса эта открыла свои дѣйствія въ 1874 году съ оборотнымъ капиталомъ въ размѣрѣ 76570 руб. Согласно устава, цѣль кассы заключалась въ оказаніи вспомоществованій киргизамъ въ случаяхъ естественныхъ бѣдствій, а также въ выдачѣ ссудъ для поддержанія и развитія хозяйства и промышленности въ киргизской ордѣ. Однако, жизнь значительно сузила эти теоретическія положенія устава. Въ дѣйствительности, въ результатѣ почти 25-лѣтней практики оказалось, что въ виду періодически повторявшихся неурожаевъ травъ, касса едва успѣвала оказывать пособія тѣмъ наиболѣе пострадавшимъ скотоводамъ, которымъ угрожало полное раззореніе. При такихъ условіяхъ, объ операціяхъ въ цѣляхъ поддержанія хозяйствъ и промышленности, а тѣмъ болѣе въ цѣляхъ ихъ развитія, нечего было и думать. Такимъ образомъ, задача кассы къ настоящему времени вполнѣ выяснилась. Вслѣдствіе этого временный совѣтъ вполнѣ благовременно рѣшилъ возбудить ходатайство объ измѣненіи устава въ смыслѣ большаго приспособленія его къ вышеуказанной потребности, обусловленной особенностями экономическаго положенія населенія киргизской орды. Проектированныя временнымъ совѣтомъ измѣненія заключаются въ существенныхъ чертахъ въ слѣдующемъ: до настоящаго времени должники кассы уплачивали за ссуду 6%, а по отсроченнымъ ссудамъ даже 12%; въ виду столь высокаго роста, съ одной стороны, и частой необходимости отсрочивать ссуды въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ-съ другой, часто случалось, что уплачиваемыя должниками кассы процентныя деньги превышали сумму самаго долга. Само собою разумѣется, что вышеприведенный размѣръ процента въ высшей степени обремените-

ленъ для плательщика и, кромѣ того, теперь уже не можетъ быть оправдываемъ соображеніями о необходимости увеличенія оборотнаго капитала, такъ-какъ капиталъ этотъ почти удвоился и достигъ уже почтенной суммы въ 150.000 р. Посему временный совѣтъ въ представленномъ имъ въ министерство проектѣ измѣненнаго устава нашелъ возможнымъ установить 3% для обыкновенныхъ ссудъ и 6% для ссудъ просроченныхъ. Затѣмъ въ новомъ уставѣ введена поправка въ примѣчаніи къ § 3 въ томъ смыслѣ, что заемъ долженъ составлять десятую долю имѣющагося у заемщика скота, между тѣмъ, какъ въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ имѣлась въ виду десятая часть всего имущества. Этимъ исчерпываются наиболѣе существенныя перемѣны, въ остальномъ же проектируемыя измѣненія касаются главнымъ образомъ облегченія формальностей, сопряженныхъ съ производствомъ ссудныхъ операцій и установленіемъ благонадежности и кредитоспособности заемщиковъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., № 2689.—О призрѣніи бѣдныхъ въ киргизской степи.

Временный совѣтъ по управленію Внутреннею киргизскою ордою не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ благотворительныхъ капиталовъ, никакой организаціи, вѣдающей дѣла благотворенія. А бѣдныхъ въ степи не мало. Какъ же поступаетъ совѣтъ? Въ случаяхъ выдающейся бѣдности и безпомощности нуждающихся отправляютъ къ тому или другому старшинѣ, а этотъ послѣдній отдаетъ ихъ на попеченіе зажиточной киргизской семьѣ. Газета сопоставляетъ съ только-что сказаннымъ слѣдующій случай. Къ рыбопромышленнику однажды явились два киргиза, изъ тѣхъ, что кочуютъ на границѣ Красноярскаго уѣзда; одинъ изъ нихъ желалъ поступить въ число промысловыхъ рабочихъ; хозяинъ согласился нанять рабочаго, но когда дѣло коснулось условій найма, то оказалось, что хозяину по этому поводу пришлось входить въ соглашеніе не съ нанимающимся байгушемъ, а съ другимъ, его спутникомъ. Хозяинъ былъ въ недоумѣніи, но вотъ что выяснилось. Въ одну изъ тяжкихъ, голодныхъ зимъ спутникъ байгуша, какъ человѣкъ состоятельный, пріютилъ у себя впавшаго въ нищету голоднаго одноплеменника, того самаго, который теперь стоялъ передъ хозяиномъ въ ожиданіи заключенія найма, и въ вознагражденіе за это выговорилъ себѣ право отдавать его въ работу въ теченіе извѣстнаго времени, куда ему заблагоразсудится, за какое угодно вознагражденіе и получать за него условленую плату за трудъ, при чемъ киргизъ увѣрялъ, что случай этотъ не единичный, но что у нихъ такіе договоры въ обычаѣ. Не знаемъ право, замѣчаетъ газета, встрѣтились-ли мы въ настоящемъ случаѣ съ исключительнымъ обстоятельствомъ, свидѣтельствующимъ, что рабство живуче и всегда найдетъ себѣ въ современныхъ условіяхъ жизни ту или иную подходящую форму, въ которой можетъ таиться до поры до времени, или же предъ нами одно изъ возмутительнѣйшихъ проявленій жестокаго обычнаго права полудикихъ инородцевъ-права, далеко еще не изслѣдованнаго во всѣхъ его проявленіяхъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г. № 2860

Опубликованъ Высочайшій указъ о новомъ раздѣленіи Сибири и Средне-Азіатскихъ областей на военные круга

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., № 2835

Въ отдѣлѣ «Телеграммы» сообщается извѣстіе о нападеніи киргизовъ на датскую экспедицію, находящуюся подъ начальствомъ лейтенанта Олафсенна. По донесенію этого послѣдняго, на Алигуръ-Памирѣ у озера Булунъ-коля на экспедицію напали вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ киргизы въ довольно значительномъ количествѣ. Нападеніе было отбито членами экспедиціи совмѣстно съ казаками, при чемъ захвачено въ плѣнъ 31 человѣкъ изъ нападавшихъ. По поводу этого извѣстія, которое оказывается вымышленнымъ, «Турк. Вѣдом.» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія, ручаясь за ихъ достовѣрность.

11 августа Памирскій постъ прибылъ помощникъ начальника штаба туркестанскаго военнаго округа генералъ-майоръ фонъ-Ремлингенъ. Около 10 часовъ вечера того же дня прибылъ на постъ премьеръ-лейтенантъ Олафсенъ съ своимъ джигитомъ изъ лагеря датской экспедиціи у озера Булунъ-куля и привезъ арестованнаго имъ въ названномъ лагерѣ киргиза съ ружьемъ, при чемъ заявилъ, что въ теченіе восьми дней онъ замѣчалъ, что киргизы ближайшаго къ лагерю кочевья (около 25 верстъ) затѣваютъ противъ лагеря что-то недоброе. Подозрѣніе этого г. Олафсенъ не могъ подтвердить никакими существенными данными; оно возникло у него, очевидно, только вслѣдствіе того обстоятельства, что киргизы начали появляться въ его лагерѣ безъ всякой надобности и на вопросы, что имъ нужно, давали дерзкіе и неосновательные отвѣты, говоря большею частью, что ищутъ сбѣжавшую скотину (отвѣтъ дѣйствительно неосновательный, такъ какъ скотина съ хорошаго пастбища не сбѣжитъ по 20-верстной безкормицѣ на плохое пастбище), а одинъ изъ нихъ дерзкимъ тономъ спросилъ, долго-ли Олафсенъ еще будетъ стоять здѣсь? Наконецъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ ночей г. Олафсенъ сталъ замѣчать киргиза, бродившаго съ ружьемъ около его палатки. Этого киргиза г. Олафсенъ въ ночь съ 10-го по 11-е августа арестовалъ, связалъ и доставилъ на Памирскій постъ, прося охраны отъ киргизовъ

Зная нравы полудикихъ, невѣжественныхъ киргизовъ и понимая, что г. Олафсенъ, благодаря обстановкѣ, въ которой экспедиція долго жила на Памирахъ въ полномъ одиночествѣ, вполнѣ естественно могъ преувеличить невѣжественныя выходки киргизовъ, генералъ-майоръ фонъ-Ремлингенъ послалъ впередъ въ лагерь г. Олафсена волостного старшину памирскихъ киргизовъ, безъ военнаго конвоя, а вслѣдъ за нимъ и самъ прибылъ въ этотъ лагерь 16 августа. Въ лагерѣ все было въ полномъ порядкѣ и спокойствіи. Киргизы ближайшаго кочевья были собраны и волостной доложилъ, что киргизы торжественно отвергаютъ какое-либо покушеніе на датскую экспедицію и никакихъ претензій не заявляютъ, что онъ нашелъ трехъ киргизовъ, которые дозволили себѣ дерзкое обращеніе на словахъ съ г. Олафсеномъ, своею властью ихъ наказалъ и впредь ручается за полную безо-

пасность экспедиціи. Генералъ-майоръ фонъ-Ремлингенъ объяснилъ имъ обязанности, какъ русскихъ подданныхъ, къ посторонним лицамъ и вообще къ иностраннымъ подданнымъ, посѣщающимъ Памиры съ разрѣшенія Его Величества Государя Императора въ особенности и заставилъ трехъ наказанныхъ просить прощенія у г. Олафсена и, убѣдившись, что даже сотрудники г. Олафсена не вѣрили въ серьезность намѣренія киргизовъ, уѣхалъ изъ лагеря 17 августа. Изъ свѣдѣній офицеровъ, проѣхавшихъ въ началѣ сентября по Большому Памиру, видно, что послѣ 16 августа и до 5 сентября экспедиція, безъ всякаго военнаго конвоя, прошла отъ озера Булунъ-коля до Лянгарскаго поста, никѣмъ не обезпокоенная.

Такимъ образомъ, телеграмма о нападеніи киргизовъ на экспедицію г. Олафсена лишена основанія.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г, № 2790.—Приговоръ по дѣлу о мятежникахъ.

Опубликованъ приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа, подписанный командующимъ войсками генералъ-лейтенантомъ Духовскимъ. Въ приказѣ перечислены 48 туземцевъ Ферганской области, составляющіе вторую группу изъ числа арестованныхъ въ Андижанѣ по дѣлу о вооруженномъ нападеніи на лагерь русскихъ войскъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., № 2840.—Вѣсти о киргизской ордѣ

Г. астраханскому губернатору, при посѣщеніи киргизской орды, должностными лицами представлены были почетные рапорты, изъ коихъ видно, что экономическое состояніе орды въ настоящемъ году въ общемъ вполнѣ удовлетворительно. По счетамъ казначейства недоимокъ по сбору подати со скота за населеніемъ не состоитъ; по Торгунской и Калмыцкой частямъ недоимки прежнихъ лѣтъ погашены. Урожай травъ средній, подножные корма повсемѣстно хороши, сѣнные запасы пополняются; въ запасные магазины упомянутыхъ частей свезено $184.417^1/_2$ пуд. сѣна. Выяснившіяся операціи Ахунской ярмарки представляются въ слѣдующемъ видѣ: по 21 сентября на ярмарку доставлено 5427 головъ крупн. рогат. скота, 5127 головъ мелкаго, 1650 лош., 1027 вербл., привезено 1035 шт. разныхъ кожъ, 15200 овчинъ и 470 пуд. шерсти; болѣе $^2/_3$ приведеннаго скота и все доставленное на ярмарку количество сырыхъ животныхъ продуктовъ продано по слѣдующимъ цѣнамъ: быки отъ 30 до 45 руб., коровы 20—30 руб., лошади 30—65 р., верблюды 40—70 руб., овцы 3—5 руб, козы отъ 2 до 3 руб., овчины отъ 35—60 коп., шерсть—2 р. 80 к. за пудъ.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1898 г., № 2853.—Ахунская ярмарка.

Ходъ торговли на осенней ярмаркѣ при Ахунскомъ хуторѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. На ярмарку было привезено разныхъ товаровъ и пригнано на продажу скота всего на сумму 653.396 руб. 50 коп., а продано на 376.036 руб. 50 коп. Привезено болѣе прошлаго года на 61.386 р. 50 к. а продано болѣе на 176.052 руб. 50 коп. Въ настоящемъ году скота изъ

русскихъ поселеній пригнали сравнительно немного, вслѣдствіе чего киргизскій скотъ, за отсутствіемъ конкуренціи, продавался по довольно высокимъ цѣнамъ. Выручивъ значительныя суммы отъ продажи скота, киргизы получили возможность закупать на ярмаркѣ все необходимое: одежду, обувь, кибиточныя и хозяйственныя принадлежности и т. п., чѣмъ не мало способствовали оживленію торговыхъ оборотовъ ярмарки, достигшихъ въ настоящемъ году крупной суммы въ 1.032.433 руб. Внутри ярмарочнаго двора въ особыхъ корпусахъ торговали сукномъ, бархатомъ, шелковыми и шерстяными матеріями, ситцами, мѣхами, тюбетейками, коврами, одѣялами, киргизскими халатами, бухарскими и хивинскими шелковыми издѣліями, обувью, сѣдлами, упряжью и металлическими издѣліями. Товары эти доставлены изъ Саратовской, Самарской и Астраханской губерній и изъ городовъ Казани и Оренбурга, частью же изъ Ханской Ставки и Новой Казанки. Внѣ ярмарочнаго двора производили торговлю ставочные торговцы колоніальными товарами, лѣсомъ и посудою. Кибиточный, строительный лѣсъ и уникникъ привезены были съ Владимірской пристани, деревянныя издѣлія, рамы, ведра, чашки и т. п. изъ Саратовской и Астраханской губерній; деготь и керосинъ изъ селъ Царевскаго уѣзда. Изъ издѣлій киргизской орды продавались кибиточныя рѣшетки, кошмы, орчаки и кибиточныя двери. Мануфактурныхъ товаровъ всего привезено было на 181.300 руб. и продано на 95.700 руб., бакалейнаго товара доставлено 12.000 руб. и продано на 6150 р., галантерейнаго товара на 300 руб. и продано на 120 руб.; кожевеннаго товара на 26.603 руб. 50 к. и продано на 16.453, при чемъ кожами и овчинами расторговались вчистую; пушного товара было на 3000 руб. и продано на 500 руб.; шапокъ, тюбетеекъ и азіатской обуви на 30.200 руб. и продано на 18.000 руб.; металлическихъ издѣлій доставлено на 17.000 руб., продано на 900 руб., сельско-хозяйственныхъ произведеній на 31.700 руб. и продано на 19400 р. Затѣмъ пригнано крупнаго рогатаго скота 5427 гол., барановъ 5127 гол., лошадей 1650 гол., верблюдовъ 1027 г., на сумму 291.345 руб., продано же на 20.6117 руб. Овечьей шерсти было немного, всего 470 п. на 1316 руб., продана вся. Киргизское сѣно, привезенное на сумму до 800 р., продавалось отъ 15 до 25 к. за пудъ. Оптомъ торговали скотомъ и мукою. На ярмарку прибыло до 8000 чел., въ томъ числѣ около 1000 чел. русскихъ и 23 иностранца, остальную массу составляли татары и киргизы; торговцевъ участвовало около 250. За ярмарочныя помѣщенія и мѣста выручено 1576 руб., за мѣста и балаганы внѣ ярмарочнаго двора и за стоянку скота 1580 р. 97 коп.

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что ярмарка прошла при условіяхъ, вполнѣ благопріятныхъ, особенно для торговцевъ скотомъ и сырыми животными продуктами. Нельзя еще не отмѣтить, что спиртныхъ напитковъ было доставлено на ярмарку поразительно мало-всего на 2932 руб., продано же только на 1184 руб.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1899 г., № 2922.—Легенда о киргизахъ.

Сообщается, что газета «Уралъ» воспроизводитъ легенду о киргизахъ, записанную извѣстнымъ оріенталистомъ В. В. Радловымъ и переведенную *Н. Ѳ. Катановымъ* (Тобольскъ, 1896), какъ преданіе тобольскихъ татаръ, до сихъ поръ въ періодическихъ изданіяхъ не появлявшееся.

Скитались по степи четыре вора и замѣтили вдали какія-то два черныя пятна. Подойдя ближе, они увидали двухъ женщинъ-нищихъ. Разговорились, познакомились и, въ концѣ-концовъ, на одной изъ женщинъ женились два вора, а на другой—другіе два. Отъ этихъ браковъ произошло множество дѣтей. Отцы занимались воровствомъ, угоняя отовсюду много скота; матери устраивали изъ кошомъ палатки и кибитки. Такъ образовался кочевой народъ,—нарождался, росъ, умножался и наполнялъ собою всѣ степи и низменности, не переставая заниматься воровствомъ. Много лѣтъ спустя, родился одинъ мужъ, по имени Бутай. Рѣчь у него была сладка, какъ сахаръ. Онъ сталъ царствовать надъ этимъ народомъ, который сталъ носить имя «киргизскій». Стали киргизы воровать скотъ въ Испагани, но испаганскій царь приказалъ своему войску прогнать этихъ воровъ. Они убѣжали въ Индостанъ и здѣсь своимъ воровствомъ вывели мирныхъ жителей изъ терпѣнія. Ихъ прогнали, и они ушли въ Кабулъ, но кабульскіе люди ловили воровъ и вѣшали. Киргизы убѣжали и засѣли у города Бухары, продолжая заниматься воровствомъ, но бухарскій ханъ собралъ войско и погналъ ихъ за Сыръ-Дарью. Ханъ отдалъ такой приказъ: «киргизы не должны переходить черезъ Сыръ-Дарью. Рѣка эта будетъ границею ихъ земли. Пусть и зиму, и лѣто киргизы проводятъ за Сыръ-Дарьей, такъ какъ въ противномъ случаѣ, живя близко, они будутъ творить много зла.»

Сдѣлавшись мусульманами, они попрежнему остались врагами, получивши наклонность къ воровству, какъ наслѣдство отцовъ; осталось у нихъ нищество, какъ наслѣдство матерей, и ложная божба, какъ слѣдствіе прелюбодѣянія незаконнаго брака, отъ котораго произошелъ киргизскій народъ.

См. Бремъ, А.—Бытовая и семейная жизнь киргизовъ.—«Нива»,—«Ежемѣсячныя приложенія», 1894 г., № 2.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1899 г., № 2923.—Ярмарка въ Ханской Ставкѣ.

Ярмарка въ Ханской Ставкѣ прошла при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ. Торговали по преимуществу мѣстными ордынскими произведеніями. Цѣны стояли высокія: верблюды проданы, въ среднемъ, по 39 р., лошади по 21 р., рогат. скотъ по 22 р., мясныя пути по 12 р., бараньи по 4 р., бараны по 4 р., кожи отъ 3 до 5., овчины отъ 75 к. до 2 р., мука 5 р. за мѣшокъ, возъ сѣна 2 р. 50 к. Обороты ярмарки выразились въ суммѣ 136.159 р. 71 к., превысивъ оборотъ предшествовавшаго года на 69.668 р. 91 к. Столь удачнымъ результатомъ ярмарка обязана урожаю кормовыхъ травъ въ киргизской ордѣ, вслѣдствіе чего скотъ, составлявшій главный предметъ торговли, былъ «въ тѣлѣ» и охотно раскупался промышленниками. Хорошій результатъ ярмарки легко усматривается изъ сопо-

ставленія цифры привоза и стоимости проданнаго: привезено было на 69 919 р. 66 к., а продано на 66.290 р 5 к.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1899 г., № 2993.—Населеніе Астраханской губерніи.

Къ 1 января 1899 года киргизовъ въ Астраханской губерніи считалось 9931 человѣка.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1899 г., № 3000. Убійство киргизскаго семейства.

10 апрѣля, въ 6 верст. отъ слоб. Николаевской, на казенной землѣ, арендуемой крест. А. П. Красюковымъ, обнаружено убійство цѣлой семьи киргиза Асбендирма Нарумова, 65 л., состоящей изъ него самого, 2 женъ: Нурушъ, 55 л., и Джантозы, 23 л., внука 12 л. и работника—30 л. Утромъ 10 апрѣля пристава 5 ст., Царев. уѣзда. извѣстили объ этомъ убійствѣ, и, прибывъ на мѣсто, онъ засталъ Нарумова, еще въ—живыхъ. Его отправили въ лѣчебницу, гдѣ Нарумовъ скончался черезъ сутки, не приходя въ сознаніе. Остальные убиты съ сильными поврежденіями. Изъ дознанія выяснилось, что наканунѣ убійства, 9 апрѣля, торговцы агарянскими товарами въ концѣ слободы видѣли проѣхавшихъ въ степь киргизовъ на парѣ лошадей, а у кибитки найдены слѣды повозки. Киргизы были прослѣжены и задержаны; у нихъ найдены два топора со слѣдами свѣжей крови и мозга и шкворень, а одежда у киргизовъ обрызгана кровью. Убійство было съ цѣлью ограбленія. Нарумовъ-человѣкъ зажиточный.

«Астраханскій Вѣстникъ», 1899 г. № 3024.—Народное образованіе.

Во Внутренней киргизской ордѣ было въ 1898 г. 24 школы (637 учащихся, изъ нихъ 33 дѣв.). Преподавателей состояло 30; православныхъ учениковъ 44 и магометанъ 593; русскихъ 44, киргизовъ 573 и татаръ 20. Кромѣ того въ ордѣ имѣются еще магометанскія «медресе» и мектебе». Къ 1 января 1899 г. такихъ школъ было 60, при одной изъ нихъ открытъ русскій классъ. Обучалось мальчиковъ 1436 и дѣвочекъ 243, всего 1679. Въ медресе и мектебе мальчиковъ учатъ магометанскіе ахуны, указные и частные муллы, а дѣвочекъ-жены муллъ (такихъ учительницъ—27).

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1841 г., № 33 и 34.—

Охрана рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ въ 1840 г.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1843 г., № 18.

Говорится объ относѣ по Каспійскому морю на льду 57 уральскихъ казаковъ съ рабочими изъ киргизовъ въ февралѣ 1843 г.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1855 г., №№ 22—25, 29—41, 45—51.—Замѣчанія о киргизской степи (рукопись неизвѣстнаго автора).

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1856 г., №№ 1, 3, 10, 11, 14, 22, 25, 29, 30 и 34.—Замѣчанія о киргизской степи.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1856 г., № 28 и 41.—О ходѣ торговли на ярмаркахъ близъ ставки Рынъ-Пески.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1857 г., № 46.— Свѣдѣнія объ осенней ярмаркѣ Внутренней киргизской орды, близъ Ханской ставки.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1873 г., №№ 90 и 97.—О весенней ярмаркѣ при Ахунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской Орды.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1876 г., № 51.
Общій видъ Астрахани, описаніе киргизовъ и калмыковъ.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1881 г., № 61.— Высочайшій пріемъ киргизской депутаціи.

«Астраханскія Губернскія Вѣдомости», 1885 г., № 72.— О ходѣ торговли на весенней 1885 г. ярмаркѣ при Ахунскомъ хуторѣ во Внутренней киргизской ордѣ.

«Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости», 1882 г., № 11 —Стремленіе киргизовъ къ обрусенію и средства къ тому.

«Астраханскій Листокъ» [1]), 1886 г., №№ 159, 179, 208, 210 215 и 216.—Ханская Ставка.
Корреспонденція объ училищахъ, ярмаркѣ etc.

«Астраханскій Листокъ», 1886 г., № 224.—Безпечность киргизовъ.

«Астраханскій Листокъ» 1892 г., № 56.—Народныя примѣты и времяисчисленіе у киргизовъ.

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», говорится въ «Листкѣ», помѣщена весьма любопытная замѣтка подъ заглавіемъ—«Исчисленіе времени года по киргизскому стилю, съ обозначеніемъ народныхъ примѣтъ», Эта замѣтка одинаково заслуживаетъ вниманія, какъ этнографа, такъ и историка. Киргизская народность, сталкиваясь съ древнѣйшихъ временъ съ окружающими ее болѣе культурными народами, заимствовала отъ нихъ нѣкоторыя научныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ на астрономическомъ календарѣ киргизовъ отразилось соединенное вліяніе культуръ древнихъ семитическихъ народовъ, а въ особенности арабской: здѣсь умѣстились рядомъ и древне-персидскій «наурузъ», и пророкъ Илія, и созвѣздія Зодіака. Свѣдѣнія о послѣднихъ могли перейти къ киргизамъ отъ арабовъ, бывшихъ одно время, какъ извѣстно, единственными наслѣдниками птоломеевыхъ открытій. Впрочемъ, во вліяніи арабской культуры въ этомъ отно-

---

[1]) «Астраханскій Справочный Листокъ» издается съ 1866 года. Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

шенія потому уже не можетъ быть сомнѣнія, что самыя названія эклиптикальныхъ знаковъ внесены въ киргизскій астрономическій календарь арабскими же словами.

Мартъ—первый мѣсяцъ въ астрономическомъ году киргизовъ; онъ называется «хамаль» и имѣетъ 31 день; въ пятнадцатый день этого мѣсяца—прилетъ грачей, наступленіе равноденствія и начало «саль-хамаль», т. е. новаго года.

Сауръ (апрѣль) имѣетъ 31 день; съ наступленіемъ саура, говорятъ киргизы, начинаетъ кричать «худхудъ» (потатуйка); если годъ предвидится хорошій, она кричитъ на 5—10 дней ранѣе обыкновеннаго; къ пятнадцатому числу саура распускаются почки розъ, что означаетъ конецъ зимы. Пятнадцатый день—нагайка пророка «Хизръ-Ильяса», т. е. въ этотъ день, по древнему киргизскому преданію, пророкъ Илья машетъ, по извѣстному направленію, нагайкой, вслѣдствіе чего трескаются и трогаются рѣки. Въ двадцатый день—закатъ звѣздъ «Уркаръ» (Плеяды) и разрѣшеніе водянымъ потокамъ.

Джауза (май) имѣетъ 32 дня; начинаетъ чирикать воробей-самецъ, распускаются всѣ деревья, настаетъ время тканья «тукышъ»; въ день тукыша наступаетъ начало «джазъ-токсана», т. е. весенняго девяноста.

Саратанъ (іюнь) имѣетъ 31 день; въ этомъ мѣсяцѣ начинаетъ пѣть саргалдакъ (иволга), нарождается Уркаръ (Плеяды); до того звѣзды эти незамѣтны человѣческому взору. Затѣмъ, съ 9 на 10 саратана наступаетъ «джазъ-чилле» (лѣтніе, жаркіе мѣсяцы). Дни въ это время бываютъ длинны, а ночи коротки.

Ӑседъ (іюль) имѣетъ 31 день; двадцатаго аседа—окончаніе джазъ-чилле.

Сумбле (августъ) имѣетъ 31 день; пятнадцатаго наступаетъ начало терма-токсана», т. е. девяноста, періодъ времени жатвы и сбора, а также отдѣленія птицъ, т. е. стаи разбиваются на отдѣльныя пары. Затѣмъ начинается окрыленіе молодыхъ утокъ, улетъ ихъ отъ матерей, и наконецъ «джазъ-токсана».

Мизанъ (сентябрь). Одновременно съ его наступленіемъ начинается осеннее равноденствіе; пятнадцатаго—«хазанъ», т. е. желтѣніе листьевъ древесныхъ; дни становятся короче, а ночи длиннѣе.

Акрабъ (октябрь) имѣетъ 30 дней; въ пятнадцатый день этого мѣсяца улетаютъ гуси, идетъ снѣгъ, замерзаетъ вода, а въ благопріятный годъ замерзаніе замедляется на пять или на десять дней. Если въ акрабѣ выпадаетъ снѣгъ своевременно, то мѣсяцъ этотъ будетъ теплый.

Каусъ (ноябрь) имѣетъ 29 дней; къ пятнадцатому дню этого мѣсяца наступаетъ «кысъ-токсанъ», т. е. зимнее девяносто.

Джедде (декабрь) имѣетъ 29 дней; пятнадцатаго дня джедде наступаетъ «кысъ-чилле (зимніе холодные мѣсяцы) и разница въ дняхъ, т. е. уменьшавшіеся въ началѣ этого мѣсяца дни къ концу его начинаютъ увеличиваться

Дѣлю (январь) имѣетъ 30 дней; съ наступленіемъ его настаетъ средина зимы: пятнадцатаго числа этого мѣсяца медвѣдь (въ берлогѣ) перево-

рачивается съ одного бока на другой; двадцатаго кончается кысъ-чилле, а въ послѣдніе десять дней мѣсяца люди восклицаютъ: охъ! охъ! (какъ холодно)!

Хутъ-хутъ-айы (февраль). Съ наступленіемъ этого мѣсяца начинаютъ шевелиться и плавать въ рѣкахъ рыбы; къ пятнадцатому дню хута — кончается кысъ-токсанъ и наступаетъ «бахаръ» (весна). Хутъ служитъ началомъ «токсана» (девяноста); затѣмъ, настаетъ восемь дней «дряхлыхъ старцевъ» и семь дней «оби-рахметэ», т. е. благодатныхъ дождей или снѣга и хутъ кончаетъ свои тридцать дней.

Наконецъ наступаетъ «наурузъ», т. е. первый день марта; съ половины этого мѣсяца начинается новый годъ, или «саль-хамаль», который почитается киргизскимъ и вообще мусульманскимъ населеніемъ и празднуется торжественно. Необходимо замѣтить, что названіе всѣхъ перечисленныхъ мѣсяцевъ происходятъ отъ арабскихъ словъ. Такъ, напр., джауза означаетъ по-арабски «близнецы», саратанъ—«ракъ», аседъ—«левъ», сумбле—«колосъ», мизанъ—«вѣсы», акрабъ—«скорпіонъ», каусъ—«стрѣлецъ», джедде—«козерогъ», далю—«водолей», хутъ—«рыбы», и т. д.

Что касается «науруза» или начала марта, то между киргизами приняты три разныхъ числа для него, разновременно введенныхъ и установленныхъ. Самый древній наурузъ, обще-киргизскій—1 марта; второй—старо-персидскій наурузъ—9-е марта; его персидское названіе—«кӧкъ-тасъ», т. е. синій камень. На этотъ счетъ сохранилось среди киргизовъ повѣрье, что въ Бухарѣ существуетъ синій камень, который въ 9-й день марта размягчается на одну минуту, такъ что въ него можно воткнуть ножъ и, если не успѣютъ его во время вынуть, то ножъ въ этомъ камнѣ затвердѣетъ. Это повѣрье, повидимому, занесено къ киргизамъ бухарцами, которые, какъ извѣстно, приписываютъ сверхъ-естественную силу самаркандскому зданію «кӧкъ сарай». Наконецъ, третій и послѣдній наурузъ введенъ однимъ киргизскимъ астрономомъ изъ племени султановъ Сыпкскихъ, Байбактинскаго рода, и названъ, по его имени, «Казыбекъ-наурузъ». Казыбекъ ввелъ между киргизами, и даже въ Туркестанѣ, свое новое исчисленіе времени, разнящееся отъ перваго науруза на 12—13 дней. Послѣдній стиль уже принятъ почти всѣми киргизами, держится особенно строго племенемъ султановъ Сыпкскихъ.

«Астраханскій Листокъ», 1892 г, № 210.—Новое предпріятіе Общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

Къ концу сентября мѣсяца 1892 года, говоритъ газета, закончила свою дѣятельность большая экспедиція, снаряженная Обществомъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги и геологическимъ комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, работавшая цѣлое лѣто, подъ руководствомъ С. Н. Никитина, въ составѣ 10 человѣкъ различныхъ ученыхъ и техниковъ. Экспедиція имѣла задачею разностороннее научное и техническое изслѣдованіе области зауральскихъ степей и Усть-Урта до предѣловъ Хивы. Экспедиція произвела правильныя изысканія желѣзно-дорожнаго и колеснаго пути изъ Уральска, черезъ г. Уилъ, Усть-Уртъ къ Кунграду въ усть-

ях р. Аму-Дарьи, а отсюда снова через Усть-Урт к селенію Жилая Коса, на Каспійском море, далѣе въ обходъ болотъ соляныхъ грязей въ устьяхъ р. Эмбы, Сагиза и Урала къ Гурьеву и вдоль Урала къ Уральску. Пройдено съ боковыми экскурсіями, частью совмѣстно всею экспедиціею, частью отдѣльными партіями болѣе 3000 в., при чемъ большая часть пути снята инструментально и частью маршрутною съемкою.

Экспедиціи, предоставленной своимъ средствамъ и своимъ запасамъ, пришлось двигаться исключительно среди кочевого населенія, не знающаго по большей части иныхъ занятій, кромѣ разведенія барановъ и верблюдовъ. Экономистомъ и начальникомъ экспедиціи собрана масса данныхъ о современномъ экономическомъ состояніи степи и ея населенія, о скотоводствѣ, торговыхъ путяхъ, главныхъ направленіяхъ караваннаго движенія, о ярмаркахъ и торговыхъ центрахъ въ Уилѣ и Темирѣ и вообще о торговомъ движеніи между Уральскомъ, Уиломъ, Гурьевомъ, Жилою Косой и Хивой. Отмѣчены и изучались всѣ тѣ природныя явленія страны, которыя могли бы поднять экономическое благосостояніе и производительность края и, между прочимъ, возможность развитія земледѣлія, находящагося здѣсь еще въ зачаткѣ. Особенное вниманіе было обращено на водоносность степи, условія распредѣленія въ ней прѣсныхъ и солоноватыхъ водъ, образованіе соляныхъ озеръ и рѣкъ, несущихъ соленую и горькую воду, условія введенія различныхъ мѣръ искусственнаго орошенія степи и вообще увеличенія на ней площадей, годныхъ для культуры. Горный инженеръ, прикомандированный къ экспедиціи, имѣлъ спеціальное порученіе выяснить, помощью буровыхъ работъ, вопросъ о нефтеносности нѣкоторыхъ источниковъ и колодцевъ и опредѣленіе характера залеганія мощности и качества нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ соляныхъ озеръ.

«Астраханскій Листокъ», 1892 г., № 230.—Дѣятельность Казанской духовной академіи по отношенію къ Астраханскому краю.

Въ статьѣ находятся свѣдѣнія о Н. И. Ильминскомъ. Ильминскій былъ замѣчательный знатокъ татарскаго и арабскаго языковъ. Въ интересахъ изученія живого татарскаго языка, онъ, переодѣтый, путешествовалъ по татарскимъ деревнямъ Казанской губерніи; въ Казани же долгое время онъ жилъ въ татарской слободѣ, въ центрѣ мусульманства; въ цѣляхъ изученія арабскаго языка, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ на мусульманскомъ востокѣ. Нѣкоторое время Ильминскій служилъ въ Оренбургѣ въ Пограничной Коммисіи. Близко познакомившись съ киргизами, онъ полюбилъ ихъ и ихъ языкъ и замѣтилъ, какой сильной опасности подвергается эта народность отъ вліянія на нее татарской народности, что замѣчалось и по отношенію къ Букеевской ордѣ. Ученыя симпатіи не оставляли его и среди служебныхъ занятій. Къ этому времени его службы относится нѣсколько печатныхъ трудовъ, навѣянныхъ близкимъ знакомствомъ съ киргизами. Въ 1858 году въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества» (т. II) явилась его статья: «Древній обычай распредѣленія кусковъ мяса у киргизовъ»; въ 1861 году онъ издалъ киргизскую народную повѣсть «Ер-Таргинъ» и «Самоучитель русской грамоты

для киргизовъ на русскомъ и киргизскомъ языкахъ» и напечаталъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета», — «Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія» (1860 г, кн III., 1861 г., кн. III).

«Астраханскій Листокъ», 1892 г., № 237.—Киргизское стихотвореніе.

Присутствіе наслѣдника Цесаревича, во время путешествія его на Востокѣ, въ киргизской степи, вдохновило кочевнику поэтическое чувство, которое вылилось въ весьма своеобразномъ, дѣтски наивномъ, безхитростномъ стихотвореніи. Самое стихотвореніе перепечатанно изъ «Особаго Прибавленія къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ».

«Астраханскій Листокъ», 1892 г.; № 246.—Киргизъ Ногай-бай, замѣчательный народный поэтъ-пѣвецъ.

Перепечатка изъ «Этнографическаго Обозрѣнія», 1889 г., кн. III.

«Астраханскій Листокъ», 1892 г., № 249. Въ отдѣлѣ «Лѣтопись» помѣщена замѣтка—«Помощь во время», гдѣ говорится, что прибылой водой моряны у киргизовъ приморскаго округа Внутренней орды унесло массу скота. Киргизы становятся на зимовку на буграхъ. Поднялась сильная моряна, ерики и ильмени вышли изъ береговъ и уровень воды поднялся такъ, что скоту негдѣ было помѣститься. Сами киргизы вынуждены были спасаться на вершинахъ бугровъ, на стогахъ сѣна и на крышахъ своихъ землянокъ. Положеніе ихъ на синеморскихъ буграхъ оказалось прямо трагическимъ, потому что вода держалась въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, пока дулъ вѣтеръ. Ни пищи, ни питьевой воды не было. Голодные, ежеминутно страшившіеся за цѣлость своей жизни, киргизы свободно вздохнули, когда вѣтеръ сталъ затихать, но надо было ждать еще продолжительное время, пока спадетъ вода, чтобы считать себя спасенными. На выручку явились лодки съ провизіей и пр., посланныя съ синеморскихъ промысловъ Ѳ. П. Базилевскаго. Лодки эти разъѣзжали отъ бугра къ бугру, развозя хлѣбъ и помогая, чѣмъ можно, очутившимся въ бѣдственномъ положеніи киргизамъ. Особенно сильно пострадали киргизы, зазимовавшіе на низкихъ мѣстахъ.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 3.

Сообщается, что въ № 150» «Собранія узаконеній и распоряженій правительства», отъ 25 декабря, напечатано—«О расходахъ по мѣропріятіямъ противъ падежей скота въ киргизскихъ степяхъ».

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 18. Киргизы въ Саратовѣ.

Сообщается, что на берегу Волги, подъ Казанской дамбой, въ Саратовѣ раскинулся импровизованный киргизскій аулъ, съ походной юртой.

Это расположились лагерем извозчики-киргизы, доставившіе въ Саратовъ свѣжую рыбу съ низовьевъ Урала; весь обозъ, весьма значительный, составлялъ въ пути смѣшанную партію русскихъ и киргизовъ, на лошадяхъ и верблюдахъ; на мѣстѣ караванъ разбился на части: конные извозчики расположились на ночлегъ въ Саратовѣ, русскіе на верблюдахъ—въ слободѣ Покровской, а киргизы, привыкшіе къ степнымъ равнинамъ, предпочли раскинуть свою юрту и расположиться таборомъ подъ открытымъ небомъ, бокъ о бокъ съ широкимъ просторомъ Волги съ ея песчаными островами и займищами.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 15. Къ переселенческому вопросу.

Статья имѣетъ косвенное отношеніе и къ киргизамъ (въ Туркестанскомъ краѣ).

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 48.—Волшебные заговоры киргизовъ.

Среди множества суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ киргизовъ, особенно любопытны, такъ называемые, волшебные заговоры. Одному изъ изслѣдователей—этнографовъ Сыръ-Дарьинской области удалось записать волшебный заговоръ мѣстныхъ кочевниковъ, заключающійся въ заклинаніи ядовитыхъ насѣкомыхъ, змѣй и т. п. Заговоръ приводится въ дословномъ переводѣ съ подстрочными примѣчаніями.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 80. «Кривда и правда», киргизская сказка.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г. № 96. Первыя скачки и рысистый бѣгъ на ипподромѣ «Астраханскаго общества скачекъ»—2 мая 1893 г.

Изъ лошадей киргизскихъ породъ отличились «Тесыкъ», 8 лѣтъ, А. Идрисова,—«Сипаръ», 7 лѣтъ, М. Тямятева,—«Тулпаръ», 7 лѣтъ, Мусрабава и «Шошай», 9 лѣтъ, Бекъ-Мухамнедова

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 103.—Шалости кочевниковъ.

Сообщеніе о нападеніи киргизовъ на одного изъ торговцевъ-армянъ, К-ва, ѣхавшаго съ рабочимъ калмыкомъ. Нападавшіе не побоялись даже берданки, которою былъ вооруженъ К-въ, и нѣсколько разъ пытались окружить его... Такія нападенія довольно часты въ степи. Большая часть нападающихъ завязываютъ свои лица платками и указать ихъ впослѣдствіи потерпѣвшему очень трудно. Въ случаяхъ, когда проѣзжающій не вооруженъ, киргизы безцеремонно обираютъ его, хотя, правда, не дозволяютъ себѣ покушаться на самую личность потерпѣвшаго.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 113.—Военно-конская перепись.

Сообщаются свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ военно-конской переписи во Внутренней киргизской ордѣ, гдѣ лошади славятся выносливостью и бѣгомъ.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 117.—Несчастные смертные случаи.

Сообщается объ утонувшихъ ловцахъ-киргизахъ—Лухманѣ Нурлугумовѣ, 25 лѣтъ, Масупѣ Сарбасовѣ, 19 лѣтъ, Сарсенѣ Чутановѣ, 18 лѣтъ и др.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 130.—Военно-конская перепись.

Перепись производилась подъ руководствомъ полковника главнаго штаба Лункевича и подъ наблюденіемъ, командированнаго во Внутреннюю орду главнымъ управленіемъ государственнаго коннозаводства, шт.—кап. Дубенскаго.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 134. Сообщается, что въ киргизской степи, вслѣдствіе бездождія, небывалая засуха.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 136. Сообщается, что въ числѣ окончившихъ курсъ Ташкентской гимназіи значится сынъ Перовскаго киргиза, Али Кутебарова, имѣющій намѣреніе поступить въ Медицинскую Академію.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 150.—Продѣлки киргизовъ.

Гурьевскіе промышленники, рыбачившіе въ морѣ осенью, были врасплохъ застигнуты NO и O-вымъ штормами. Сдѣлался сильный морозъ и появившимся льдомъ разнесло ловцовъ въ разныя стороны, между прочимъ и къ Маслинской, гдѣ посуды были охвачены льдомъ.—Рыбаки побросали все, т. е. лодки и все, что было въ нихъ, сами выбрались по льду на берегъ и пришли въ Гурьевъ. Оставленныя на зимовку посуды привлекли вниманіе киргизовъ-хищниковъ, и они съ посудъ обобрали весь такелажъ, порубили, преимущественно съ большихъ, мачты и увезли къ своимъ землянкамъ. Рыбакамъ, и помимо того потерпѣвшимъ большіе убытки, пришлось возвратиться къ посудамъ и найти ихъ въ невозможномъ видѣ.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 162.—Регистрація киргизскихъ лошадей.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 225.—Училище для киргизовъ съ общежитіемъ.

Изъ села Ганюшкина, Астр. губ., сообщается, что тамъ выстроено зданіе подъ училище для киргизовъ съ общежитіемъ. Зданіе на 40 учениковъ. Классныя и спальныя комнаты прекрасно расположены и довольно помѣстительны: Училище выстроено и будетъ содержаться на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Среди киргизовъ это училище пока встрѣтило недовѣріе.—Они смотрятъ на него, какъ на ловушку, съ цѣлью

обращенія ихъ въ православіе. Если не ошибаемся, говоритъ авторъ, это училище первое въ нашей губерніи, спеціально предназначенное для киргизовъ.

Надо замѣтить: училище, по счету, девятое Никакого вопроса о недовѣріи къ нему не было, такъ-какъ киргизы свободно отдаютъ своихъ мальчиковъ въ учебныя заведенія, не только спеціально для нихъ устроенныя, но и въ гимназіи, реальныя училища, учительскія школы и т. п.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 254. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ киргизской степи.

Въ Астраханской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда обвинялись старшина Дюйсенбенъ и управляющій Торгунской частью Мукашевъ—оба въ преступленіи по должности. Суть этого характернаго дѣла такова. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1888 года во временный совѣтъ по управленію Внутренней киргизской ордой поступили два прошенія—одно киргиза Уразаліева, а другое киргиза Байдаува. Тотъ и другой просили о выдачѣ имъ изъ ссудной кассы по 200 рублей заимообразно. Къ прошеніямъ приложены были удостовѣренія мѣстнаго старшины Дюйсенбена о количествѣ скота, которымъ владѣли просители-Уразаліевъ и Байдаувъ, а также представлены письменныя поручительства нѣсколькихъ лицъ, ручавшихся за исправность возврата ссудъ. Какъ прошенія Уразаліева и Байдаува, такъ и удостовѣренія старшины Дюйсенбена въ совѣтъ поступили отъ управляющаго Торгунскою частью Мукашева, который въ свою очередь удостовѣрилъ, что все сказанное въ представляемыхъ документахъ вѣрно. Всѣ эти документы вполнѣ удовлетворяли требованіямъ устава ссудной кассы Внутренней киргизской орды, почему ходатайства Уразаліева и Байдаува были удовлетворены. Талоны ассигновокъ вручены были просителямъ черезъ тѣхъ же лицъ—управляющаго частью Мукашева и старшину Дюйсенбена. Въ полученіи ссудъ, за неграмотныхъ Уразаліева и Байдаува, расписался Дюйсенбенъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1889 года въ совѣтъ по управленію киргизской ордой поступило отъ упомянутыхъ Уразаліева и Байдаува заявленіе такого рода, что до свѣдѣнія ихъ дошло о выдачѣ имъ будто бы ссуды по 200 рублей каждому, но это-де невѣрно, такъ какъ ни тотъ, ни другой о ссудѣ не просили и денегъ они не получали, даже въ зиму 1888—1889 года никуда изъ ауловъ не ѣздили и въ Ханской Ставкѣ для полученія ссуды быть не могли. Заявленіе подтвердили десятки лицъ, указанныхъ въ качествѣ свидѣтелей.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 256.—Къ дѣлу о злоупотребленіяхъ въ киргизской степи

Астраханская соединенная палата объявила свой приговоръ по дѣлу о киргизскомъ старшинѣ Дюйсенбенѣ и управляющемъ Торгунскою частью Мукашевѣ, обвинявшихся—первый въ выдачѣ удостовѣреній съ завѣдомо невѣрными свѣдѣніями, послѣдствіями чего было то, что какія то два лица, назвавшись киргизами Уразаліевымъ и Байдаувомъ, получили изъ ординской ссудной кассы по 200 рублей заимообразно; второй же—Мукашевъ.

обвинялся въ небрежности по службѣ, выразившейся въ томъ, что онъ, получивъ отъ старшины Дюйсенбена документы, требуемые уставомъ ординской ссудной кассы, не провѣрилъ этихъ документовъ, объявленныхъ затѣмъ подложными. Палата оправдала обоихъ подсудимыхъ. Отсюда слѣдуетъ, что заявленія Уразаліева и Байдаува, а равно поручителей ихъ по ссудѣ о подложности составленныхъ отъ ихъ имени документовъ признаны незаслуживающими уваженія.

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 261.—Убійство несовершеннолѣтнимъ малолѣтняго.

Такое ужасное дѣло разсматривалось въ Астраханской соединенной палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда 22 ноября 1893 г. Киргизъ калмыцкой части Внутренней орды Искале Курмансеитовъ, юноша, по его заявленію, 15 лѣтъ, а по заключенію врача 17-ти, занимающійся пастушествомъ, обвинялся въ томъ, что съ цѣлью похищенія лошади изъ стада, пасшагося подъ надзоромъ другого пастуха, двѣнадцатилѣтняго мальчика Василія Денисенко, убилъ послѣдняго, бросивъ его въ глубокій колодезь, отъ чего Денисенко и умеръ. Убійство произошло около хутора, верстахъ въ шести отъ слоб. Капустина Яра, Царевск. уѣзда. Никакихъ наружныхъ признаковъ на трупѣ Денисенко не оказалось. Кромѣ того, нѣсколько свидѣтелей удостовѣрили, что они видѣли Курмансеитова скакавшимъ на похищенномъ изъ стада Денисенко иноходцѣ, при чемъ на Курмансеитовѣ одѣта была синяя рубашка русскаго, а не киргизскаго покроя. Это обстоятельство имѣло весьма важное значеніе, такъ-какъ Денисенко найденъ былъ въ колодцѣ безъ рубашки, а между тѣмъ на немъ была рубашка русскаго покроя и синяго цвѣта... Рѣшеніе суда отложено, вслѣдствіе необходимости собрать нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія

«Астраханскій Листокъ», 1893 г., № 279.—Обокраденные киргизы.

Въ ночь съ 15 на 16 декабря на постояломъ дворѣ по Сапожниковской ул. въ д. Афанасьева обокрадены киргизы. Потерпѣвшихъ двое. Пріѣхали они изъ степи, чтобы подрядиться въ рыболовныя конторы на весеннюю путину. Одинъ изъ нихъ имѣлъ 106 руб. денегъ для закупки нѣкоторыхъ предметовъ. Пришлось имъ здѣсь въ Астрахани переночевать на постояломъ дворѣ Афанасьева, арендуемомъ татариномъ Рахметуллою Абдуллинымъ. Послѣдній отвелъ киргизовъ въ помѣщеніе, имѣющее видъ хлѣва безъ наръ и лавокъ; помѣщеніе въ двѣ сажени длины и полторы ширины. Заѣзжихъ въ этомъ помѣщеніи ночевало двѣнадцать человѣкъ и въ-добавокъ въ углу навалена была разная конская сбруя: хомуты, сѣделки, узды и т. п. Такимъ образомъ, не только киргизы воруютъ, какъ приходится обыкновенно читать въ корреспонденціяхъ, но и у киргизовъ воруютъ.

Астрахань и Астраханская губернія. Описаніе края, общественной и частной жизни его. Изд. Н-мъ Ерм-мъ. Москва, 1852 г.

Ахвердовъ, Абдурахимъ-Бекъ.—«Русская жизнь», 1894 г., № 36.

Въ прежнія времена высшая администрація степного края, имѣя въ виду высокую задачу просвѣщенія степняковъ-киргизовъ, говоритъ г. Ахвердовъ, учредила общежитія при вѣрненской и омской гимназіяхъ на деньги, собираемыя ежегодно съ каждой кибитки трехъ областей — Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской. На эти же средства воспитывались киргизскія дѣти въ ветеринарной, фельдшерской и технической школахъ г. Омска. Многіе, окончивъ въ нихъ курсъ, отправились на родину, гдѣ приносятъ не малую пользу народу. Число учащихся бывало различно; въ одно время въ двухъ гимназіяхъ оно достигало 40 человѣкъ. Новая же администрація степного края отмѣнила всѣ эти порядки. Жаждущіе знанія должны теперь учиться не на общественный киргизскій счетъ, а на свой собственный. Вслѣдствіе этого нѣкоторые, дойдя до шестого и седьмого классовъ и не имѣя средствъ, должны были уѣхать къ роднымъ въ степь. Очень жаль, что разумныя благія начинанія прежней администраціи отмѣнены новой. Говорятъ, что на деньги, которыя собирались съ киргизовъ для образованія ихъ юношества, учреждены ссудо-сберегательныя кассы для киргизовъ же, о существованіи которыхъ большинство изъ нихъ не знаетъ. Очень грустно, что администрація не заботится объ образованіи полудикаго населенія. Даже еще въ двадцатыхъ годахъ великій законодатель Сперанскій, составляя уложеніе о сибирскихъ киргизахъ, имѣлъ въ виду именно ихъ образованіе; въ нѣкоторыхъ параграфахъ его устава говорится, что дѣти киргизскихъ султановъ и старшинъ должны приниматься на казенный счетъ въ учебныя заведенія, которыя имѣлись въ тогдашней Сибири. Удивительно! Прошло съ того времени около семидесяти лѣтъ, и что-же мы видимъ? Въ послѣднюю четверть XIX столѣтія, въ степномъ краѣ замѣчается обратное движеніе и уничтожаются благіе посѣвы прежнихъ дѣятелей... А еще мы шумимъ, кричимъ, желаемъ сліянія инородческаго элемента съ кореннымъ русскимъ, забывая, что только одно образованіе и цивилизація могутъ сблизить народности.

Б.—Киргизскій съѣздъ.—«Русскія Вѣдомости», 1895 г. № 306.

Б., А.—Киргизскіе обычаи.—«Новое Время», 1889 г., 18 Октября, № 4899.

Эта статья написана по поводу книги Н. И. Гродекова—Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области» и заключаетъ рецензію на этотъ весьма обстоятельный трудъ и извлеченія о происхожденіи киргизовъ, о свадебныхъ обрядахъ,—поговорки и т. д.

Б., И.—Казактан окуши балаларына (Киргизскимъ учащимся дѣтямъ)—«Тургайская Газета», 1898 г., № 35.

Б., П.—Султанъ Гази-Вали-Ханъ.—«Нива», 1891 г., № 11.

Султанъ Гази Булатовичъ Вали-Ханъ, полковникъ л.-гв. Атаманскаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка; это заслуженный, образованный офицеръ, и никто не узналъ бы въ немъ дикаго сына степей, предки котораго безпокоили Россію набѣгами, а дѣдъ, султанъ Габайдулла или Обайдулла, еще въ половинѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія принималъ участіе въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, хотя по смерти владѣтеля Большой и Средней ордъ Вали-Хана, въ 1824 году, киргизы этихъ ордъ были уже окончательно присоединены къ Россійской Имперіи. Къ Габайдуллѣ, старшему сыну Вали-Хана, наше правительство отправило посольство съ богатыми подарками и патентомъ на чинъ подполковника. Въ грамотѣ онъ былъ названъ старшимъ султаномъ, но этотъ титулъ Габайдуллѣ не понравился, а такъ-какъ, кромѣ того, правительство требовало у него уступки урочища Кокчетава подъ постройку города, то онъ подарковъ не принялъ, и въ отвѣтѣ, не соглашаясь на уступку помянутаго урочища, выразился, что, если русскіе захотятъ силою захватить мѣсто для постройки города, то сами и будутъ отвѣчать за послѣдствія. Правительство послѣ такого отвѣта нѣсколько разъ вызывало хана съ намѣреніемъ задержать его, но лукавый Габайдулла не поѣхалъ и началъ непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ. Двинувъ часть орды къ горамъ Улу-Тау и Кичи-Тау подъ предводительствомъ своихъ племянниковъ, султановъ Кенисары и Наурузбая, онъ самъ отправился къ границамъ Китайской имперіи и, остановившись въ урочищѣ Баянъ-Аулъ, послалъ посольство къ китайскому императору съ просьбой признать его, Габайдуллу, ханомъ Большой и Средней ордъ. Изъ Баянъ-Аула онъ по-

слалъ подкрѣпленія Кенисарѣ и Наурузбаю и распоряжался дѣйствіями противъ нашихъ отрядовъ. Спустя четыре мѣсяца посольство вернулось изъ Китая съ грамотой о признаніи Габайдуллы киргизскимъ ханомъ и ванъ—гуномъ, т. е. великимъ княземъ Китайской имперіи, и Габайдулла былъ торжественно поднятъ на бѣлый войлокъ, что, по древнему обычаю киргизовъ, обозначало возведеніе его въ ханское достоинство. Узнавъ объ этомъ, пограничныя русскія власти выслали отряды съ трехъ сторонъ къ Баянъ-Аулу и послѣ небольшой стычки непокорный Габайдулла, оставленный разбѣжавшимися киргизами, былъ взятъ въ плѣнъ со своими приближенными біями въ числѣ 90 человѣкъ и сосланъ въ городъ Березовъ, Тобольской губерніи. Старшему сыну Габайдуллы, Булату было въ это время уже 16 лѣтъ. Подарки, непринятые его отцомъ, были посланы теперь ему и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ произведенъ былъ въ чинъ маіора. Въ 1853 году генералъ-губернаторъ Западной Сибири и командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса употреблялъ всѣ усилія убѣдить султана Булата дать старшему сыну его, Гази Булатовичу, приличное образованіе, и старанія Г. Х. Гасфорта, генералъ-губернатора, увѣнчались успѣхомъ: девятилѣтній Гази былъ отправленъ съ дядей его Ханъ-Ходжей и 30 киргизами въ Омскъ, гдѣ онъ и поступилъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ. Султанъ Гази-Булатовичъ 16 лѣтъ окончилъ обученіе въ корпусѣ, былъ произведенъ въ корнеты и назначенъ состоять въ распоряженіи генералъ-губернатора Западной Сибири. Генералъ Гасфортъ скоро командировалъ молодого офицера къ Черному Иртышу, гдѣ Гази Булатовичъ старался всѣми мѣрами повліять на непокорныя племена киргизовъ Семизъ-Наймановскаго и другихъ родовъ вступить въ подданство Россіи. Благодаря своему происхожденію, которое не могло не дѣйствовать обаятельно на киргизовъ, султанъ Гази вполнѣ успѣлъ въ своей миссіи и заслужилъ еще большее расположеніе и вниманіе генералъ-губернатора, который, по возвращеніи Гази Булатовича изъ командировки, приставилъ его къ находившимся тогда въ Омскѣ военно-плѣннымъ азіатскимъ вельможамъ, представителямъ Кокандскаго ханства: Атабекъ-Датхѣ, Али-Ширъ-Датхѣ и Шигаулу, родственнику Кокандскаго хана. Въ годъ поступленія Гази-Булатовича въ сибирскій корпусъ изъ этого заведенія вышелъ родственникъ его султанъ Чоканъ Валихановъ, происходившій отъ одной изъ младшихъ женъ Вали-Хана, впослѣдствіи путешественникъ и авторъ «Очерковъ Джунгаріи» и другихъ сочиненій о Востокѣ, умершій въ 1865 году.—Этотъ самый родственникъ, питавшій тайную вражду къ Гази Булатовичу, заподозрилъ его въ коварныхъ замыслахъ противъ Россіи и совмѣстно съ Чингизомъ, отцомъ своимъ, тайно донесъ своему генералъ-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, будто султанъ Гази возбуждаетъ киргизовъ противъ правительства. Генералъ Дюгамель изъ предосторожности, узнавъ изъ доноса, объ огромномъ вліяніи на киргизовъ потомковъ Габайдуллы по прямой линіи, перевелъ молодого корнета Гази-Вали-Хана въ Тобольскъ, прикомандировавъ его къ полку, находившемуся въ этомъ городѣ. Возмущенный и обиженный несправедливыми навѣтами, Гази Булатовичъ, пробывъ всего двѣ недѣли на мѣстѣ новой службы, взялъ шестимѣсячный отпускъ и отправился въ Петербургъ Здѣсь онъ представился тогдашнему военному министру Д. А. Милютину и просилъ его

доложить Государю о своихъ желаніи служить въ столицѣ. По Высочайшему повелѣнію султанъ Гази-Вали-Ханъ былъ прикомандированъ къ лейбъ- гвардейскому Казачьему Его Величества полку и участвовалъ съ этимъ полкомъ въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Затѣмъ, узнавъ объ отправленіи военной экспедиціи въ Среднюю Азію, онъ пожелалъ принести пользу русскому правительству и перевелся на службу къ начальнику Алтавскаго округа и киргизовъ Большой орды, въ укрѣпленіе Вѣрное, гдѣ формировался отрядъ М. Г. Черняева. Назначенный начальникомъ всей киргизской милиціи, онъ по пути къ городу Ауліе-Ата, путемъ своихъ родственныхъ связей со старшими султанами Большой орды, дядями Тезекомъ и Али-Аблай-Ханомъ, склонилъ непокорныя племена дулутовъ и кара-киргизовъ (бурутовъ) перейти въ русское подданство. Послѣ этой экспедиціи, въ которой во время взятія кокандской крѣпости Ауліе-Ата, онъ выказалъ личную храбрость, султанъ Гази-Вали-Ханъ вышелъ въ отставку, но вскорѣ снова былъ призванъ на службу въ л.-гв. Атаманскій Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полкъ, въ спискахъ котораго числится и понынѣ. Съ 1879 по 1881 г. султанъ Гази Булатовичъ находился въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ (въ настоящее время офицерская кавалерійская школа), а во время коронаціи, по Высочайшему повелѣнію, состоялъ почетнымъ переводчикомъ при хивинскомъ ханѣ и бухарскомъ наслѣдникѣ престола (нынѣ бухарскомъ эмирѣ). Кромѣ того, онъ не одинъ разъ былъ командированъ пограничными властями на границы Китая, для принятія посольствъ и дунганскихъ депутацій. Интересуясь судьбами Востока, султанъ Гази-Вали-Ханъ имѣетъ много матеріаловъ по этой части, прекрасно знаетъ положеніе дѣлъ въ областяхъ, населенныхъ роднымъ ему народомъ, и между прочимъ помѣстилъ недавно весьма дѣльную статью въ «Новомъ Времени» по вопросу о возможности переселенія въ Акмолинскую степь жителей внутреннихъ губерній Россіи.

Б., Ѳ.—Илецкая Защита.—«Оренбургскій Край», 1893 г., № 7.

Въ статьѣ, между прочимъ, говорится, что годъ—отъ году Илецкая Защита отправляетъ все больше и больше мѣстныхъ продуктовъ... Съ осени всего болѣе отправляется хлѣбъ,—пшеница, просо и проч.; кромѣ того, съ киргизскихъ ярмарокъ въ Уилѣ и Каракамышѣ везется много шерсти и кожъ. Въ самой Илецкой Защитѣ ежегодно убивается на мѣстныхъ, допотопнаго устройства, скотобойняхъ нѣсколько десятковъ тысячъ овецъ и рогатаго скота. Къ этому нужно еще присоединить болѣе полутора милліона пудовъ соли, ежегодно вырабатываемой въ илецкихъ копяхъ. Провозная плата въ разное время года бываетъ различна. Съ мая мѣсяца 1892 года платили за провозъ отъ Илецкой Защиты до Оренбурга 6—7 коп. съ пуда. Къ осени провозная плата поднялась до 12 коп., а затѣмъ держалась на 7—8 коп. Извозомъ занимаются жители Илецкой Защиты, казаки и киргизы. Одинъ богатый киргизъ для заработковъ извозомъ явился откуда-то издалека съ 150 верблюдами. Чудны эти, говоритъ корреспондентъ, дальніе киргизы. Тогда какъ ихъ собраты, живущіе бокъ-о-бокъ съ русскимъ населеніемъ, совсѣмъ дѣлаются осѣдлыми, перестаютъ кочевать и селятся группами, для пищи мелютъ муку, готовятъ пшено на обдирку,—дальніе киргизы чуждаются всѣхъ этихъ нов-

шествъ. Они не ѣдятъ печенаго русскаго хлѣба, питаются пшеномъ своего приготовленія и въ большинствѣ случаевъ ѣдятъ мясо.—По пути въ Оренбургъ они не заѣзжаютъ на квартиры, а останавливаются среди поля таборомъ. Верблюдовъ пускаютъ пастись, а сами грѣются около огня въ джуламейкахъ. Это при 35°-номъ холодѣ!

Илецкая Защита годъ-отъ-году становится главнымъ мѣстомъ обмѣна товаровъ съ киргизами. Киргизы сбываютъ всѣ свои товары въ Илецкой Защитѣ и здѣсь же пріобрѣтаютъ все для себя необходимое: муку, ситецъ. сукно, деревянныя издѣлія и прочее.

Бабаджановъ, Х. М. С.—Аппеляція киргиза къ публикѣ.—«Сѣверная Пчела», 1860 г., № 138.

Бабаджановъ, Х. М. С.—Замѣтка киргиза о киргизахъ.—«Сѣверная Пчела», 1861 г., № 4.

Бабаджановъ, М. С—Аппеляція киргиза къ публикѣ, по поводу статьи Русскаго Вѣстника, подъ заглавіемъ: «Киргизоманія».—«Сѣверная Пчела», 1861 г., № 131.

Бабаджановъ. Х. М. С.—Замѣтки киргиза о житьѣ-бытьѣ и участи его родичей.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1861 г., № 136.

Бабаджановъ, Х. М.—О каменной бабѣ, найденной въ киргизской степи.—«Этнографическій сборникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1864 г. вып. VI.

Авторъ пишетъ о найденной, въ іюнѣ 1862 г., близъ Ханской Ставки, въ барханахъ каменной бабѣ. Длина ея $2^1/_3$ аршина, ширина $^3/_4$ аршина; она изображаетъ сидящую женщину. Авторъ предполагаетъ, что это—истуканъ калмыцкихъ или монгольскихъ временъ. Тутъ же найдены бронзовая стрѣла и осколки посуды. Авторъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное находкой на киргизовъ, и, кромѣ того, говоритъ о муллахъ и народномъ леченіи (А. Н. Харузинъ).

Бабаджановъ, Х. М. С.—Мелкія извѣстія изъ внутренней киргизской Орды.—«Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1865 г., № 6 кн. 1-я.

Бабаджановъ, Х. М. С.—Споръ Уральскихъ казаковъ съ киргизами Внутренней Орды.—«Дѣятельность», 1868 г. № 109.

Авторъ указываетъ на три спорныхъ участка: Межузеньскій, Камышъ-Самарскія озера и песчано-солонцеватый участокъ на югѣ отъ озеръ. Онъ говоритъ, что обѣ стороны не имѣютъ правъ на участки, но что ихъ слѣдовало бы передать киргизамъ, въ виду ихъ худшаго экономическаго положенія; тутъ же г. Бабаджановъ рисуетъ кратко и экономическое положеніе той и другой стороны. Передовая статья этого нумера служитъ дополненіемъ къ статьѣ Бабаджанова (А. Н. Харузинъ).

18) О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. 1895. Цѣна 20 коп.

19) О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочнева. 1895. Цѣна 10 коп.

20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

21) О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библіотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.

22) Трощанскій, В. Ф. Опытъ систематической програмы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

23) О древнихъ могилахъ у Мцхеты, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ. В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.

24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ. Составилъ И. Ѳ. Токмаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

25) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аристова. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

26) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

27) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

28) Катановъ, Н. Ѳ. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Со снимкомъ). Цѣна 15 коп.

29) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ I. 1878, выпуски 2—5, по 20 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно томы II, VII и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII томовъ, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, ц. 2 руб. 50 коп. Томъ IV. 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 2, 1890, ц. 2 руб. 25 коп.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 2, ц. 1 руб. 75 коп., вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2—6 по 1 руб. Томъ XII, 1894—1895, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 2 ц. 1 руб.—3, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 1—3 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томъ XVI, вып. 1—3 по 1 руб., вып. 4—6 цѣна 2 руб. Томъ XVII, вып. 1, цѣна 1 руб. Томы I, II и VII, а равно и 1-е вып. VI-го, XI-го и XII-го томовъ и 3-й вып. XIII т. «Извѣстій», Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.

30) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1899 годы по 25 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Казань, Гостинный дворъ, № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ), б) Карлъ Риккеръ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14), в) Книжный магазинъ «Новаго Времени» (Москва, Неглинный проѣздъ, д. Депре), г) Н. Киммель въ Ригѣ и д) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.).

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Эти. (Казань, Университетъ) пользуются 30% уступки и безплатною пересылкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія и книжный складъ Общества открыты еженедѣльно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4—6 час. веч.

Въ 1901 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (первый выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ серединѣ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: проф. Д. В. Айналовъ, проф. А. И. Александровъ, А. Е. Алекторовъ (Кустанай), И. В. Аничковъ (Ташкентъ), проф. А. С. Архангельскій, о. Н. А. Архангельскій, Г. Ахмаровъ, проф. В. А. Богородицкій, В. Л. Борисовъ, проф. Е. Ѳ. Будде, Д. В. Васильевъ, В. Н. Витевскій, А. А. Диваевъ (Ташкентъ), И. А. Износковъ, проф. Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, о. Е. А. Маловъ, И. С. Михеевъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, В. А. Мошковъ (Варшава), А. Д. Нестеровъ (Казалинскъ), епископъ Никаноръ (Орелъ), Н. Н. Новокрещенныхъ (Пермь), Н. П. Остроумовъ (Ташкентъ), Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, проф. И. М. Покровскій, П. А. Пономаревъ, С. И. Порфирьевъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, В. М. Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна этого выпуска 1 рубль.